

"Черный Лебедь"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

МАЙОР СЭНДЗ И ГОСПОЖА УДАЧА

Как человек, знающий себе цену, майор Сэндз был готов благосклонно принять милости, которыми могла удостоить его госпожа Удача. До сих пор у него хватало ума не поддаваться на ее удочку уж он-то знал, на какое коварство была способна эта продувная бестия. Ему не раз случалось видеть, как она осыпала милостями людей недостойных и отворачивалась от тех, кто и вправду был достоин ее наград. И если она наконец улыбнулась ему, то вовсе не из великодушия или чувства справедливости, а просто потому, что майор Сэндз сумел заставить ее сделать это.

Таково, смею вас уверить, было умонастроение майора, когда он сидел, мечтая, возле мисс Присциллы Харрадин, которая отдыхала на кушетке, установленной на корме «Кентавра», под сенью навеса, сооруженного на скорую руку из куска парусины.

Сверкая позолотой, с убранными парусами, «Кентавр» грациозно покачиваясь на волнах, бросив якорь в просторной бухте Фор-Руаяля. Он зашел пополнить запасы пресной воды, предоставив местным жителям прекрасную возможность развернуть широкую торговлю. Перегруженные фруктами и овощами пироги, управляемые белыми, неграми и карибами, точно мухи, слетелись к огромному кораблю, уткнувшись в его борта носами. На старшего кока и его помощника-негра, расположившихся на палубе, со всех сторон сыпались самые разные предложения, выкрикиваемые на трескучем французском и рокошущем английском. Так что товар брали у тех, кто был бойчее других и кричал громче всех.

У выхода на наружный трап капитан Брэнсом, в подпоясанном ремнем синем камзоле, широкие полы которого развевались на ветру, в кружевной манишке цвета потускневшего золота, отбивался от назойливого еврея, стоявшего в лодке и пытавшегося всучить ему груды кокосовых орехов, пряностей и имбиря.

Неподалеку от берега, на сверкающей глади нефритовых вод бухты, где под действием слабого норд-оста, немного облегчившего изнурительную жару, мало-помалу поднималась легкая зыбь, вздымались в небо стройные ряды корабельных мачт и стеньг [1], оплетенных густой паутиной реев [2], канатов и тросов. А за ними, на фоне стелющихся волнами изумрудных холмов Мартиники, виднелся крохотный городишко Фор-Руаяль, над которым с севера высился выщербленный ветрами пик горы Пеле, упиравшийся прямо в серебристо-голубой небосвод.

Капитан Брэнсом поглядывал то на неугомонного еврея, то на большую шлюпку, маячившую примерно в полумиле от «Кентавра» и быстро направлявшуюся прямо к нему. Чтобы было не так жарко, он снял с головы черную бобровую шляпу, под которой вместо парика оказался широкий синий платок, и вытер им лоб. В нелепом для здешних мест парадном европейском платье он просто задыхался, однако при заходе в порт ему всякий раз надлежало облачаться в него — ничего не попишешь, такова уж была его служба.

На верхней палубе, явно предрасположенный к полноте, майор Сэндз тоже страдал от жары, несмотря на легкий бриз и спасительную тень навеса, и страдания его усугублялись мыслями о безысходности своего положения: его пребывание под тропиком Рака слишком затянулось, и он даже не мог предположить, когда оно наконец закончится. Он покинул Англию пять лет тому назад, когда еще здравствовал Карл II [3], и поступил на службу в заморские колонии, надеясь обрести в Новом Свете удачу, избегавшую его в Старом. Впрочем, так порешил его досточтимый батюшка, большой охотник до карт и выпивки, вконец промотавший их обширные

родовые поместья в Уилтшире [4] . И, хотя вследствие этого его наследство изрядно поубавилось, наш майор нисколько о том не сожалел, так как вместе с ним он по крайней мере избавлялся от порочных наклонностей батюшки, за что каждый божий день благословлял своего создателя.

Майор Сэндз не любил рисковать. В отличие от своего расточительного отца он был наделен особой расчетливостью, которая в сочетании с умом помогает их обладателю достичь известных высот. Сказать по правде, умом майор не блистал, однако, как это зачастую бывает с людьми, ему подобными, он не придавал тому никакого значения, и если надежды его пока не осуществились, то уж неумолимое приближение удачи он чувствовал как никогда прежде.

И теперь, ожидая лишь его благоволения, удача улыбалась ему, возлежа прямо перед ним — о что за дивное зрелище! — на кушетке из бамбука и резного дуба.

Высокая, стройная и прекрасная, мисс Присцилла Харрадин являла собой воплощение самой грации, которая была скорее отражением изящества ее души. Ее юное лицо, сокрытое под широкими полями шляпы, лучилось очарованием, а бархатная кожа и выражение прелестных глаз, каких нет больше на всем белом свете, несли в себе едва уловимую печать долгого пребывания под жарким антильским солнцем. Маленький решительный подбородок и резко очерченные губы свидетельствовали о ее большой силе воли, тогда как огромные глаза, цвет которых был сродни небесной синеве — когда она обращала их к небу — и сочной зелени волн — когда она смотрела на море, — излучали нежность и чистосердечие. На ней было расшитое золотом шелковое платье цвета слоновой кости; она опаживалась веером из красно-зеленых перьев попугая, украшенным посередине миниатюрным овальным зеркальцем.

Ее отец, сэр Джон Харрадин, подобно майору Сэндзу, был принужден покинуть родину из-за превратностей судьбы. Когда его денежные дела пришли в расстройство, с целью поправить пошатнувшееся материальное положение, а также ради своей единственной дочери, рано потерявшей мать, он согласился вступить в должность губернатора Наветренных островов [5] , которую выхлопотал ему один из его друзей, вхожий ко Двору. Сей пост сулил немалые выгоды. Смекнув это, сэр Джон воспользовался предоставившимися возможностями и отслужил в губернаторской должности верой и правдой шесть лет. И когда он умер — тропическая лихорадка унесла его до срока, — его дочь была вознаграждена с лихвой за те долгие годы, что она прожила вместе с ним вдали от родины, став обладательницей довольно крупного состояния и весьма приличного имени в Англии, которое приобрел для нее по случаю надежный агент.

1

Стеньга — наставленная часть мачты, являющаяся ее продолжением; на парусных судах бывает до четырех таких продолжений.

2

Рей — балка круглой формы, которая подвижно укрепляется средней частью на мачте или стеньге. На парусных судах с прямым вооружением служит для привязывания прямого паруса.

Карл II (1630-1685), английский король из династии Стюартов, правил в 1660-1685 гг.; кроме того, с 1649 г. был королем Шотландии.

Уилтшир — графство на юге Англии.

Наветренные острова — часть Малых Антильских островов, вытянувшаяся почти в меридиональном направлении между 12° и 18° 30 с. ш., к северу от побережья Южной Америки; разделяет Карибское море и Атлантический океан. Наиболее значительные острова: Гваделупа, Мартиника, Доминика, Сент-Люсия, Сент-Винцент, Гренада. Остров Антигуа, упоминаемый ниже, расположен в северной части архипелага.

Сэр Джон хотел, чтобы она как можно скорее вернулась на родину, где ее попечением должна была заняться его сестра. Признав в свой последний час, что из-за его корысти ее молодость была загублена в Вест-Индии, он велеречиво попросил у дочери прощения и засим отбил в мир иной.

Они с отцом были добрыми друзьями и никогда не разлучались. Его смерть стала для нее невосполнимой утратой, и только дружба и поддержка майора Сэндза принесли ей заметное облегчение.

Бартоломью Сэндз был вице-губернатором. Он прожил в доме Харрадинов так долго, что мисс Присцилла уже относилась к нему как к члену семьи и теперь с радостью принимала знаки его внимания. И майор был этим безмерно счастлив. Надежды стать губернатором Антигуа после смерти сэра Джона у него практически не было. Вовсе не потому, что он не годился на столь высокую должность. Он не сомневался, что вполне мог бы с нею справиться, однако ему было хорошо известно, что, когда речь заходит о назначении на ту или иную должность, благоволение Двора значит много больше, нежели сметка и богатый практический опыт, а посему он был уверен: на эту должность непременно назначат какого-нибудь нерадивого бездаря из метрополии.

И, осознав всю безысходность своего положения, он решил посвятить себя целиком заботам о мисс Присцилле.

Откровенно поделившись с девушкой своими намерениями, он поверг ее в умиление. Ока считала, что он, несомненно, займет пост ее отца, и ему вовсе не хотелось разубеждать ее в этом. Разумеется, было бы превосходно, как-то заметил он ей, если бы все так и обернулось, однако сейчас главное для него заключалось в другом — в том, чтобы оказать ей посильную помощь. Мисс Присцилле следовало незамедлительно возвращаться на родину, в Англию.

Плавание предстояло долгое и небезопасное. И он не мог допустить, чтобы она отправилась в столь нелегкое путешествие одна, без надежного спутника. Конечно, в этом случае он лишился последней возможности стать губернатором, к тому же за самовольную отлучку с острова, тем более в такое беспокойное время, его ожидали крупные неприятности, но отныне все его помыслы были заняты только ею одной. Кроме того, прибавил он для пушей убедительности, такова была воля ее покойного отца.

Мисс Присцилла хотела было отвергнуть его жертву, однако он твердо решил ехать, а на время своей отлучки он назначил вице-губернатором капитана Грея — покуда Уайтхолл [6] не вынесет иного решения.

Так он очутился на «Кентавре» вместе с мисс Присциллой и ее чернокожей служанкой Изабеллой. К несчастью, негритянка не переносила качки, и путешествие через океан стало для нее невыносимой мукой, так что пришлось ее высадить на Барбадосе. После этого мисс Присцилле ничего не оставалось, как самой заботиться о себе.

Майору Сэндзу приглянулись внушительные размеры «Кентавра», а также то, что корабль обладал превосходными мореходными качествами, и, хотя его владелец, прежде чем взять курс к родным берегам, намеревался отправиться по торговым делам на юг, к Барбадосу, он остановил свой выбор именно на нем. И теперь майор желал, чтобы плавание продлилось как можно дольше, так как надеялся, что за это время его отношения с мисс Присциллой станут много ближе. Будучи человеком расчетливым, он не хотел торопить события — себе во вред. Поскольку ухаживать за наследницей сэра Джона Харрадина он начал только после его смерти, ему казалось, что ее расположение он сможет завоевать лишь в том случае, если будет действовать не спеша. А пока ему следовало развеять кое-какие предрассудки, которые могли стать препятствием на его пути к успеху. Хотя, в общем, майор не мог пожаловаться на свою внешность, в чем он убеждался всякий раз, когда смотрел на себя в зеркало, тем не менее его и мисс Присциллу разделяла значительная разница в возрасте. Мисс Присцилле еще не исполнилось и двадцати пяти, а майору уже было за сорок, на голове у него появились залысины, и он тщательно скрывал их под отливавшим золотом париком. Он видел, что она относится к нему с почтением, как если бы он был ей отцом, и от этого ему становилось не по себе. Тем не менее его не покидала надежда, что при определенном усердии, сблизившись с нею, ему удастся покорить ее сердце. И это плавание открывало для него прекрасные возможности осуществить свою вожденную мечту. Что правда, то правда, только сущий глупец мог не воспользоваться таким благоприятным случаем, чтобы еще до прихода в Плимут заполучить руку и сердце этой столь желанной девушки, а заодно и ее не менее желанное состояние.

Теша себя этой приятной надеждой, майор, как истинный джентльмен, готовый предупреждать малейшие желания дамы, протянул своей спутнице серебряную коробочку с перуанскими леденцами.

Она отрицательно покачала головой, ответив ему нежной, очаровательной улыбкой.

— Вы проявляете по отношению ко мне столько любезности, сударь, что, с моей стороны, было бы крайне неучтиво отказать вам... Однако...

И она взмахнула ярким веером.

Майор сделал вид, будто огорчился... или, скорее, попытался изобразить огорчение.

— Неужто, мисс, я всегда буду для вас только сударем? В таком случае, честное слово, я

больше ничего не стану вам предлагать. Вы же знаете, мисс, у меня есть имя — Бартоломью.

— Прекрасное имя, — сказала она, — но больно уж красивое и длинное, чтобы выговаривать его по сто раз на дню... да еще в такую жару.

Но он сразу нашелся что ответить:

— Друзья называют меня Бартом. Так звала меня и моя матушка. Так что пусть я буду Бартом и для вас, Присцилла.

— Весьма польщена, Барт, — произнесла она с улыбкой, от которой у него тут же отлегло на душе.

Корабельный колокол пробил восемь склянок [7]. Заслышав сигнал, мисс Присцилла встрепенулась:

— Как, уже четыре часа, а мы все еще здесь? — удивленно проговорила она. — Ведь капитан уверял, что мы снимемся гораздо раньше.

Она поднялась и спросила:

— Право, почему мы так долго стоим?

Как будто желая получить ответ на свой вопрос, она вышла из-под навеса. Майор Сэндз тоже встал и последовал за нею.

Торговец-еврей несолоно хлебавши направил свою крохотную лодчонку назад к берегу. Другие пироги, так и не освободившись от груза овощей и фруктов, тоже отчаливали от корабля. Сидевшие в них люди все еще кричали, препираясь с матросами, облепившими релинги [8]. Большая шлюпка, за которой наблюдал капитан Брэнсом, подошла к подножию наружного трапа. Один из сидевших в ней туземцев, обнаженный и смуглый, упершись коленом в ее носовую надстройку и ухватив корабельный конец, поставил шлюпку вдоль огромного, как скала, борга корабля.

6

Уайтхолл — улица в Лондоне, на которой расположены правительственные учреждения; часто это название используется как переносное обозначение английского правительства.

7

Склянки — получасовой промежуток времени, который на морских судах отмечается ударом в судовой колокол. В 4, 8, 12, 16, 20 и 24 часа бьют по восемь склянок, а потом счет начинается сначала.

8

Релинги (англ, railings; обычно употребляется во множественном числе) — ограда, перила.

В это же самое время за кормовым парусом шлюпки показалась стройная, крепко сложенная фигура молодого человека в голубом, расшитом золотом камзоле и шляпе, увенчанной бледно-голубым страусовым пером; на его руке, обрамленной тончайшими кружевами, которой он взялся за поручень трапа, была перчатка.

— Черт возьми! А это еще что за птица? — удивленно воскликнул майор Сэндз, не ожидавший встретить эдакого щеголя прямо посреди моря, у берегов Мартиники.

Он удивился еще больше, когда увидел, с какой ловкостью этот щеголь взбирался по перекошенному трапу. Следом за ним едва поспевал метис в хлопчатобумажной рубаше и коротких штанах из грубой кожи, он тащил плащ, шпагу и ярко-красную кожаную кобуру, из которой торчали рукоятки двух пистолетов, отделанные серебряной чеканкой.

Поднявшись до верхней площадки трапа, расположенной на уровне палубы, высокий незнакомец на мгновение остановился, приняв величественную позу. Затем, в ответ на приветствие капитана, он снял шляпу и поклонился. На голове у него был искусно завитый черный парик, обрамлявший его загорелое, обветренное лицо.

Капитан отдал распоряжение. К нему тотчас же устремились двое матросов.

Путешественникам было видно с кормы, как вслед за тем на палубу подняли один сундук, а за ним и другой.

— Кажется, этот господин наш попугчик, — произнес майор.

— Судя по наружности, он какая-нибудь важная особа, — заметила мисс Присцилла.

На что майор с плохо скрываемым раздражением возразил:

— Вы судите о нем по его изящному виду. А наружность, да будет вам известно, моя милая, обманчивая штука. Вы только взгляните на его слугу, если этот мошенник в самом деле ему слуга, — это же сущий пират.

— Но мы же с вами находимся в стране буканьеров [9], Барт, — напомнила ему она.

— Вот именно, — резко ответил майор. — Я и подумал, что роскошный голубой камзол здесь совсем не к месту.

По свистку капитана матросы заняли свои места.

Якорная цепь с оглушительным скрежетом поползла вверх. Матросы полезли на марсы [10] ставить паруса. Майор догадался, почему они так долго здесь стояли — чтобы забрать незнакомца, и, как бы обращаясь к ветру, он с горечью спросил:

— Откуда, черт бы его побрал, взялся этот хлыщ?

В его голосе прозвучало явное недовольство. Ведь незнакомец мог нарушить все его планы.

Майор Сэндз огорчился бы еще больше, знай он, что сама госпожа Удача ниспослала ему попугчика, дабы он лишний раз убедился, что добиться ее милостей не так-то просто.

В романе используется несколько синонимичных названий пиратов. «Буканьеры» — французское название, образованное от карибского «boucasouï», или «boucabouï», обозначающих либо мясо, коптившееся на костре, либо деревянную палочку, на которой коптилось мясо. Впоследствии буканьерами стали называть охотников, промышлявших в лесах Антильских островов. Точно так же прозвали и укрывавшихся в лесах бунтарей, которые в XVII в. вели партизанскую войну с испанцами в их колониях, главным образом, на Сан-Доминго, и присоединявшихся к ним всевозможных авантюристов, преимущественно нормандского происхождения. Часть пиратской вольницы на Тортуге оставалась на берегу для снабжения экипажей мясом. В частности, они какое-то время разводили коз. Это занятие в немалой степени способствовало распространению названия «буканьер» на пиратскую братию. Слово «флибустьер» появилось в английском языке в конце XVI в. (flibutor, frybuter, позднее — filibuster). Оно является транскрипцией голландского «vrijbueter», которое буквально переводится как «мастер добычи»; им в XVI веке обозначали пиратов. Сами голландцы впоследствии стали называть пиратов по-другому: zeeroovers, то есть «морские разбойники». Примерно то же значение имело испанское слово corsario, известное нам в форме «корсар».

Марс — площадка у соединения мачты и стеньги, служащая для размещения наблюдателей или сигнальной и осветительной техники; на парусном флоте использовалась также для постановки парусов и управления ими.

Глава II

ГОСПОДИН ДЕ БЕРНИ

Мисс Присцилла и майор, которым не терпелось узнать, кто же их попутчик, спустились в просторную кают-компанию, где уже шли приготовления к ужину.

Однако узнать им удалось немного: представляя им незнакомца, капитан назвал его Шарлем де Берни, из чего следовало, что он был француз. Хотя с первого взгляда сказать это было трудно, потому что по-английски он изъяснялся довольно легко и непринужденно. Его национальность скорее выдавали присущие ему чисто французская экспрессивность и подчеркнутая обходительность — слишком откровенная, по мнению майора, воззрившегося на него широко раскрытыми голубыми глазами. Для себя майор уже решил, что будет относиться к незнакомцу нарочито равнодушно, и только порадовался, когда не нашел никаких оснований, могших изменить его решение: дело в том, что в силу своего положения майор Сэндз презирал всех, кто, подобно ему, был лишен привилегии родиться англичанином.

Господин де Берни был высок, строен и на вид крепок. На нем были голубые гладкие чулки, подчеркивающие стройность его гибких ног. Его лицо покрывал сильный загар. И, как не преминул заметить майор Сэндз, оно поразительно напоминало лик Его величества покойного короля Карла II в пору его молодости — ибо французу было не больше тридцати пяти. Тот же удлинённый череп, такие же острые скулы, тот же нос и тот же выступающий вперед

подбородок, такие же тонкие черные усики над полной верхней губой, тот же рот, застывший в едва уловимой сардонической улыбке, характерной для усопшего монарха. Над его темными глазами, вспыхивающими, точно яркий факел, нависали черные как смоль брови.

Судя по всему, к своим спутникам он питал несравнимо меньший интерес, нежели они к нему. По крайней мере такое впечатление складывалось сначала. Хотя его лицо по-прежнему хранило маску учтивости, защищавшей его, словно щит, было видно, что беседа, которую он вел с капитаном, вселила в него некоторую тревогу.

— Раз уж вам в тягость зайти на Мари-Галант [11], капитан, дайте мне хотя бы шлюпку, и я сам доберусь до берега.

— Но я не собираюсь заходить в воды Гваделупы, — возразил капитан. — А случись там какая-нибудь заваруха?.. Хотя я и знаю свой долг, у меня нет ни малейшего желания рисковать. Это мое последнее плавание, и я сделаю все, чтобы оно прошло спокойно. В Девоне [12] меня ждут жена и четверо детишек. И уж я постараюсь держаться подальше от этого пиратского гнезда — Гваделупы. Я и без того рискую, согласившись высадить вас на Санта-Крус [13].

Мисс Присцилла, сидевшая рядом, оживилась.

— Вы говорите — пираты, капитан? — сказала она, наклонившись к нему.

— Да-да, мисс, они самые...

Заметив на лице своей подопечной тень тревоги, в разговор вступил майор:

— Полноте, капитан! При дамах не пристало говорить о пиратах. Кроме того, их уже давно нет, они существуют разве что в воображении трусов.

— О, сударь, не скажите! — возразил капитан, весь зардевшись, и насмешливым тоном продолжил: — Хорошо, сударь, раз вы полагаете, что в Карибском море нынче тишь да гладь, как в пруду английскою парка, пусть будет по-вашему.

И он принялся за ужин, а майор Сэндз обратился к господину де Берни:

— Стало быть, сударь, вы с нами только до Санта-Круса?

— Нет, сударь. Я собираюсь плыть во Францию и ищу попутный корабль.

Майор стушевался:

— Но, сударь, лучшего судна, чем наше, вам не найти. Почему бы вам не отправиться с нами до Плимута? Ведь оттуда до Франции, через Ла-Манш, рукой подать.

— В самом деле, сударь, — ответил де Берни, — я об этом как-то не подумал.

В то же мгновение майор пожалел, что оказался столь словоохотлив. К своему великому сожалению, он услышал, что мисс Присцилла, подхватив мысль, так сильно его обеспокоившую, сказала французу:

— А теперь вы, надеюсь, подумаете, сударь?

Де Берни взглянул на нее, и в его темных глазах блеснул огонь. А на губах заиграла ласковая улыбка.

— Право, мисс, — промолвил он, — ваше присутствие способно свергнуть в смущение любого мужчину.

Майору такой ответ показался на редкость дерзким. Однако после короткой паузы француз сумел выйти из этого щекотливого положения:

— Но увы! На Санта-Крусе меня ожидает приятель. Мы вместе должны плыть во Францию.

Тут в разговор опять вмешался майор.

— Но, — удивленно заметил он, — вы только что просили капитана высадить вас на Гваделупе. Выходит, раз не Гваделупа, подавай вам Санта-Крус, так, что ли?

Своим вопросом он надеялся озадачить француза, но не тут-то было. Повернувшись к нему, тот одарил его улыбкой, на сей раз больше напоминавшей презрительную усмешку:

— Зачем же обличать невинную ложь, к которой приходится прибегать ради того, чтобы выказать любезность даме? Это по меньшей мере бестактно, сударь.

Майор покраснел, но сдаваться и не подумал:

— А зачем прибегать ко лжи, сударь?

— Позвольте, сударь, задать вам встречный вопрос: а зачем прибегать к любезностям? Каждый поступает сообразно со своей натурой. Один прибегает ко лжи — ради того, чтобы казаться любезным, а другой допускает бестактность — из самых искренних побуждений. И каждый из нас по-своему достоин восхищения.

— Клянусь честью, сударь, тут уж я с вами ни за что не соглашусь!

— Тогда давайте спросим мисс, пусть она нас рассудит! — улыбнувшись, произнес француз.

Но мисс Присцилла покачала белокурой головой:

— Если так, то мне придется выступить против одного из вас, а для меня это будет очень нелегко! — ответила она.

— В таком случае я приношу вам извинения за мою просьбу, и давайте оставим этот разговор, — предложил де Берни. И, обернувшись к капитану, перевел беседу на другую тему.

После этого разговора майор почувствовал себя униженным.

— Я думаю, французу не доставило удовольствия оказаться в таком неловком положении, — сказал он мисс Присцилле, когда они вернулись на корму.

Мисс Присцилле очень не понравилось плохо скрываемая неприязнь майора к столь учтивому чужеземцу. Кичливость майора вызывала у нее раздражение.

11

Мари-Галант — остров в группе Наветренных островов к северу от Доминики и к востоку от Гваделупы.

Девон (точнее — Девоншир) — графство в юго-западной Англии.

Санта-Крус — самый южный и самый крупный остров в группе Виргинских островов.

— А разве ему было неловко? — проговорила она. — Я этого совершенно не заметила.

— Как, неужели не... (Большие голубые глаза майора, который вдруг сделался красный, как помидор, казалось, вот-вот вылезут из орбит. И тут он громко рассмеялся.) Просто невероятно, Присцилла! Ну да, я же ясно дал ему понять, что со мной подобные шутки не проходят! Хитрецов да ловкачей я вижу насквозь. И, известное дело, нашему молодцу пришлось не по душе, когда его вывели на чистую воду.

— Не по душе? В таком случае он умело это скрыл.

— Конечно-конечно, прикидываться он большой мастак! — воскликнул майор. — Но, еще раз повторяю, со мной такие игры не проходят. Сначала он, видите ли, заявляет, что не думал плыть на «Кентавре». Потом оказалось, на Санта-Крусе его поджидает дружок... но я-то знаю, это капитан принудил его высадиться на Санта-Крусе! Что же он скрывает, причем так неловко?

— Это нас совершенно не касается.

— Вы полагаете? Я представляю здесь Британскую корону, и мой долг — внимательно следить за тем, что творится в здешних водах.

— Зачем же так беспокоиться? Через пару дней мы с ним распрощаемся.

— Что правда, то правда, и я благодарю за это небо.

— Отчего же такая немилость? Господин де Берни достаточно умен, и с ним было приятно провести время.

Майор нахмурил брови:

— Вы полагаете, он умен?

— Да! Вспомните, как ловко он парировал ваши выпады.

— Он — умен! Боже праведный! Да он вел себя как отъявленный плут, честное слово!

В это мгновение на трапе, ведущем на полуют [14], показалась черная шляпа с голубым пером, развевающимся на ветру. Де Берни направился к пассажирам.

При его появлении у майора засосало под ложечкой. Но мисс Присцилла встретила галантного

чужеземца сверкающей улыбкой и даже подвинулась, чтобы он мог сесть рядом с нею на кушетке — назло майору, который холодно ему кивнул.

Мартиника уже виднелась далеко позади, и теперь «Кентавр» на всех парусах мчался на запад, слегка покачиваясь на волнах.

Де Берни с видом знатока похвалил свежий норд-вест и высказал предположение, что если ветер будет им благоприятствовать и впредь, то раньше чем через пару дней они увидят берег Доминики. Майор, чтобы не остаться в долгу, выразил недоумение по поводу решения капитана зайти на остров, населенный преимущественно туземцами и всего лишь несколькими французами из фактории в Розе.

Де Берни поразил его своим быстрым ответом:

— Если бы речь шла об обычном торговом судне, я бы, сударь, с вами согласился. Действительно, Розо не стоит того, чтобы бросать там якорь. Однако, если капитан ведет торговлю самостоятельно, в этом случае у него могут быть веские причины остановиться там. Готов побиться об заклад, тут у капитана Брэнсома есть свой интерес.

Дальнейшие события подтвердили предположение француза: на другой день «Кентавр» бросил якорь в Розо. И Брэнсом, связанный договором со своими хозяевами, высадился на берег, чтобы договориться насчет закупки кожи.

Погрузка товара должна была занять день-другой, и господин де Берни предложил своим спутникам совершить прогулку в глубь острова. Мисс Присцилла приняла его предложение с большой радостью.

Раздобыв лошадей, трое путешественников, в сопровождении одного только Пьера, метиса, прислуживавшего де Берни, отправились полюбоваться дивной природой острова — горячим озером и плодородными долинами, по которым протекала речушка Лайу.

Майор хотел взять еще охрану, но де Берни уверил его, что туземцы Доминики народ миролюбивый и их можно совершенно не опасаться. По дороге путникам повстречался француз, крепкий молодец средних лет, в аляповатой одежде, от которого за версту несло ромом и табаком. Заметив де Берни, незнакомец застыл как вкопанный. Затем его смуглое, обветренное лицо ослабло. Гротескно-почтительным жестом он снял шляпу, обнажив убеленную сединой спутанную шевелюру.

Майор не понимал ни слова по-французски. Однако его поразил грубый, бесцеремонный тон, каким он заговорил с де Берни.

— Ба! Кого я вижу! Берни? Черт возьми, я уж думал, мы больше не свидимся!

Де Берни прервал его и ответил непринужденно и насмешливо:

— А это, стало быть, ты, шельма! Значит, теперь приторговываешь кожей?

Отъехав с мисс Присциллой немного вперед, майор весело заметил:

— Какие странные знакомые у нашего фата... Мне просто не терпится узнать, что же он все-таки за птица?

Лукавые слова майора привели мисс Присциллу в раздражение. Она считала его человеком

недалеким, и ей всегда казалось, что об островах Карибского моря она знает куда больше, чем он. Разве человек, живущий в далекой заморской колонии, не может иметь странных знакомств? Только легкомысленный невежда способен делать недоброжелательные выводы, глядя на подобную бесцеремонность.

И она сказала об этом майору.

— Однако, мисс! Неужели вы собираетесь выгораживать этого франта?

— А зачем вы насмехаетесь над ним, Барт? Насколько мне помнится, господин де Берни не говорил, что прибыл прямо из Версаля.

— Да-да, разумеется, уж в это он не заставил бы нас поверить ни за что на свете. Дитя мое, он же отъявленный авантюрист!

В ответ майор приготовился выслушать возражения, но то, что он услышал, превзошло все его ожидания.

— В самом деле, как же я раньше-то не догадалась! — сказала она с чарующей улыбкой. — Мне так нравятся авантюристы! Я просто восхищаюсь их жизнью!

Но тут к ним присоединился де Берни и избавил мисс Присциллу от выслушивания нравоучений своего опекуна. Дерзкий выпад девушки привел майора в негодование. Быть может, именно поэтому вечером, во время ужина, когда все собрались в кают-компании, он припомнил этот случай на прогулке.

— Как странно, что судьба свела вас здесь со старым знакомым!

— Действительно, странно, — ничуть не смутившись, произнес француз. — С этим человеком мы когда-то вместе воевали.

Майор удивленно поднял рыжие брови:

— Значит, вы служили, сударь?

Глаза француз загадочно сверкнули.

— В каком-то смысле — да, — ответил он и, обращаясь к Брэнсому, который, сняв роскошный европейский наряд, сидел, довольный, в хлопчатобумажной сорочке и коротких бумазейных панталонах, сказал: — Это был Лафарш. капитан. Он говорил, что имеет с вами какие-то дела.

14

Полуют — частично утопленная в корпус кормовая надстройка судна. Фактически в описываемую Р. Сабатини эпоху полуют не отличался от юта, как называют надстройку в кормовой части судна.

И продолжил:

— Мы вместе сражались на Санта-Каталине [15], под началом мессира [16] Симона. Пожалуй,

только мы да еще пара-тройка человек и уцелели в той мясорубке — ее учинили на острове испанцы под предводительством Переса Гусмана. Когда наша песенка вроде была уже спета, мы — Лафарш, я и еще двое — затаились в маисовом поле. Той же ночью мы сели в шлюпку и переправились на ближайший остров. Я был ранен: во время пушечного обстрела мне раздробило руку осколками. Раны и спасли мне жизнь — сражаться я уже не мог, так что пришлось искать надежное убежище, туда и пришли те трое. Это были мои первые раны. Тогда мне не было и двадцати. Да, из ста двадцати наших, оборонявших Каталину под командованием Симона, кажется, мы одни остались в живых. Когда Перес захватил остров, он безжалостно расправился с его защитниками — перерезал всех до одного. Его жестокости нет прощенья!

Лицо де Берни помрачнело. Он было закончил свою историю, однако мисс Присцилле захотелось узнать ее поподробнее.

И француз рассказал о том, как процветала колония на Санта-Каталине, которую основал Симон Мансвелт, и о том, как ее захватили испанцы.

— За свою жестокость испанцы заплатили сполна в Портобело [17], в Панаме, и в других местах! Да, клянусь Богом! Однако вся кровь, пролитая ими с тех пор, не может искупить их вину за зверскую, подлую расправу, которую они учинили англичанам и французам, жившим на Санта-Каталине в мире и согласии.

Де Берни умолк, его воспоминания о прошлом, об истории завоевания Антильских островов никого не оставили равнодушным. Даже майор, как ни странно, на какой-то миг проникся уважением к французам.

После ужина де Берни сходил за гитарой. Сев спиной к широкому иллюминатору, сквозь который проглядывали багряные краски тропической ночи, он запел песни своей родины, Прованса, а потом исполнил несколько трогательных испанских арий — так, как их пели на Малаге.

От его мягкого баритонального пения, глубоко запавшего в сердце мисс Присциллы, у нее на глазах выступили слезы. Даже майор был вынужден признать, что де Берни пел отменно. Но его признание прозвучало высокомерно — тем самым он хотел подчеркнуть, какое расстояние лежит между ним, простым иностранцем, волею судьбы ставшим их попутчиком, и его подопечной. Он не мог не заметить, что жалкий французишка очаровал доверчивую мисс Присциллу, и был этим сильно раздосадован.

Но еще большее разочарование постигло его через два дня — когда де Берни пришел к ним со сплетенной из пальмовых листьев корзиной, полной свежих апельсинов и лимонов. И преподнес ее мисс Присцилле, сказав, что отправил своего слугу за фруктами специально для нее. Грациозно приняв их, она поблагодарила его за подарок.

— Не стоит, — заверил ее он.

— Сударь, не так дорог подарок, как внимание, — сказала ему она.

Майор был просто взбешен, но все же промолчал, когда де Берни разговаривал с мисс Присциллой. Француз был весел и остроумен. И, как заметил майор, мисс Присцилла охотно отвечала ему тем же. Майору было неведомо искусство производить благоприятное впечатление на общество. И, чувствуя растерянность, он нервничал все больше и больше. Как быть, если этому проходимцу-французишке, польстившемуся на чары мисс Присциллы, взбредет в голову плыть на «Кентавре» и дальше? Что делать, если мисс Присцилла — чей откровенно фривольный смех и поведение не могли ускользнуть от бдительного ока майора —

забудет о чести и сама предложит де Берни плыть с ними в Англию?

Проклиная в душе медленную погрузку чертовой кожи, майор весь день пребывал в самом скверном расположении духа. Он решил, что за ужином, при случае, непременно отомстит этому пройдохе, ставшему причиной его душевных мук.

15

Санта-Каталина — остров в Карибском море, в четырех днях хода от Гаити.

16

Мессир (фр. *messir*) — первоначально — почетное обозначение крупных феодалов, позднее — почтительное слово, которое ставилось перед фамилиями священников, врачей, адвокатов и пр.

17

Портобело — городок на карибском побережье Панамы, к востоку от г. Колона.

Глава III

ПОЖЕЛАНИЕ БРЭНСОМА

"Кентавр" покинул Доминику незадолго до захода солнца и, гонимый попутным ветром, взял курс на острова Авес, стараясь держаться подальше от Гваделупы.

Отдав необходимые распоряжения, капитан отправился ужинать. В прекрасном настроении он спустился в просторную кают-компанию, по правую и левую стороны от которой располагались каюты пассажиров, размерами поменьше.

С кормы, через распахнутые настежь створки широких, овальной формы, иллюминаторов внутрь проникал легкий ветерок и было видно, как зеленый остров медленно тает далеко позади. «Прощай навеки, Доминика», — довольно вздохнув, изрек капитан. Радость его объяснялась тем, что по завершении этого плавания он навсегда возвращался домой, в лоно семьи, которая редко когда его видела и теперь, как ему казалось, готовилась встретить с распростертыми объятиями.

Чувство удовлетворения сделало капитана более общительным, и, восседая во главе стола в сорочке и коротких панталонах, он, счастливо улыбаясь, принимал блюда, которые ему подносили его чернокожий грум и слуга господина де Берни. В тот вечер был настоящий пир: к столу подавали говядину и свежие фрукты, мясо черепахи, огромного жареного длинноперого тунца, дичь, подстреленную накануне де Берни. Капитан потчевал гостей

сладким перуанским вином, которое ему, человеку неискушенному, казалось отменным.

Де Берни произнес в его честь тост, пожелав ему благополучного возвращения домой и долгих лет счастья в кругу семьи.

— Странная штука, жизнь, — произнес капитан. — Когда я начинаю думать, что почти не знаю своих детей... Однако, полагаю, мне все же удастся наверстать упущенное... тем паче с такими деньгами! У меня на борту превосходный товар, кожа... на сей раз старина Лафарш не подкачал... Кстати, правда, господин де Берни, очень странно, что вы повстречали этого старого буканьера спустя столько лет.

Майор насторожился.

— Что вы сказали? Этот французский торгош был буканьером?

Ему ответил де Берни:

— Сказать по чести, все мы на Санта-Каталине были буканьерами. И сражались под знаменами Моргана [18].

Майор едва верил своим ушам.

— Уж не Генри Моргана ли вы имеете в виду? — поинтересовался он.

— Ну да, сэра Генри Моргана, нынешнего губернатора Ямайки.

— И... — нахмурив брови, майор запнулся на полуслове. — И вы плавали с ним? С Генри Морганом?

Де Берни не понял удивления собеседника. И самым непринужденным голосом продолжал:

— Совершенно верно. Я был с ним в Портобело. А в Панаме я командовал французским легионом. Тогда мы с лихвой отомстили за кровь, пролитую на Санта-Каталине.

Мисс Присцилла воззрилась на него широко раскрытыми, сверкающими глазами. Майор побледнел, но в душе он ликовал.

Наступило долгое молчание, тем временем де Берни положил себе немного мармелада из гуаявы [19] и снова наполнил кубок перуанским вином. Не успел он поставить назад пузатую бутылку, как майора прорвало:

— Так... выходит, вы пират! Отпетый разбойник! Черт возьми, и вы еще гордо об этом заявляете!

Испуганные, мисс Присцилла и капитан вмешались одновременно:

— Барт! — воскликнула мисс.

— Майор Сэндз! Сударь! — вскричал капитан.

В их возгласе прозвучал укор. Но де Берни и бровью не повел. Улыбнувшись своим недоумевающим защитникам, он сделал жест длинной, тонкой рукой, призывая их к спокойствию.

— Пират? — с усмешкой проговорил он. — О нет! Если хотите — флибустьер или буканьер!

Толстые губы майора презрительно искривились.

— Какая разница?

— Очень большая.

Капитан поспешил растолковать майору то, что, видимо, в силу своего гордого нрава, не соблаговолит объяснить ему молодой человек. Буканьеры и флибустьеры были в некотором роде признаны правительствами Англии и Франции, и действия их поощрялись, так как они сражались с кровожадными испанцами и нападали только на испанские корабли и колонии.

Тут в разговор снова вступил де Берни:

— И поверьте, мы сражались достойно, лучше других... Доведись вам участвовать в наших рейдах, вы бы сейчас рассуждали совсем по-другому...

И он принялся вспоминать свои былые приключения. Рассказал о невероятно дерзком рейде в Панаму [20]. О лишениях, пережитых им и его соратниками, которым целую неделю пришлось питаться яйцами аллигаторов, отдающими мускусом, а потом их шкурами. Когда на горизонте показалась Панама, они едва держались на ногах. Город приготовился выставить против них силы, раза в три превосходившие их собственные, не считая ружей и лошадей.

— К счастью, испанцы забыли пригнать с пастбищ быков и лошадей. Мы отловили их и съели почти живьем... С Божьей помощью, воспрянув силами, мы захватили город так, что неприятель даже глазом не успел моргнуть.

— С Божьей помощью! — с негодованием воскликнул майор. — Не богохульствуйте, сударь!

Де Берни проявлял удивительное хладнокровие.

— Вы слишком суровы в оценках, сударь, — только и молвил он.

— Черт возьми! А как я еще должен относиться к презренным разбойникам! Да-да, именно разбойникам. Я привык называть людей и вещи своими именами. Ах, как здорово вы тут все расписали, сударь! Но захват Панамы не ратный подвиг, а настоящий грабеж, дело рук полчища мерзавцев, томимых жаждой крови.

Открытая неприязнь майора вызвала у капитана Брэнсома тревогу: каково бы ни было нынешнее положение де Берни, в прошлом он был флибустьером, а следовательно, у него в жилах течет горячая кровь. Не дай Бог он выйдет из себя — тогда непременно будет ссора, а капитану этого очень не хотелось.

Он уж было собрался вставить свое слово, но француз, с виду совершенно спокойный, его опередил:

— Право, майор, в ваших речах сквозит измена. Не кажется ли вам, что тем самым вы наносите оскорбление вашему королю, который в вопросах чести проявлял значительно меньшую щепетильность? Если б он считал Генри Моргана таким, каким считаете его вы, он никогда бы не удостоил его чести стать кавалером и не назначил губернатором Ямайки.

— Что правда, то правда, — поддержал его капитан Брэнсом в надежде успокоить майора — К

тому же, должен вам заметить, господин де Берни служит адъютантом у сэра Генри Моргана и помогает ему поддерживать порядок в здешних водах.

18

Морган Генри (1635?—1688) — знаменитый карибский пират. Происхождение и ранняя карьера его неясны. Видимо, участвовал в завоевании Ямайки в 1655 г. и большом походе на Кубу в 1662 г. Во время англо-голландской войны 1655—1667 гг. он уже второе лицо среди буканьеров, оперирующих против голландских колоний в Карибском море. В 1668 г. избран командиром буканьеров, и под его командованием был вскоре разграблен кубинский город Пуэрто-Принсипе (ныне — Камагуэй), потом Морган дерзко взял штурмом Портобело, совершил успешный рейд по испанским селениям вокруг озера Маракайбо и наконец руководил взятием Панама. Последнее событие случилось уже после заключения мира с Испанией, поэтому Морган был арестован и отправлен в Лондон (апрель 1672 г.). Отношения с Испанией вскоре снова ухудшились, и в 1674 г. король Карл II возвел Моргана в рыцарское достоинство, а потом отправил губернатором на Ямайку, где бывший пират жил в почете и достатке до конца своих дней.

19

Гуаява — вечнозеленое дерево семейства миртовых; родина — тропическая Америка; его кисло-сладкие сочные плоды, содержащие до 11 % сахара, стали излюбленным лакомством во многих странах.

20

Нападение пиратов на г. Панаму — реальный исторический факт. В августе 1670 г. более 2000 буканьеров под водительством Г. Моргана отправились на 36 судах в поход. Они пересекли перешеек и после непродолжительной осады 18 января 1671 г. взяли город.

На сей раз ему уже возразил не майор, а сам де Берни:

— Да, когда-то служил, но теперь все. Я подал в отставку. Как и вы, капитан, я возвращаюсь на родину, вкушать прелести заслуженного отдыха.

Однако майору хотелось, чтобы последнее слово осталось за ним:

— Вы ведь прекрасно понимаете, все это смахивает на то, как «вор у вора дубинку украл»... Можете сколько угодно рассказывать сказки про ваших буканьеров, сударь. Вам должно быть хорошо известно, что, когда от них не стало никакого житья, пришлось посвятить вашего дружка Генри Моргана в кавалеры, чтобы он своими руками очистил здешние воды от своих же бывших сообщников.

Де Берни пожал плечами и, спокойно пригубив из кубка, откинулся на спинку кресла. Своим

несколько надменным видом он показывал, что продолжать разговор не намерен. Тогда вместо него заговорил капитан Брэнсом.

— Кем бы ни был сэр Генри Морган, но именно ему мы обязаны тем, что можем теперь плавать здесь без всякой опаски. И наша безопасность — его заслуга, целиком и полностью.

В пылу спора майор опрометчиво затронул тему, которую сам же недавно отверг, оберегая спокойствие мисс Присциллы.

— Безопасность! Однако мне приходилось слышать о презренном буканьере по имени Том Лич, ему плевать на вашего Моргана, и он как ни в чем не бывало продолжает хозяйничать в Карибском море...

Лицо Брэнсома помрачнело:

— Да уж, Том Лич. Черт бы его побрал! Но Морган и на него найдет управу. Всем известно — от Кампече [21] до Тринидада и от Тринидада до Багам, — за голову последнего из буканьеров Морган посулил пять сотен фунтов.

Де Берни вздрогнул. И, поставив кубок на стол, сказал:

— Разве он буканьер, капитан? Мне больно слышать это от вас. Нет, Том Лич — подлый пират.

— Истинно так, — подхватил Брэнсом, — разбойник, каких свет не видывал. Сущий изверг, без жалости и чести, воюет против всех и вся, помышляет только об одном — грабежах да разбоях...

Он было принялся рассказывать о злодеяниях Тома Лича, но де Берни жестом остановил его:

— Не стоит пугать мисс Присциллу.

Заметив, как побледнела девушка, капитан извинился перед нею и в заключение пожелал:

— Скорей бы Господь отправил этого мерзавца на виселицу!

И тут вмешалась мисс Присцилла:

— Довольно говорить о пиратах, — укоризненно промолвила она.

Майор понял свою ошибку.

Повернувшись к де Берни, девушка одарила его нежной улыбкой — как бы в награду за долготерпение и спокойствие, с каким он отвечал на выпады майора.

— Господин де Берни, не могли бы вы сходить за гитарой и спеть нам еще что-нибудь?

Француз поднялся, чтобы исполнить ее просьбу, а майор с горечью и недоумением спрашивал себя, почему страшные признания этого бродяги о его прошлом ничуть не ужаснули юное создание, вверенное его заботам. Действительно, сейчас ей как раз самое время окунуться в тишину и покой английской деревни — уж тогда-то она узнает, какая она, настоящая жизнь.

Кампече — залив в южной части Мексиканского залива и его побережье (ныне — часть территории одноименного мексиканского штата).

Глава IV

ПОГОНЯ

В разговоре, состоявшемся в кают-компании «Кентавра», выяснилось, какое место в истории занимал сэр Генри Морган, так что вряд ли есть необходимость добавлять к сказанному что-либо еще.

Власти обвиняли Моргана в том, что он не очень-то торопится покончить с пиратами, которыми кишело Карибское море, и осыпали его злыми, незаслуженными упреками. Ибо с тех пор, как Морган покинул «Береговое братство» [22], он успел совершить настоящие чудеса. Уже одна сила его примера не замедлила принести свои плоды. Стоило ему только встать на защиту порядка и закона, как от могущества буканьерского флота, адмиралом которого он был, не осталось и следа, и те из его сподвижников, что последовали за ним, мало-помалу занялись мирным ремеслом, став лесорубами, плантаторами или стражами мира и спокойствия на морских просторах.

Однако, несмотря на все его усилия, еще оставались закоренелые пираты, не пожелавшие подчиниться его воле, и английские власти подозревали, что он ведет двойную игру и взимает дань с тех, с кем ему надлежало покончить раз и навсегда.

Подобное отношение не только возмущало сэра Генри, но и вызывало опасения, что, воспользовавшись его затруднениями как предлогом, власти вынесут против него официальное обвинение и это будет стоить ему головы.

Осуществлению главной цели Моргана препятствовали разбойные действия его бывшего соратника Тома Лича. Бывалый моряк и вместе с тем отпетый негодяй, Том Лич объединил под своим знаменем всех буканьеров, не захотевших расстаться с привычной жизнью. Собрав на борту сорокапушечного корабля «Черный Лебедь» команду под стать себе, Том Лич нарек себя полновластным хозяином Карибского моря и повсюду сеял ужас и смерть. Поскольку отныне он был объявлен вне закона, его участь зависела только от воли того, в чьих руках ему рано или поздно суждено было оказаться, и он попрал все правила чести, по которым некогда жило «Береговое братство».

И капитан Брэнсом ничуть не кривил душой, когда молил Господа поскорее отправить этого злодея на виселицу. На другое утро, однако, ему пришлось признать, что если его мольба и будет услышана, то случится это, к сожалению, не скоро и «Кентавру» по-прежнему грозит опасность.

Поднявшись в ранний час на палубу подышать свежим морским воздухом, а заодно пригласить своих спутников к завтраку, де Берни заметил на корме капитана: тот рассматривал в подзорную трубу какой-то корабль, возникший на горизонте в трех-четыре милих к востоку. Рядом с ним стояли майор Сэндз, в красном камзоле, и мисс Присцилла, в прелестном бледно-зеленом платье с кружевными оборками цвета слоновой кости, подчеркивающими красоту ее тонкой, молочно-белой шеи.

На восходе солнца норд-вест перешел в свежий норд. Дав сильный крен, «Кентавр» по-

прежнему держал курс на запад. Сейчас он находился в нескольких лье [23] к юго-востоку от островов Авес [24] ; в пределах видимости — никакой земли.

Капитан опустил подзорную трубу в тот самый миг, когда к нему подошел де Берни. При виде француза он снова взглянул в трубу и передал ее де Берни.

— Что скажете, сударь?

Де Берни взял у него трубу. Он, очевидно, не обратил внимания на встревоженный вид Брэнсома, так как не спешил воспользоваться ею. Сначала он обменялся приветствиями с мисс Присциллой и майором. Наконец он поднес подзорную трубу к глазам и долго всматривался в даль. Когда он ее опустил, в его взгляде можно было прочесть ту же тревогу, что и на лице капитана, однако об увиденном он не обмолвился ни словом. Он не спеша подошел к релингам и, облокотившись на них, вновь поднял трубу.

Де Берни внимательно разглядывал черный силуэт неизвестного корабля, пока наконец не рассмотрел его носовую фигуру — черного позолоченного лебедя. Он попытался пересчитать портики [25] по левому борту корабля. Потом, все так же неторопливо, определил общую площадь его парусного вооружения: все паруса до единого были подняты, однако флага не было видно ни на одной из мачт. Де Берни так долго разглядывал корабль, что капитан потерял всякое терпение:

— Ну и как, сударь? Что скажете?

Де Берни опустил трубу и посмотрел на капитана. Он был спокоен и улыбался.

— Да, корабль что надо, — беспечно бросил он и, обращаясь к своим спутникам, сказал: — Завтрак уже подан.

Майор, никогда не страдавший отсутствием аппетита, не заставил упрасивать себя дважды. И, взяв под руку мисс Присциллу, он удалился вместе с нею.

Когда они ушли, улыбка тотчас же слетела с лица де Берни. Его большие темные глаза перехватили беспокойный взгляд капитана.

— Мне не хотелось тревожить юную леди. Это, как вы, верно, и сами догадались, корабль Тома Лича — «Черный Лебедь».

— Вы в этом уверены?

— Так же, как и в том, что он держит курс прямо на нас.

Капитан выругался в рыжую бороду:

— Надо же, последнее плавание — и тут на тебе, — с негодованием бросил он. — Неужто судьбе угодно напоследок обрушить на мою голову беду! Вы правда... правда думаете, что он собирается напасть на нас?

Де Берни пожал плечами:

— Надо знать Тома Лича: сейчас он делает маневр, чтобы выйти нам на траверз [26] .

Тут капитан пришел в ярость — как всякий человек, сознающий душой свою полную беспомощность:

— Грязная свинья! Негодяй! О чем только думает ваш герой сэр Генри Морган? Это он позволяет ему до сих пор разгуливать по морям! С какой стати тогда король произвел его в кавалеры и назначил губернатором Ямайки?

— Придет день, и сэр Генри покончит с ним, будьте уверены.

Безмятежное лицо француза — в такой-то серьезный час — только еще пуще разъярило капитана:

— Покончит, покончит! А сейчас-то какой мне с этого прок? Скажите лучше, что делать?

— А сами-то вы что собираетесь делать?

— Сражаться или попробовать уйти.

— Так что же для вас предпочтительнее?

Брэнсом на мгновение задумался, однако от раздумий его гнев только усилился:

— Сражаться, но как? У него пушек в два раза больше, чем у нас. А людей — раз в десять, вздумай он пойти на абордаж.

22

«Береговое братство» — самоназвание своеобразной пиратской республики на о. Тортуга. В «братстве» соблюдались некоторые нормы демократии: выборность капитанов, равномерное и справедливое распределение добычи, высаживание мятежников на необитаемые острова, забота об увечных и раненых сотоварищах. Единой общей идеей, сплачивавшей разномастных обитателей пиратской республики, была вражда к испанцам, считавшим Карибское море и прилегающую к Южной Америке часть Тихого океана собственной вотчиной.

23

Лье — старинная французская единица длины, имевшая различное значение; различают морское лье, равное двадцатой части градуса дуги меридиана, что составляет 5555, 5 м, и сухопутное — равное двадцать пятой части градуса, или 4444, 4 м.

24

Авес — вершина одноименного подводного хребта на востоке Карибского моря.

25

Порты, орудийные порты — отверстия в борту корабля для производства артиллерийской

стрельбы с нижних палуб.

26

Траверз — направление, перпендикулярное продольной оси корабля.

— Значит, вы хотите уйти от погони?

— Уйти, но как? У него и парусов вдвое больше.

На палубе несколько матросов, спустившихся с марсов, поднеся руки козырьком к глазам, пытались разглядеть приближающийся корабль, но пока они ни о чем не догадывались.

Де Берни опять вскинул подозрную трубу и, не отрывая взгляда от пиратского судна, произнес:

— То, что у него много парусов, еще ничего не значит — они болтаются, как лохмотья. Видно, он долго скитался по морям. Ясное дело — все днище облеплено ракушками.

Он вновь опустил трубу:

— На вашем месте, капитан, я бы держался строго по ветру. Тогда мы быстро оторвемся и старому «Черному Лебедю» ни за что нас не догнать.

Его совет привел Брэнсома в отчаяние:

— Но что мне это даст? Ближайший порт — Пуэрто-Рико, а до него еще две сотни миль!

— Ну и что? При таком ветре им за нами не угнаться. И вы смогли бы значительно уйти вперед. Но даже при таком расстоянии вы все равно ничем не рискуете.

— Да, если ветер не упадет. А если упадет? Время крепких ветров еще не настало.

Он снова выругался, не зная, что же предпринять:

— А что, если лечь на обратный курс — на Доминику? Она совсем рядом. Так было бы вернее.

— Но тогда ветер будет пиратам в корму и на всех парусах, хоть и рваных, они быстро вас нагонят.

В ужасе капитан упорно продолжал тешить себя новой — призрачной — надеждой. Наконец он воскликнул:

— Если мы повернем назад, на Доминику, может, встретим какой-нибудь корабль, а то и не один!

И, не дождавшись, что ему ответит француз, он рванулся на полуют и скомандовал старшему матросу делать оверштаг [27].

На этот раз де Берни не сдержался. Проклиная безрассудную выходку Брэнсома, он было принялся объяснять ему его ошибку, но тот оборвал его на полуслове, напомнив, что он

капитан «Кентавра». Он готов выслушивать советы, но не приказы.

«Кентавр» резко изменил курс и, повернувшись носом к югу, стал рыскать по ветру. Не успев прийти в себя от такого крутого маневра, матросы получили приказ подниматься на марсы и разворачивать паруса. В то самое мгновение, когда матросы приготовились взлететь на ванты, они заметили, что огромный черный корабль тоже взял оверштаг и пустился вдогонку за «Кентавром».

Только тогда экипаж понял, что они пытаются оторваться от погони. Эта весть распространилась с быстротой молнии. По сигналу тревоги матросы кубарем слетели с полубака [28] и, ворча, сгрудились на палубе, приготовившись к худшему. Брэнсом теперь стоял на полуюте, куда за ним последовал де Берни, и напряженно всматривался в подзорную трубу. Когда он ее опустил, его мертвенно-бледное лицо не выражало ничего, кроме растерянности.

— Вы были правы, — признался он. — Они идут быстрее нас. Этот злодей настигнет нас еще до того, как мы увидим Доминику. Что же делать, сударь?

Оказавшись в столь незавидном для себя положении и осознав, что, прислушайся он к советам де Берни, ничего подобного могло и не случиться, капитан забыл про свое честолюбие и еще раз воззвал к опыту бывалого моряка.

Де Берни ответил не сразу. Нахмутив брови и глядя в одну точку, он какое-то время размышлял.

— Капитан, — сказал он наконец, — раз уж вы так решили, надо идти до конца: придется не только уходить от погони, но и принять бой.

— Боже милостивый! Какой бой? С таким мощным кораблем!

— Мне случилось видеть, как одерживались победы и над более сильным противником.

Хладнокровие француза немного ободрило Брэнсома:

— Во всяком случае, — проговорил он, — иного выбора у нас нет — мы в ловушке. Бой так бой. И наплевать, сколько их там, этих головорезов. У вас есть какой-нибудь план, сударь?

Видя, что капитан сдался, де Берни заговорил командным голосом:

— Сколько у нас людей?

— Всего двадцать шесть, включая старшего матроса и боцмана. А у Лича, должно быть, сотни три.

— Так, ни в коем случае нельзя ему позволить взять нас на абордаж. С вашего разрешения, я займусь пушками, и, если вы не будете мешать, увидите, во что превратится их первая палуба.

К капитану вернулось мужество:

— Какое счастье, господин де Берни, что судьба послала вас на мой корабль!

— Полагаю, для меня это тоже будет счастьем, — саркастически усмехнувшись, ответил француз.

Он кликнул Пьера, метиса, который, облокотясь на нижние релинги, ожидал распоряжений своего хозяина.

— На-ка, возьми, дружище.

С этими словами де Берни снял с себя голубой камзол, кружевную батистовую сорочку, шляпу, парик, туфли, чулки и велел Пьеру отнести все это в его каюту. И в таком виде, с обнаженным, бронзовым от загара, жилистым торсом, повязав вокруг кудрявой головы платок, — он принял у Брэнсома командование батареей, которое тот ему охотно уступил.

Тем временем матросы смекнули, в чем дело. По свистку боцмана они быстро заняли свои места — на их слаженные действия, по крайней мере, было приятно смотреть. Восемь человек во главе со старшим комендором Парвером должны были заняться пушками. В двух словах капитан Брэнсом объяснил им, что командование батареей переходит к де Берни и что от их меткости будет зависеть исход боя, равно как и жизнь всего экипажа.

После этого де Берни громким, четким голосом дал команду немедленно заряжать орудия. Вслед за тем, взобравшись по стальным релингам [29] полуяота на люк, ведущий на нижнюю палубу, он резко крикнул капитану напоследок:

— Теперь вся ответственность на мне. Я исполню свой долг. Можете на меня рассчитывать. Но и вы не должны сидеть сложа руки. Промедление смерти подобно. В этой игре все шансы против нас. Давайте же смело примем ее такой, как есть! Ставки слишком высоки — ваш корабль и наши жизни. Так что придется постараться. Лавируйте так, чтоб можно было бить наверняка. Это очень опасно. От вас потребуется немало отваги. Будьте мужественны, капитан, мужественны!

Брэнсом решительно кивнул головой.

— Есть, есть, — ответил он.

Де Берни взглянул на него темными, исполненными решимости глазами и одобрительно подмигнул. Затем его взгляд переметнулся на марсы — паруса только ждали усиления ветра, потом — за корму, где следом за ними, рассекая волны, мчался корабль-преследователь, и, оценив положение, де Берни спустился на нижнюю палубу.

27

Штаг — снасть, поддерживающая мачту или стеньгу спереди. Поворот оверштаг — поворот, выполняемый против ветра, когда судно проходит линию ветра носом.

28

Полубак — утопленная в корпус судна (обычно на половину) носовая надстройка.

29

Преувеличение автора; вряд ли надо напоминать, что в XVII веке стальных поручней на флоте не было.

Из яркого света безоблачного утра он попал в кромешную тьму, которую через равные промежутки времени пронзали редкие солнечные лучики, проникавшие во чрево корабля сквозь крохотные иллюминаторы.

По команде Парвера комендоры расчехлили пушки и подготовили их к стрельбе.

На нижней палубе, насквозь пропахшей пенькой и смолой, было ужасно тесно. Согнувшись пополам, де Берни приступил к осмотру орудий, с помощью которых ему нынче предстояло бросить вызов судьбе.

Глава V

АБОРДАЖ

Мисс Присцилла и майор Сэндз завтракали в кают-компании, к счастью, ничего не подозревая о случившемся. Они немного удивились, что капитана все еще нет, а отсутствие де Берни вызвало у них полное недоумение. Но, поскольку морской воздух возбудил их аппетит, они, нарушив правила учтивости, приняли любезное приглашение Сэма и приступили к завтраку, который им подал чернокожий слуга.

Они заметили, как Пьер бесшумно прошел к каюте своего хозяина с каким-то тюком под мышкой. На вопрос мисс Присциллы, где его хозяин, он, как обычно коротко, ответил, что господин де Берни решил завтракать на палубе, где он сейчас и находится. Затем, попросив у Сэма вина и что-нибудь поесть, он удалился.

Мисс Присцилле и майору его поведение показалось довольно странным, но не больше того.

Покончив с завтраком, мисс Присцилла подошла к распахнутому настежь иллюминатору и присела на устланный подушками диванчик. Гитара де Берни лежала там, где он оставил ее вчера. Девушка взяла ее в руки и неловкими пальцами коснулась струн. Гитара нестройно зазвучала. Мисс Присцилла взглянула на море.

— Корабль! — воскликнула она с радостью и удивлением.

Встрепенувшись от ее возгласа, майор подошел к иллюминатору и устремил взор на огромный черный корабль, шедший следом.

Майор восхитился красотой судна: сверкая на солнце, его косые реи отбрасывали причудливые блики на наполненные ветром паруса. Какое-то время девушка и майор с восторгом наблюдали это дивное зрелище, ничуть не догадываясь о том, что сокрыто во чреве красавца корабля.

Мисс Присцилла и майор не заметили, как «Кентавр» изменил галс, о чем можно было судить по положению солнца. Они также не обратили никакого внимания на необычное оживление, царившее на верхней палубе, — топот ног и скрип вращающихся блоков; они едва слышали шум голосов на нижней палубе, прямо у них под ногами, где по приказу де Берни комендоры устанавливали две кулеврины [30], готовясь отражать нападение пиратов.

В темном и душном канонирском отсеке, где, кроме того, было ужасно тесно и приходилось сгибаться в три погибели, чтобы не задеть головой потолок, француз бойко отдавал команды.

Десять пушек, которым предстояло ответить сорока орудиям «Черного Лебеда», только ждали своего часа.

Де Берни сам установил их так, чтобы они били навесом точно по мачтам пиратского корабля, чьи огромные паруса представляли собой очень удобную мишень. Если бы ему удалось привести их в полную негодность, он смог бы тогда выбирать: либо дать ходу, либо сразиться с противником, так как в этом случае у «Кентавра» было бы большое преимущество над «Черным Лебедем» и он мог бы лавировать в любом направлении.

Присев на корточки подле бронзовых орудий, внушавших ему явное отвращение, де Берни разглядывал через проем кормового порта пиратское судно, гнавшееся за ними по пятам. Расстояние между кораблями таяло на глазах. Так миновал час. «Черный Лебедь» мчался куда быстрее, нежели де Берни мог предположить. Вскоре он уже был меньше чем в полумиле от «Кентавра», и де Берни прикинул, что теперь он приблизился на расстояние пушечного выстрела.

Велев матросу предупредить старшего комендора, чтобы тот приготовился, де Берни стал ждать, когда Брэнсом приведет руль точно по ветру. Прошла минута, потом другая, а «Кентавр» все шел прежним галсом — как будто Брэнсом думал лишь о том, как бы скорее уйти от погони.

Спустя некоторое время из-под клюва носовой фигуры «Черного Лебеда» вырвалось облачко белого дыма, и через полсекунды прогремел выстрел. Вслед за тем метрах в пятидесяти от кормы «Кентавра» в воздух взметнулся фонтан брызг.

Де Берни понял: пришла пора действовать, ему казалось, что то же самое должен был сообразить и Брэнсом. Оставив свой наблюдательный пост, он бросился к батарее — комендоры держали в руках уже запаленные фитили, тускло мерцавшие во тьме.

Услышав пушечный выстрел, пассажиры, находившиеся в это время в кают-компании, забеспокоились. Они удивленно переглянулись, предчувствуя недоброе; из уст майора вырвалось ругательство. Желая узнать, что же все-таки случилось, они оба поспешили на палубу, где их встретили хмурые лица матросов. Им не потребовалось много времени, чтобы понять — стряслась беда. И когда капитан приказал им спуститься вниз, они лишний раз убедились в этом.

Лицо майора побагровело, и то ли с возмущением, то ли с укором он воскликнул:

— Капитан! Капитан! — И прибавил: — Что это?

— Это — ад! — гаркнул тот. — Скорее уводите юную леди вниз.

Важно выпятив грудь, майор решительно шагнул вперед.

— Я, кажется, начинаю догадываться... — заговорил он.

Но его оборвал грохот следующего выстрела. На этот раз брызги накрыли палубу.

— Вы что, хотите, чтобы вам на голову рухнула мачта, или кое-что похлеще? Разве вы не видите — идет бой? Проводите юную леди вниз!

Бледная от страха, Присцилла потянула майора за рукав.

— Идемте. Барт, — проговорила она. — Мы им мешаем. Проводите меня.

Майор безропотно повиновался, хотя резкий тон капитана привел его в крайнее негодование. Неожиданный поворот событий потряс его до глубины души. Майор, которому на твердой земле храбрости было не занимать, ощутил, как у него кольнуло сердце, когда понял, что в море, в непривычных для него условиях, ему совершенно нечего делать. А присутствие мисс Присциллы удручало его еще больше. Однако в конце концов чувство ответственности за юную леди возобладало в нем. Он уже собрался проводить ее вниз, когда матрос, стоявший рядом, шепнул ему на ухо, что они пытаются уйти от злодея Тома Лича.

Очутившись снова в кают-компании, майор взглянул в иллюминатор на догонявший их пиратский корабль и, сиюсь подавить свое волнение, принялся успокаивать мисс Присциллу.

А в это время де Берни, потерявший всякое терпение, поднялся на палубу, чтобы спросить Брэнсома, отчего он медлит. Решительным голосом он приказал ему развернуть судно так, чтобы можно было вести прицельный огонь.

— Вы с ума сошли, ей-Богу, — ответил ему капитан. — Лич настигнет нас еще до того, как мы ляжем на прежний курс.

30

Кулеврина — длинноствольное артиллерийское орудие, применявшееся для стрельбы на дальние расстояния в европейских армиях и военных флотах в XV — XVII веках. Различались по калибру (от 0, 5 до 50 футов) и по относительной длине ствола (от 18 до 50 калибров).

— И случится это по вашей милости. Из-за вашей нерасторопности у нас почти не осталось шансов. Придется вступить в бой. Нужно убрать паруса — это наш последний шанс. Ну же! Пошевеливайтесь. Ставьте руль по ветру, а потом предоставьте действовать мне.

Капитан, придя в бешенство от бесцеремонного тона де Берни, не сдержался.

— Прочь с палубы! — проорал он. — Кто здесь капитан — я или вы?

Де Берни схватил Брэнсома за руку и развернул лицом к корме:

— Взгляните-ка туда, любезнейший! Взгляните!

На пиратском корабле один из парусов то поднимался, то опускался. То был сигнал лечь в дрейф. И француз живо смекнул, что им это только на руку.

— Вот шанс, такого больше не будет, милейший! Его послало нам само небо. Надо сделать так, как будто мы их поняли. Однако нужно, чтобы они ничего не заподозрили.

Де Берни поднял руку и указал на британский флаг, развевавшийся между марсами.

— Спустите флаг и дайте полный стоп, тогда я смогу выпустить по ним залп.

Но капитан не разделял надежд француза.

— Черт возьми! — ответил он. — Чтобы они тут же пустили нас ко дну?

— Если я собою их мачты, они не смогут прицельно стрелять.

— А если нет?

— Честное слово, наше положение — хуже некуда...

Де Берни метнул в капитана жесткий, суровый взгляд, и тот, казалось, должен был вот-вот уступить. Он понимал, что это их последняя возможность и другой такой уже не будет. Словно читая его мысли, де Берни вновь подстегнул Брэнсома:

— Прикажите дать полный стоп!

— Да-да, очевидно, это единственное, что нам остается.

— Тогда поторапливайтесь!

Оставив его, де Берни со всех ног бросился на нижнюю палубу.

В тот самый миг, когда он спускался по трапу, Том Лич не вытерпел и дал залп картечью по мачтам «Кентавра», как бы напоминая капитану, что ему следует лечь в дрейф. Обломки двух реев, увлекая за собой снасти, рухнули прямо на палубу.

Услышав грохот, де Берни понял, в чем дело. Однако это несколько его не устало. Предупреждение, посланное пиратами, должно было лишней раз подстегнуть капитана. И он крикнул комендорам приготовиться. Вырвав у одного из них фитиль, он встал на колени у пушки и стал ждать, когда «Кентавр» сделает поворот.

В это время он услышал еще один залп и ощутил, как от удара вздрогнула корма «Кентавра». В ту же секунду его с силой швырнуло на переборку — «Кентавр» резко развернулся.

Де Берни поднялся на ноги, и на какое-то мгновение в нем снова затеплилась надежда. Получив пробоину, «Кентавр» медленно поворачивался. Но француз тщетно пытался разглядеть корабль-преследователь: перед его взором простиралось бескрайнее море, и не было видно ни одного паруса. В ужасе он понял, что, когда «Кентавр» дал течь, Брэнсом неверно положил руль. Проклиная оплошность капитана, де Берни кинулся на палубу. Там он наконец увидел, что произошло. Ядро, ударом которого его сшибло с ног, к несчастью, угодило точно в баллер руля [31]. Судьба-злодейка, как видно, не удовольствовалась тем, что «Кентавр», с поврежденными мачтами, превратился в легко уязвимую мишень, ей еще было угодно лишить его и руля, сделав из него жалкую игрушку, отданную на волю ветра.

В кормовые иллюминаторы де Берни увидел, как «Черный Лебедь» с наводящей ужас стремительностью мчался прямо на них. Убрав часть парусов, пираты приготовились к абордажу.

Из-за своей нерасторопности Брэнсом упустил последний шанс к спасению. Когда же он наконец решился уступить де Берни, было слишком поздно — удача отвернулась от него, как от любого, кто не может поймать ее на лету. Меткий залп мощных пушек пиратского корабля полностью выбил его из колеи.

Комендор, крепкий светловолосый парень, с тревогой посмотрел на де Берни, пришедшего поглядеть на результаты обстрела, и сказал:

— Мы пропали, сударь.

Де Берни наклонился и взглянул на огромный корабль, находившийся от них уже в каких-нибудь пятистах метрах. Внешне он был совершенно спокоен. Его темные глаза смотрели холодно и бесстрастно. Встав на колени возле бронзовой кулеврины, он тщательно, не спеша навел ее на цель — для «Кентавра» то был последний крохотный шанс. На таком коротком расстоянии маленькая пушка, еще совсем недавно вызвавшая у него неприязнь, теперь могла сослужить ему добрую службу!

Затем он встал, взял у комендора фитиль, подул на него, поджег порох и тут же отпрянул назад, во избежание отдачи. Но в момент выстрела порывом ветра «Кентавр» резко качнуло и развернуло в сторону. Первый и последний залп «Кентавра» пришелся мимо цели.

Де Берни бросил взгляд на молодого комендора, сидевшего рядом на корточках, и горестно усмехнулся:

— Это конец, мой мальчик. Сейчас нас накروют, а потом...

Он передернул плечами и вышвырнул фитиль за борт — теперь от него не было никакого проку.

Парнишка-комендор побледнел и процедил сквозь зубы какое-то ругательство. Он также ненавидел Тома Лича и пожелал ему гореть в адском пламени.

— Думаю, мы окажемся там первыми, — вздохнул де Берни и тоже выругался: — Проклятье! Как жаль, что наш капитан всего лишь доморощенный купчишка, а не военный моряк. Мне бы следовало остаться рядом с ним и указывать, что делать. А из этих пушек смог бы стрелять любой дурак! Да чего уж теперь! Выбирайся-ка на свет божий, мой мальчик, и вы, все остальные, тоже. Нам здесь больше нечего делать.

Сам же он, избрав более короткий путь, куда-то исчез прямо на глазах изумленных комендоров. Мисс Присцилла пережила самую жуткую минуту этого страшного утра, когда увидела, как в проеме одного из иллюминаторов вдруг возник полуобнаженный силуэт де Берни.

Майор, успевший на всякий случай вооружиться, схватился было за шпагу, но тотчас же узнал француза. Его лицо, руки, грудь и спина лоснились от пота и чернели от пороха — так что вид у него был пугающий. Резким и твердым голосом он сказал:

— Начался бой. Наш размазня Брэнсом здорово придумал — осесть на родном берегу. Жаль, что эта мысль не осенила его чуть раньше. Так было бы лучше и для него, и для нас. Этот кретин так и не дал мне выстрелить как следует! Черт бы его побрал! Таким бестолочам не место во флоте. Из него такой же моряк, как из меня пастырь божий... Лич не тратил зря порох, и теперь-то уж нам от него не уйти. Он пойдет на абордаж — как пить дать.

называлась «рудерпис»; к нему крепились деревянные брусья, составлявшие перо руля, а к верхней части, голове руля, — румпель.

Понимая, что надеяться сейчас, кроме как на Господа, не на кого, мисс Присцилла с мольбою опустила на колени.

— Будьте мужественны, мисс! — обратился к ней де Берни. — И ни о чем не беспокойтесь! Я с вами! Может, все еще образуется. Прошу вас, доверьтесь мне.

Вслед за тем он удалился к себе в каюту и кликнул Пьера, ждавшего его возвращения.

Мисс Присцилла поднялась с колен и спросила майора, что же с ними теперь будет.

В глубине души Сэндз считал француза жалким хвастуном, которому вздумалось пощеголять перед смертью. Но он сделал над собой заслуживающее одобрения усилие, чтобы прогнать эту мысль, и принялся утешать свою подопечную.

— Я не знаю, на что способен этот молодец. Клянусь честью! Да, не знаю. Но он, похоже, малый не промах! Да и потом, он ведь бывший буканьер, а, как говорится в пословице, ворон ворону глаз не выклюет...

Утешая девушку, майор пытался вселить в нее хоть какую-то надежду, хотя сердцем чувствовал, что никакой надежды нет.

В это время солнце вдруг исчезло — его заслонил огромный силуэт черного корабля. Он был уже совсем рядом, и теперь можно было хорошо различить пиратов, сгрудившихся у релингов на баке. Его холодная, зловещая тень упала на иллюминатор, возле которого сидела мисс Присцилла. Пиратское судно подошло так близко, что они слышали, как на его палубе забили в колокол. А потом — в барабан. И тут до их ушей долетел треск оживленной ружейной пальбы.

Мисс Присцилла задрожала всем телом, и майор покровительственным движением руки обнял ее за тонкую талию.

Наконец из каюты показался де Берни, а за ним — его слуга. Он не только успел вымыться, но и облачился, как обычно, в элегантное платье. На нем был черный с завитушками парик, гладко отутюженная сорочка и фиолетовый тафтяной камзол [32] с черными манжетами, на которых сверкали ряды серебряных пуговиц. Ноги облегал прекрасные черные сапоги из кордованской кожи. Его вооружение состояло не только из длинной шпаги, но и двух пистолетов, торчавших из-за пояса, как у всех буканьеров. Пояс, так же как и португеза, был из расшитой серебром красной кожи.

Девушка и майор воззрились на него с изумлением. К чему весь этот маскарад, тем более в такой тревожный час, недоумевали они. Но больше всего их поразило его хладнокровие.

Взглянув на удивленные лица спутников, француз улыбнулся и сказал:

— Капитан Лич — человек знаменитый. Последний из буканьеров. И надо оказать ему достойный прием.

Де Берни уже подошел к ним, как вдруг палуба у них под ногами вздрогнула от резкого, глухого удара, вслед за которым послышался треск ломающегося дерева, скрежет металла и

долгие раскаты ружейной стрельбы.

Подавшись вперед, де Берни схватился за стол, чтобы не упасть. Майор повалился на колени, а мисс Присцилла, метавшаяся в безумном страхе по кают-компани, рухнула прямо в руки француза.

— Спасите меня, — надрывно проговорила она. — Спасите!

Де Берни прижал ее к себе; его губы, под узкой полоской черных усов, растянулись в улыбке. Своей длинной, тонкой рукой он погладил белокурую голову девушки, прильнувшей к его груди, и, быть может, близость его тела, в котором не чувствовалось ни малейшей дрожи, успокоила мисс Присциллу даже больше, нежели слова, что он произнес вслед за тем:

— Надеюсь, я смогу спасти вас. Да, надежда есть...

Придя в ярость от столь беззащитного обращения француза с девушкой, майор, расхрабравшись, бросил на него гневный взгляд:

— Ну, и что вы можете сделать? — проворчал он.

— Поглядим. Быть может — многое. А может — ничего. Однако, если вы хотите, чтобы мне это удалось, вам придется беспрекословно слушаться меня. (Его голос зазвучал твердо.) И исполнять любой мой приказ, что бы вы о нем ни думали. Уясните себе это ради всего святого, в противном случае вы нас всех погубите.

Над их головами послышался топот ног — пираты взяли «Кентавр» на абордаж. Крики и вопли матросов с той и с другой стороны слились в один многоголосый рев, разрываемый пистолетными и ружейными выстрелами. Дикая какофония побоища звучала все громче и ужаснее.

За иллюминатором промелькнула тень. Кого-то сбросили за борт. Затем другая, потом еще одна.

Страх снова овладел мисс Присциллой, и она еще крепче прижалась к де Берни.

— Скоро все кончится, — произнес он спокойным голосом. — У Лича три сотни человек, никак не меньше. А на «Кентавре» не больше двадцати.

Де Берни насторожился — его ухо уловило какой-то звук, уже совсем близко. И самым решительным голосом он прибавил:

— Итак, что вы решили? Я требую полного и безоговорочного повиновения. Жду вашего слова, это очень важно.

— Да, да. Приказывайте, — дрожащим голосом проговорила мисс Присцилла.

— А вы, майор Сэндз?

Ворча себе под нос, майор дал слово. Но едва он успел его произнести, как на трапе послышалось шлепанье двух десятков босых ног и приглушенный шум голосов; гвалт нарастал, становясь все ближе и ближе.

Затем гул превратился в дикий вой, но звучал он уже несколько по-иному — во всяком случае, так показалось де Берни, все время державшему ухо остро. Это был все тот же топот и те же

вопли. Однако теперь в этот гул влился леденящий душу хохот и непрерывные раскаты ружейных выстрелов — похоже, буканьеры торжествовали победу.

Бой длился недолго. Пираты очистили палубу «Кентавра» в два счета — подобно мощной приливной волне, — несмотря на оказанное сопротивление.

Некоторое время спустя топот ног и шум голосов, заглушивший другие, отдаленные звуки, возвестил о приближении победителей — они бросились осматривать добычу; кроме того, им предстояло решить участь несчастных, сокрывшихся от мгновенной смерти во чреве плененного корабля.

Дверь кают-компания резко распахнулась и, ударившись о переборку, разлетелась на куски. Через темный дверной проем в каюту ворвалась толпа полуобнаженных людей в цветастых тюрбанах; их бородатые, обожженные солнцем лица сияли зловещей радостью. Руки сжимали оружие, а уста изрыгали хулу и проклятья.

Увидев четверых пассажиров — с ними был и Пьер, он стоял чуть в глубине, сиюсь изобразить на лице спокойствие, хотя от страха его черная кожа вся посерела, — пираты на мгновение оторопели. Один из них, заметив девушку, издал дикий победоносный вопль, и вся шайка ринулась было вперед. Но тут на их пути возник де Берни, его ледяной взгляд излучал презрение.

32

Тафта — гладкая тонкая шелковая ткань.

Руки француза лежали на серебряных рукоятках пистолетов, но он даже не попытался извлечь их из-за пояса — его хладнокровный, властный вид премного озадачил пиратов.

— Руки прочь! — крикнул им он. — Первому, кто сделает хоть один шаг, я всажу пулю в лоб. Я — Шарль де Берни. Пригласите-ка сюда Лича, вашего капитана.

Глава VI

СДЕЛКА

То ли признав стоявшего перед ними человека, некогда плававшего с самим Морганом, то ли придя в замешательство от его хладнокровного и решительного вида, головорезы застыли как вкопанные вместе с главным смутьяном, вскинувшим свою здоровую лапищу, с которой свисал разорванный рукав обагренной кровью рубахи. Так они простояли секунд десять. Когда они наконец очнулись и стали что-то бормотать, видимо, требуя объяснений, сквозь них протиснулся какой-то молодец, небольшого роста, с ужимками пантеры. Это был Том Лич.

На нем были красные, по колено, штаны и распахнутая до пояса, забрызганная кровью рубаха с высоко закатанными обшлагами, обнажавшими его длинные, волосатые, мускулистые руки. На низкий, похожий на звериный, лоб спадали темные пряди волос; между маленьких, черных, близко посаженных и дико вращающихся глаз — длинный, с горбинкой, нос с хищно раздувающимися ноздрями. Вместо кривой сабли или мачете, с какими пираты обычно идут на

абордаж, в руках у Лича была шпага — оружие, которым этот крепкоголовый спесивец, как ему самому казалось, владел чертовски лихо.

— Что здесь происходит, какого дьявола? — проорал он, продираясь вперед.

Пробравшись наконец сквозь толпу пиратов, он тоже замер на месте — его, как и всех остальных, ошеломил элегантный, исполненный достоинства вид стоявшего перед ним человека. Сначала его глазки лице удивленно замигали, а потом сузились — как у кошки. Оправившись после потрясения, он вдруг воскликнул:

— Провалиться мне в преисподнюю, если это не Чарли Великолепный!

Выражая свое крайнее изумление, он грязно выругался.

Де Берни шагнул ему навстречу. Сняв одну руку с пистолета, он протянул ее пирату.

— Какая приятная встреча, дружище! Стоит о вас только подумать — и вы уже тут как тут. Но на сей раз вы как нельзя кстати. Я искал вас. Держал вот курс на Гваделупу — думал нанять там корабль, людей и напрямик к вам. А вы, надо же, Том, как гром среди ясного неба — сами свалились ко мне на палубу.

Прищурившись и слегка согнувшись, точно готовясь к прыжку, предводитель пиратов сделал вид, будто не заметил протянутой ему руки.

— Брось юлить, Чарли! Ты известный хитрюга.

Уроженец берегов Луна, покинувший их после призыва во флот, Лич был резок и подозрителен, как всякий обитатель северных областей Англии.

— Ты же спелся с Морганом. Стал его верным псом и бросил «Береговое братство». Вы оба сдрейфили и предали наше общее дело.

Де Берни весело рассмеялся — как будто услышал несусветную чушь.

— Конечно, ведь у меня был выбор, — насмешливо сказал он, — просто позавидуешь: Морган или виселица. И раз уж я выбрал Моргана, пришлось плясать под его дудку. Но ты ошибаешься, если думаешь, что я его верный пес. Как только выпал случай, я тут же бросил его, не простившись, чтоб присоединиться к тебе. И вот я здесь.

— Присоединиться ко мне? Значит, говоришь, хотел присоединиться? Как же, поверил я тебе, ведь твоей верности грош цена!

— Мы всегда верны тем, кто нам нужен. А ты мне нужен, слово чести. К тому же я явился не с пустыми руками. Ты единственный из капитанов, кому храбрости не занимать, да и людей у тебя достаточно, а это как раз то, что мне нужно. Я принес тебе добрую весть, Том. Добычу, да такую, о которой ты мог грезить разве только во сне. Кое-что получше дырявых торговых посуды вроде этой, где, кроме паршивой кожи да гнилого леса из Кампече, ничего нет; решишь возиться со всем этим добром — французские купчишки с Гваделупы и Санта-Круса облапошат тебя за здорово живешь.

Лич шагнул вперед, держа шпагу, словно хлыст, обеими руками.

— Ты это о чем?

— О караване с золотом. Ни больше, ни меньше. Он снимается через месяц.

Подозрительные глазки пирата алчно сверкнули.

— Откуда?

Француз усмехнулся и покачал головой.

— Так я тебе сразу и сказал.

Лич понимающе сжал губы.

— Если хочешь, чтоб я тебе поверил, выкладывай все начистоту.

— Конечно, непременно выложу. А то ты, не дай Бог, передумаешь, а?

В это мгновение майор подался чуть в сторону и пират заметил мисс Присциллу: она скрывалась за спиной своего спутника.

В глазах Тома появились свирепые искорки.

— Что за люди? Кто эта девка?

Он было направился к ним, но де Берни преградил ему дорогу.

— Моя жена и ее брат. Я взял их с собой на Гваделупу, они должны были дожидаться там моего возвращения.

Лишившись последней доли здравого смысла, майор откашлялся и уже собрался опровергнуть слова француза, показавшиеся ему крайне возмутительными. Но мисс Присцилла, догадавшись о его намерениях, что было сил сжала его руку, чтобы уберечь от непоправимой глупости.

— Твоя жена? — откровенно недоумевая, спросил пират. — Никогда не слышал, что ты женат.

— Как видишь, женился недавно. На Ямайке, — как бы между прочим бросил де Берни, сделал вид, что не желает продолжать эту тему.

Том Лич пристально взглянул на него.

— Ох, Чарли, сдается мне, что-то здесь нечисто. Ежели я замечу, что ты...

Де Берни оборвал его:

— Подозрительность тебя погубит. Она всегда была твоим слабым местом. Но я был бы последним идиотом, если б не раскрыл своих карт, ведь я у тебя в руках.

Не сводя с него глаз, Лич почесал кончик длинного носа.

— Я же не сказал — нет. Но, черт возьми, Чарли, если ты вздумал со мной финтить, ты проклянешь небо за то, что однажды появился на свет. Вспомни-ка Джека Клавринга. Пройдоха был вроде тебя. Думал облапошить Тома Лича. Так вот, может, слышал, как я подрезал ему крылышки? Этот мерзкий ублюдок вопил, чтоб его скорее прикончили. Хитрый был, бестия. Но и я не лыком шит.

— Зря кипятисься, — пренебрежительно бросил де Берни.

— Может, оно и так. Но я умею сбивать спесь с кого надо.

Однако для себя он все решил и, резко обернувшись, гаркнул своей шайке, замершей за его спиной, подобно своре послушных псов:

— Все вон! А ты, Уоган, останься. Да передайте Майку, пускай поглядит, что за улов попался к нам в сети, и доложит, я скоро буду.

Пираты с шумом убрались прочь. Проследив, пока все уйдут, Лич подошел к столу и сел на стул, положив шпагу перед собой.

— Ну, Чарли, мы тебя слушаем. Про какой это караван ты толкуешь?

С этими словами он перевел взгляд с де Берни на мисс Присциллу, стоявшую рядом с майором у большого рундука [33] .

У него за спиной терся Уоган, здоровый малый с плоским лицом, в пестром буканьерском наряде. Черная борода, грязные вихры, торчащие из-под красного тюрбана. Под густыми бровями — ярко-синие глаза. Красная рубаха, распахнутая на груди, широкие шаровары из зеленой кожи. За поясом — пара пистолетов.

Чувствуя себя хозяином, де Берни непринужденно подошел к двери одной из кают по левому борту и невозмутимо произнес:

— Ступайте сюда, Присцилла. И вы, Барт.

С чувством облегчения девушка тотчас же направилась к нему. Том Лич вскипел:

— Что это значит? — рявкнул он. — Кто сказал, что они должны уйти?

— С вашего позволенья, капитан, — коротко ответил де Берни ледяным, полным достоинства голосом, не допускающим ни малейшего возражения.

Он открыл дверь, пропустил свою «супругу» и «шурина» в каюту и закрыл ее.

— Какого дьявола! — выругался Том Лич, мерзко ухмыльнувшись. — Не много ли форсу, черт возьми? Можно подумать, ты здесь капитан. Ты, что ли, теперь приказываешь?

— Да, потому что она моя жена, — невозмутимо сказал француз.

И, подвинув стул к столу, он дал знак слуге:

— Принеси-ка рому, Пьер.

Буканьер подозрительно взглянул на метиса, который проворно бросился к буфету резного дерева, стоявшему у переборки.

— А это что — еще один из твоих домочадцев?

В его насмешливом тоне прозвучала угроза.

Но де Берни сделал вид, что не заметил этого.

— Мой слуга, — бросил он.

Сев напротив буканьера, он весело заговорил, как будто перед ним был старый друг или компаньон.

— Нам подфартило, Том. Дело верное. Если бы «Кентавром» командовал военный моряк или хотя бы я, ты бы ни за что не взял нас на abordаж и ни ты, ни я, ни Саймон не сидели бы сейчас здесь.

— Неужели? А башка-то у него варит, а, Уоган? Выходит, тебе взять корабль на abordаж — раз плюнуть, а у меня, значит, кишка тонка? Да, Чарли, от скромности ты не сдохнешь!

Де Берни покачал головой.

— Я б не стал ввязываться в бой. А просто ушел бы от вас — на такой посудине, как ваша, вы бы никогда за мной не угнались.

От восхищения злобные глазки Тома Лича широко раскрылись.

— А у тебя, черт возьми, зоркий глаз, если ты умудрился разглядеть ракушки у меня на днище, — сказал он.

Пьер поставил перед ними поднос с графинчиком рома, тремя стаканами, табакеркой, трубками и огнивом. И направился назад к буфету.

Каждый наполнил себе стакан. Примостившись с краю стола, Уоган принялся набивать трубку ароматным табаком. Де Берни последовал его примеру. Когда табакерку передали Тому Личу, тот брезгливо отодвинул ее в сторону.

— Ну, и что же это за караван? Давай выкладывай.

— Так вот, черт возьми. Через месяц на Кадис снимаются три испанских корабля — тридцатипушечный галион [34] под конвоем двух двадцатипушечных фрегатов [35]. Трюм галиона будет под завязку набит сокровищами — золотыми дублонами [36], жемчугами и прочими побрякушками.

Уоган, собравшийся раскурить трубку, так и застыл с зажженным трутом в руке. Услышав о несметных сокровищах, и он, и Том Лич от удивления раскрыли рты. Если де Берни не врал, то им обоим — капитану и штурману, — с их-то сноровкой, этих сокровищ хватило бы по гроб жизни, тогда уж они бы зажили как люди. Придя в себя от потрясения, Лич выругался — в знак того, что не верит ему ни на грош. Потом сухо прибавил:

— Разрази меня гром, если я поверю хоть одному твоему слову!

— Я тоже, клянусь моими потрохами, — пробубнил Уоган.

Де Берни окинул их презрительным взглядом.

— Я же говорил, столько золота вы видели только во сне. Повторяю — это правда. Теперь ясно, зачем я спешил на Гваделупу, зачем мне нужен корабль и вы в придачу? Надеюсь, теперь-то вы поняли, почему я благословил небо, когда оно послало мне вас обоих вместе с кораблем, который ждет только нас? Да-да, с тем самым кораблем, что у нас под ногами. Он нам еще

пригодится.

Слова француза могли бы показаться неубедительными. Однако, ослепленные жадностью, пираты мигом клюнули на наживку. Том Лич подвинулся ближе к столу и, опершись на него голыми локтями, проговорил:

— Выкладывай все без утайки. Откуда узнал про золото?

И де Берни принялся рассказывать все по порядку. Его рассказ, нужно отдать ему должное, действительно походил на правду.

Однажды, месяц тому назад, они вместе с Морганом проходили мимо Каймановых островов [37] 38 — в надежде напасть на след Тома Лича. Ночью был страшный шторм, а на рассвете, в пяти-шести милях к югу от Большого Каймана, они вдруг заметили шлюп [38], готовый вот-вот пойти ко дну. Так что едва успели подобрать людей. Спасенные оказались испанцами. Один из них, какой-то важный сеньор по имени Охеда, держал путь на Эспаньолу [39], куда ему нужно было попасть во что бы то ни стало, но во время шторма их шлюп сбился с курса. Да, в крутую переделку попал этот сеньор, не позавидуешь, тем паче, что накануне он здорово пострадал. Проклиная все на свете, он сказал, что ночью ему перебило позвоночник и он вряд ли дотянет до Санто-Доминго, куда ему нужно было позарез: он вез важное послание для командующего флотом.

— Послание, — сказал де Берни, — видно, и впрямь было важное: шутка ли, испанец уже на ладан дышал, а сам все твердил про него без умолку. Тут я решил держать ухо востро. Обещал передать его кому нужно на словах или на бумаге, если он решит написать письмо. Но он с ужасом отверг мое предложение, и это еще пуще распалило мое любопытство. Однако, — продолжал де Берни, — в конце концов он сдался и решил-таки написать письмо. Потом, уже под вечер, почувствовав, что конец его близок, он снова кликнул меня, велел позвать своего шкипера и принести перо к бумагу, что я и сделал. Я смекнул, что этот сеньор — а он действительно оказался с головой — решил написать его так, чтобы матросы, народ большей частью неотесанный, неграмотный, не смогли разобрать ни слова. Он продиктовал его по-латыни, буква за буквой, слово за словом, непосредственно шкиперу, хотя тот и сам скорее всего не смыслил в латыни ни уха ни рыла. Да, сметливый испанец попался, ничего не скажешь.

33

Рундук — а) прилавки в корме, которые устраивались по обе стороны от руля; б) сундучки в каютах и на палубах, в которых хранились мелкие корабельные вещи: флаги, лоты, лаги и пр.

34

Галион — торговое судно, обычно массивное и тихоходное, которое испанцы использовали для торговли со своими американскими колониями, в частности — для перевозки золота с перуанских рудников.

Фрегат — трехмачтовый военный корабль с двумя батарейными палубами (до 60 пушек), характеризовавшийся большой остойчивостью и отменным ходом. Использовался главным образом для крейсерства и разведки.

Дублон — средневековая испанская золотая монета. С 1557 года в Испании чеканились эскудо весом 3,38 г (около 3,0 г чистого золота).

Каймановы острова — группа мелких островов в Карибском море к югу от Кубы и к северо-западу от Ямайки.

Шлюп — трехмачтовый парусный корабль средних размеров с батареей на верхней палубе и пушками небольшого калибра. Обычно использовался для разведки, посыльной службы и других подобных действий.

Эспаньола — тогдашнее название о. Гаити.

Ну так вот, вечером того же дня сеньор этот отдал концы, а со шкипером ночью неведомо как случилось несчастье — свалился за борт. Во всяком случае, утром мы его так нигде и не нашли. Зато письмо осталось целехоньким, да и куда бы оно делось. Я как в воду глядел, когда думал, что со шкипером обязательно случится какая-нибудь чертовщина, и потихоньку вытащил письмишко из-под подкладки его сапога, куда он, хитрая bestия, припрятал его для пущей верности.

Рассказ де Берни прервал одобрителный хохот буканьеров. Черный юмор, каким он приправил историю о страшной смерти испанского шкипера, пришелся головорезам явно по вкусу. Француз удовлетворенно улыбнулся и продолжил:

— Тогда-то я и обнаружил свинью, которую нам подложил покойничек. Когда-то я учился латыни и кое-что в ней кумекал, но в море вся эта белиберда быстро выветривается из башки.

Потом испанец, как я после узнал, диктовал письмо на какой-то чертовски заковыристой латыни — классической, как это называется у книжных червей. Из него я так ничего и не выудил, разобрал только какие-то римские цифры — принял их поначалу за даты, да одно-два слова. Но через неделю, когда мы пришли в Фор-Руаяль, я разыскал знакомого пастыря, француза, и попросил перевести мне письмишко.

Де Берни остановился и окинул взглядом суровые лица собеседников, которые вдруг озарились надеждой.

— В этом письме испанец просил командующего испанской эскадрой в Санто-Доминго в срочном порядке снарядить пару военных кораблей для усиленного конвоя, которому вскорости предстоит сопровождать караван через Атлантику в Испанию. Вот и все.

— Все? Значит, говоришь, все? Но откуда снимается твой караван? — взорвался Том Лич.

Набивая трубку, де Берни улыбнулся и сказал:

— Из одного места — где-то между Кампече и Тринидадом.

Пират насупил брови.

— Сказал бы уж, между Северным полюсом и Южным! — зло процедил он. — А может, ты просто не в курсе?

Де Берни снисходительно улыбнулся:

— Конечно, знаю. Но это — тайна.

Засим он взял огниво и принялся мирно раскуривать трубку, как будто не заметив, что его слова привели пиратов в бешенство.

— Да, и еще, — прибавил он. — Как мне стало известно, на всех трех испанских кораблях людей будет не больше двух с половиной сотен. Так что силы у нас примерно равные... Как только я узнал, что это за бумага, я тут же смекнул: пора помахать Моргану ручкой, а заодно и королю. Я поплакался старине Моргану, что заскучал по Франции, по родному дому. И Морган, не сказав ни слова, отпустил меня восвояси. Но одному мне это дело не потянуть, вот я и подумал про вас, ведь вместе мы могли бы сорвать огромный куш. На Гваделупе я хотел сколотить небольшой отрядик из французских головорезов-добровольцев, конечно, нанять корабль и отправиться на ваши поиски. Я знал, как, впрочем, и Морган, что недавно именно в этих водах вам обломился добрый улов.

Он замолчал и для бодрости отпил глоток рому.

Лич заерзал на стуле и убрал локти со стола.

— Да-да, конечно, — пробурчал он скорее нетерпеливо, нежели одобрительно. — Но где детали, ты же обещал рассказать все до тонкости?

— А вам уже все известно. Караван с золотом, как я и сказал, снимается в Кадис через месяц — когда задуют пассаты.

— Да это ясно. Однако хотелось бы уточнить, куда нам-то держать курс, где искать караван? На север? На юг? А может, на восток или на запад?

Француз покачал головой.

— А зачем? Я здесь как раз для того, чтобы отвести вас в нужное место, и я сделаю это непременно, но лишь после того, как мы заключим сделку.

— Похоже, ты уверен, что я пойду с тобой на сделку?

— Да, уверен, в противном случае ты будешь круглым дураком, Том. Неужто ты и вправду думаешь, тебе еще раз подвернется такой случай?

— А ты, видно, думаешь, я возьму и вот так, очертя голову, брошусь в твою авантюру?

— Зачем же так — очертя голову. Все, что нужно, ты знаешь. Но раз тебе не по душе мое предложение, высади меня на Гваделупе. Уж там-то я как пить дать...

— Послушай, Чарли, душа здесь ни при чем, ты же знаешь. Ты также прекрасно знаешь, что я умею развязывать язык кому надо. Не ты первый, не ты последний, да-да, ведь ты же не хочешь фитиля между пальчиками ног?

Де Берни посмотрел на него сверху вниз и, скрывая презрение, мягко сказал:

— Честное слово, дурья ты башка, если б не мое терпение, ты б уже давно был трупом — я бью без промаха.

— Что-что?

Пират схватился за шпагу — она лежала прямо перед ним на столе. Де Берни сделал вид, будто не заметил его угрожающего жеста.

— Неужели ты воображаешь, что сможешь развязать мне язык! Если хочешь поймать сокровища, учти — чтоб я подобного тона больше не слышал! Да, ты нужен мне, так же как и я тебе: без меня караван вам не найти, да и не только поэтому. Я же говорил тебе, что хотел нанять на Гваделупе корабль, но ты захватил «Кентавр», а это как раз то, что нам нужно. Осталось только назначить капитана. И этим капитаном буду я. Ты же знаешь, мне ни один фрегат не страшен, хоть о ста пушках. Так ты согласен или нет?

Он замолчал, потом прибавил:

— Давай-ка лучше поговорим о деле, капитан, — как умные люди.

Уоган сдался — и то слава Богу. Облизнув пересохшие губы, он сказал:

— Я вот что думаю, капитан, Чарли дело говорит. А как бы ты поступил на его месте?

Де Берни устроился поудобнее на стуле и затаился из трубки, довольный тем, что благодаря своей жадности старпом «Черного Лебедя» перешел на его сторону. Слова ирландца быстро возымели действие.

— Твои условия? — резко спросил он.

— Пятая часть добычи — моя.

— Что?!

— Что значит какой-то жалкий миллион дублонов по сравнению с остальными сокровищами, — мягко напомнил ему де Берни. — Это ведь не то, что ваша обычная добыча, которую вы сплавляете на Гваделупу за жалкие гроши.

Де Берни принес перо, бумагу, чернила и велел Пьеру кликнуть еще троих человек из команды. Им надлежало подписать от имени матросов условия сделки, составленной по всем правилам буканьерской чести.

Когда сделка была заключена, Лич и его товарищи ушли, предоставив де Берни выбирать — либо остаться, либо следовать за ними.

На палубе, напоминавшей залитую кровью скотобойню, Лич остановился. Это зрелище не вызывало у него отвращения. Его сердце уже давно превратилось в камень — он привык к виду крови.

Подняв голову, Лич вопрошающе посмотрел на широколицего ирландца. И Уоган, взглянув на него с высоты своего роста, ухмыльнулся и сказал:

— Как только пустим караван на дно, а сокровища перекочают к нам в трюмы, капитан Чарли, думаю, запоеет у нас по-другому.

Глава VII

ЧАРЛИ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Де Берни снял пояс с пистолетами, португую, шпагу и велел Пьеру отнести в свою каюту. Ведь он облачился во все это только для важности. Теперь же игра была закончена — со своей ролью он справился великолепно. Потом он направился к каюте, где томились в ожидании его спутники, отпер ее и попросил их выйти.

Бледная от страха, мисс Присцилла тщетно пыталась скрыть переполнявшие ее чувства; майор тоже был бледен как мел, однако ж он не пожелал скрывать того, что думал.

— Быть может, объясните нам, сударь, что вы намерены с нами сделать? — вызывающе бросил он.

Приглядевшись более внимательно, они оба заметили, что де Берни был чем-то удручен — словно после какого-то тяжкого испытания. Тем не менее он держался достаточно хладнокровно. Не обращая внимания на майора, француз заговорил с девушкой, она стояла, прислонившись к столу:

— Поверьте, мисс, мои намерения самые добрые.

Майору явно не хотелось оставаться в стороне.

— Да неужели? — спросил он. — И вы смеете это утверждать после всего, что здесь только что произошло?

Де Берни вымученно улыбнулся:

— Значит, вы все слышали. Так знайте, и вы, мисс, тоже: кем бы я ни был, пока я с вами,

опасность вам не грозит.

Мисс Присцилла взглянула на него с тревогой:

— Неужели то, что вы сказали этому пирату, — правда? Неужто вы действительно связались с этими... людьми?

После долгого раздумья де Берни ответил:

— В вашем вопросе прозвучала нотка сомнения, — заметил он наконец. — Что ж, это меня радует. Благодарю. Однако... закончим этот разговор.

— Выходит, вы намеренно вытребовали у Брэнсома разрешение командовать батареей?

— Вот тебе раз. (Француз пожал плечами.) Зачем об этом вспоминать? Вы должны помнить о другом: сейчас, по крайней мере, я вырвал вас из лап Лича и его шайки. Если слово буканьера для вас что-нибудь да значит, поверьте, я пошел на это единственно ради того, чтобы вы могли вернуться в Англию живой и невредимой. Однако, к сожалению, с возвращением придется повременить. Непредвиденные задержки бывают часто, тут уж ничего не попишешь. Правда, теперь всякое может случиться. Но вы не волнуйтесь и гоните прочь тоску. Худшее уже позади. Так что, прошу вас, ступайте в свою каюту и оставайтесь там, а я прослежу, чтобы вас никто не беспокоил.

С этими словами он покинул их и отправился на палубу.

В погруженном во мрак коридоре он резко подался в сторону, чтобы не споткнуться о чье-то тело — то был труп Сэма; видно, когда бедняга преградил буканьерам дорогу в кают-компанию, они убили его на месте. Ощупав бездыханное тело чернокожего грума, де Берни двинулся дальше.

Наконец он ступил на палубу, она действительно напоминала бойню, сплошь заваленную окровавленными телами команды «Кентавра», и среди них — только три или четыре трупа буканьеров, которых эти несчастные успели уложить перед тем, как пираты сокрушили их сопротивление.

Капитан Брэнсом лежал с проломанной головой у люка на нижнюю палубу. Де Берни пришлось отодвинуть его тело ногой; а ведь еще вчера бедняга тешил себя надеждой, что это его последнее плавание. Последнее плавание! Действительно последнее — оно закончилось даже раньше, чем он ожидал...

Де Берни мысленно представил, как на голову несчастного капитана обрушился страшный удар — ничего не скажешь, достойная награда за неустанные труды и отвагу... Однако ни один мускул на бесстрастном лице француза не выдал его чувств. И он как ни в чем не бывало вышел на палубу; на нем, как и раньше, был роскошный, расшитый серебром фиолетовый камзол.

Заметив его, несколько человек, собравшихся у грот-мачты, радостно воскликнули:

— Чарли! Чарли!

Де Берни понял, что команда Тома Лича, конечно, уже прознала, зачем он здесь.

Вслед за тем его встретили ликующие возгласы матросов, стоявших на баке. Де Берни

остановился и в знак приветствия поднял руку. В тот же миг его глаза перехватили мрачный взгляд Лича. Капитан стоял в окружении Уогана и двух десятков головорезов. Он осматривал повреждения, нанесенные «Кентавру» во время абордажа, и отдавал распоряжения: первым делом — разъединить корабли, дрейфовавшие по воле волн, так как все паруса на «Черном Лебеде» и на «Кентавре» были убраны. Взобравшись на марсы, матросы пытались расцепить запутавшиеся такелажи обоих судов.

Согласно одному из условий контракта, захваченный корабль и часть команды «Черного Лебеда» переходили под начало де Берни. Француз особенно настаивал на этом, заявив, что заслуживает чести быть капитаном не меньше других, а то и больше. И скрепя сердце Лич уступил. Но, когда де Берни поднялся на палубу, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей, Лич решил ему отомстить.

— С тобой пойдет Уоган! — коротко сказал ему капитан. — Тебе же нужен помощник! А Холлиуэл будет штурманом.

Де Берни ожидал такого подвоха. Подозрительный пират решил приставить к нему своих надежных людей, чтобы те следили за каждым его шагом. В душе он кипел, но вида не показал.

— Прекрасная мысль! Но только с условием, что они будут подчиняться мне безоговорочно.

Вслед за тем уже властно он прибавил:

— Так вот, пока плотники чинят руль, приказываю немедленно очистить палубу от всей этой дряни.

Лич метнул в него злобный взгляд, но промолчал. Через десять минут двадцать матросов уже старались вовсю. Все трупы — страшные свидетели недавнего побоища — выбросили за борт, и дюжина здоровых полуголых парней, вооружившись ведрами и швабрами, вылизали палубу от носа до кормы так, что она аж засверкала; в это же время из чрева захваченного корабля слышались удары молотков — плотники трудились над развороченным рулем «Кентавра».

Потом, все так же властно, де Берни велел привести в порядок поврежденный такелаж. Чтобы высвободить запутавшиеся реи, он приказал их сначала поднять, а затем опустить.

Через час, когда корабли были готовы разойтись, на «Кентавре» осталось около сотни матросов — вся его команда. Лич перебрался на борт «Черного Лебеда».

Но перед тем как расстаться, он уточнил у де Берни курс.

— Будем держать аккурат на юго-запад, к островам У входа в залив Маракайбо [40], — сказал француз. — А если потеряем друг друга, встретимся у мыса Велай.

40

Речь идет об озере Маракайбо и прилегающем побережье Венесуэльского залива.

— Это и есть то самое место? Там, что ли, будем ждать караван?

Буканьер буравил де Берни маленькими, темными, хитро сощуренными глазками.

— Да нет, — ответил ему тот. — Это только первый переход.

— Ну а дальше? — нетерпеливо проворчал Лич.

— Узнаешь, когда будем на месте.

Лич заметно приуныл.

— Послушай, Чарли... — в сердцах начал он. Потом вдруг осекся, пожал плечами, развернулся и отправился на свой корабль.

Вслед за тем «Черный Лебедь» и «Кентавр» разошлись. Мисс Присцилла и майор поняли это по тому, что в их каюту, скрытую тенью «Черного Лебедя», вдруг хлынул яркий свет.

— Теперь одному Богу известно, что нас ждет впереди! — вздохнув, проговорила девушка.

Майор собрался было ее утешить. Но тут же воскликнул:

— Просто невысказано, Присцилла, как вы могли поверить этому человеку! Право же, невысказано! Пусть это послужит вам уроком на будущее, ведь вы еще такая неопытная. Возможно, в следующий раз вы будете относиться к моим словам с большим вниманием.

— Боюсь, другого раза может и не быть, — заметила девушка.

— К сожалению, я тоже этого боюсь!

— Но если случай нам все же улыбнется, то только благодаря господину де Берни.

Ее слова задела майора за живое.

— Благодаря господину де Берни? Кому? Благодаря ему?

В отчаянии майор зашагал из угла в угол. Они находились здесь вдвоем: Пьера с ними не было.

— Вы все еще верите ему, этому негодяю, пирату?

— Он единственный, на кого я могу положиться. Если б не он...

И она с досадой махнула рукой, как бы завершая этим жестом недосказанную мысль.

Майор с радостью отдал бы несколько лет жизни, если бы у него хватило мужества упрекнуть девушку в недоверии к нему, Сэндзу. Однако обстоятельства лишили его мужества, и от этого его негодование лишь возросло:

— Как! И вы это говорите после всего того, что мы только что слышали? Теперь, когда мы знаем, что он замышляет? Что он спелся со своими бывшими друзьями и имел наглость назвать вас своей супругой?

— А что было бы с нами, не скажи он всего этого? Он поступил так потому, что хотел спасти меня.

— И вы действительно в это поверили? Ей-Богу, ваша слепая доверчивость меня просто

поражает!

От насмешливых слов майора лицо мисс Присциллы побледнело еще больше. Поразмыслив о случившемся, она наконец нашла маленький довод в защиту де Берни. И тут же изложила его:

— Если б он и вправду замыслил что-то недоброе, в чем вы его обвиняете, с какой стати ему было спасать вас от верной смерти и выдавать за своего шурина?

Ее вопрос озадачил майора. Он так и не нашелся, чем ей возразить. Однако ее слова прозвучали впустую — его мнение о де Берни ничуть не изменилось.

— Откуда мне знать, какую подлость он затевает?

— Значит, вы считаете, он затевает подлость? Но почему? — спросила она, устало усмехнувшись. — Он спас вам жизнь, и не смейте говорить о нем дурно.

— Вот так так, мисс! — Одутловатое лицо майора пошло багровыми пятнами. — Какие все же упрямые создания, эти женщины! Надеюсь, будущее покажет и ваше безрассудное доверие к этому мерзавцу оправдается. Надеюсь. Но черт возьми! Провалиться мне на этом месте, если я ему доверяю хоть на йоту!

— Bravo, майор Сэндз! Благодарю за заботу. Что вам до моих переживаний!

Майор почувствовал себя виноватым.

— О, простите меня, Присцилла! Я живу только для вас одной. Да-да, конечно, я был несправедлив. Ради вас, милая девочка, я готов жизнь отдать...

Его речь прервалась неожиданным появлением де Берни:

— Будем надеяться, дорогой майор, что до этого дело не дойдет...

Застигнутый врасплох, майор аж подскочил. Затворив за собой дверь, де Берни приблизился к ним, он держался спокойно и уверенно.

— Все в порядке, — произнес он ровным, мягким голосом. — Теперь я капитан «Кентавра». Так что прошу вас быть моими гостями.

— А как же капитан Брэнсом? — глядя прямо на него, спросила в растерянности мисс Присцилла,

На его помрачневшем лице не дрогнул ни один мускул, и после короткого раздумья он бесстрастным голосом ответил:

— Капитан Брэнсом исполнил свой долг. Прояви он отвагу чуть раньше, наверняка остался бы жив.

— Он погиб? Его убили? — воскликнула девушка, у которой побледнели даже губы.

Она не могла представить, что этого бодрого, жизнерадостного человека вдруг не станет, ведь еще совсем недавно он так радовался скорой встрече с женой и детьми, которых уже успел позабыть.

Де Берни слегка склонил голову.

— Вчера вечером он сказал, что это его последнее плавание. Как это ни жутко, но он словно в воду глядел! Сейчас ему уже покойно. Он думал наверстать упущенное. Так и умер с тщетной верой в будущее.

— Боже мой! — вскричал майор. — Это ужасно! Как вы можете так говорить! Вы могли бы спасти несчастного...

— Нет, — оборвал его де Берни. — Когда я поднялся на палубу — было слишком поздно. Бой закончился еще до того, как сюда явился Лич.

— А что с остальными? С командой?

Все так же невозмутимо де Берни ответил:

— Капитан Лич никогда не берет пленных.

Мисс Присцилла застонала и закрыла лицо руками. Она почувствовала слабость, и ей едва не сделалось дурно. Теперь она с трудом слышала мягкий, приятный голос де Берни, говорившего на безупречном английском, с чуть уловимым французским акцентом.

— Позвольте мне, однако, успокоить вас. Вам ничего не угрожает, если не считать короткой задержки и связанных с нею неудобств. Сейчас, когда все утряслось, я смею это утверждать с полной ответственностью.

Услышанный им ответ прозвучал как оскорбление.

— Сударь, — воскликнул майор Сэндз, — чего стоит обещание человека, посягнувшего на место убитого капитана?!

Де Берни ни на миг не потерял хладнокровия и держался по-прежнему учтиво.

— Возможно — ничего, однако что-либо другое предложить взамен не могу, — ответил француз и, обращаясь к мисс Присцилле, продолжил: — Мой помощник и штурман будут есть вместе с нами. Мне бы очень хотелось избавить вас от их присутствия, но это было бы несколько опрометчиво. В остальное же время кают-компания в вашем полном распоряжении.

Все еще бледная, девушка обратила на него свои ясные глаза, словно желая о чем-то спросить. Но по холодному, надменному, не допускающему возражений лицу француза она поняла, что дальнейшие расспросы бесполезны. И, смиренно склонив голову, она только промолвила:

— Мы в вашей власти, сударь. Нам лишь остается поблагодарить вас за доброе отношение к нам.

Де Берни едва заметно нахмурился.

— В моей власти? Если угодно — под моим покровительством, так будет вернее.

— Какая разница?

— Мы все зависим от обстоятельств, Присцилла.

Она поняла, что француз собирается что-то добавить, но тут майора совершенно некстати прорвало:

— Сударь, а не много ли вы себе позволяете, обращаясь с мисс Присциллой со столь неслыханной бесцеремонностью!

— Я могу себе это позволить. Ведь она моя жена, не так ли? А вы, дорогой Бартоломью, — мой шурин.

Майор затрясся и метнул в него испепеляющий взгляд. Заметив его реакцию, де Берни стал твердым как камень, и голос его зазвучал резко:

— Вы мне чертовски надоели. Другой бы на моем месте уже давно поставил бы вас на место. Соболаговолите запомнить мои слова, Бартоломью. И будьте так добры оба называть меня Шарлем, если не хотите, чтоб вас скоро отправили на тот свет, а заодно и меня. Конечно, такое обращение вам не по нутру, Бартоломью, но это куда приятней, чем болтаться на рее, не правда ли?

С этими словами он вышел из каюты, предоставив майору излить злобу перед девушкой.

— Ей-Богу, этот негодяй, похоже, посмел мне угрожать!

— В конце концов, Барт, — напомнила ему мисс Присцилла, — де Берни не звал Лича к нам на «Кентавр».

— Однако ж он принял его как дорогого гостя! Он спелся с этим разбойником, у которого руки по локоть в крови! Разве он не говорил, что искал встречи с ним, подлым убийцей? Он что, лучше его?

— Может, и так, — промолви та мисс Присцилла.

Белесые глаза майора замигали от удивления.

— Что? И вы еще сомневаетесь! Разве не он занял место несчастного Брэнсома?

— Да, но это еще ни о чем не говорит.

— Ни о чем? Это говорит о том, что он гнусный пират, презренный разбойник!

Тут в дверях появился Пьер.

— А вы, вы просто кретин, и если будете вести себя так и дальше, получите по заслугам, а вместе с вами пострадают и другие.

Майор застыл разинув рот, его негодование трудно было описать: как мисс Присцилла, к которой он всегда относился как к нежной, благовоспитанной девочке, могла позволить себе говорить с ним, образованным человеком, офицером, в подобном, оскорбительном, тоне! Для него это было вне всякого разумения. Вполне вероятно, что страшные события минувшего утра пагубно сказались на ее легко ранимом рассудке. Придя в себя, он было собрался ее отчитать, но она так же резко, как и минуту назад, оборвала его. Воспользовавшись тем, что Пьер поспешно удалился, девушка приблизилась к майору и стиснула его руку.

— Неужто вы и впрямь потеряли благоразумие, если осмеливаетесь дерзить этому человеку? — торопливо проговорила она.

Вероятно, ее упрек был действительно справедлив, однако майор не мог принять ее слов. Не на шутку оскорбясь, он высокопарно выразил ей свое недоумение и обиженно смолк.

Вскоре возвратился де Берни, его сопровождали здоровяк ирландец Уоган и другой пират, небольшого роста, толстый, вялый на вид, но крепкий, с широченными плечами и мелкими чертами лица. Войдя, он представился — Холлиуэл, старший штурман.

Они уселись за стол. И перед ними тотчас возник Пьер, гибкий и проворный как тень.

Де Берни взял стул, на котором еще недавно сидел бедняга Брэнсом, не знавший ни забот, ни печали. Мисс Присциллу с майором он усадил по правую руку от себя — спиной к иллюминаторам, — а Уогана с Холлиуэлом — по левую.

Обед прошел безрадостно. Поначалу оба пирата проявили было веселость. Однако от ледяного взгляда де Берни и высокомерного молчания «миссис» де Берни и ее «братца» их веселье как рукой сняло. На плоском, грубом лице Уогана появилась маска недовольства.

Зато старший штурман с жадностью накинулся на еду. За столом его заботило лишь одно — как побольше набить брюхо. И отобедал он действительно на славу, даже сам не ожидал, — проглотив изрядное количество мяса и свежих фруктов, благо на «Кентавре» и тою, и другого оказалось больше чем достаточно. Ел он громко чавкая, не думая ни о чем, кроме еды, и смотреть на него было крайне неприятно.

Майор едва сдержался, чтобы не выразить презрение по поводу его отвратительных манер. Что касается мисс Присциллы, то она, изнуренная страшными испытаниями минувшего дня, венцом которого стал обед в обществе пиратов, тем не менее держалась с достоинством. Она едва притронулась к еде, однако никто из присутствующих этого даже не заметил.

Глава VIII

КАПИТАН

Наступила безлунная тропическая ночь, озаряемая мириадами ярких звезд. Де Берни расхаживал взад и вперед по палубе, и от его высокой фигуры на палубу, освещенную кормовым фонарем, ложилась длинная тень.

На закате ветер заметно ослаб, однако направление его не изменилось. «Кентавр» на всех парусах шел прямо на юго-запад, теперь его руль и мачты были в полном порядке. За ним, метрах в двухстах — судя по огонькам трех носовых фонарей, — рассекая фосфоресцирующие волны, следовал Том Лич.

Ночь выдалась нестерпимо душная, и большая часть буканьеров, нынешняя команда «Кентавра», высыпала на верхнюю палубу — под свет сигнальных фонарей, мерцавших, словно светлячки.

Рядом пираты играли в «семь-одиннадцать», и время от времени звон костей в кружках, заменявших им оловянные стаканчики, заглушался взрывами хохота и бранью. На палубе, под нестройный аккомпанемент скрипки, больше напоминавший пиликанье, и грубый одобрителный смех слушателей, звучала одна и та же непристойная песня.

Де Берни слышал весь этот гвалт лишь краем уха и не обращал на него никакого внимания. Он был занят своими мыслями и совершенно не реагировал на то, что творилось вокруг.

Около полуночи он спустился вниз и направился к себе в каюту. У входа в коридор на нижнюю

палубу, прислонясь к переборке, стояли Уоган и Холлиуэл и о чем-то шептались. При его появлении они смолкли и пожелали ему доброй ночи.

Войдя в коридор, молодой француз подумал, что попал в пещеру. Впереди — ни огонька. Де Берни уж было собрался ступить в его черную глубину, как вдруг ощутил прямо перед собой — ибо все его чувства вмиг обострились — едва уловимое движение. Он замер, но тут же успокоился, услышав тихий, почти таинственный голос:

— Господин!

И он двинулся следом за Пьером — незримым, безмолвным стражем, охранявшим дверь в его каюту. Конечно, это он потушил фонарь.

В каюте, где горел светильник, де Берни обратил внимание на встревоженное, лоснящееся от пота лицо юного метиса. Ровным голосом, почти шепотом, Пьер по-французски сообщил ему в двух словах следующее: он шел на палубу подышать воздухом, но у входа в коридор услышал голоса Уогана и Холлиуэла. Уоган упомянул имя де Берни — его тон насторожил Пьера. Бесшумно отступив назад, он потушил фонарь, чтобы его не заметили, и ползком подобрался ко входу, решив послушать, о чем говорили пираты. Из их разговора он узнал, что оба помощника вместе с капитаном замыслили против де Берни гнусное действо. Как только тот приведет их на место и дело будет сделано, они там же его и прирежут — так что свою долю он получит сполна.

Уоган раскрыл этот замысел Холлиуэлу, чтобы успокоить его, потому как тот больно уж злобствовал из-за того, что согласно какой-то там сделке де Берни причиталась пятая часть добычи. Уоган посмеялся над ним и заверил, что де Берни получит ровно столько, сколько они сочтут нужным, а нет, так ему просто перережут глотку — и концы в воду.

Однако Холлиуэла не так-то просто было урезонить. Де Берни, мол, хитер как черт и скользкий как угорь — улизнет из рук так, что глазом не успеешь моргнуть. К тому же он не дурак, себе на уме и уж наверняка почуял недоброе...

— Но с какой стати ему не доверять нам? — бесстрастно ответил Уоган. — Он бывалый буканьер, таких уж нет. Так что сдохнет, а слово свое сдержит. А мы постараемся усыпить его бдительность. До тех пор пока не выйдем на караван, придется плясать под его дудку и потакать его прихотям. А коли будет слишком задирать нос, мы ему это припомним. В конце концов, заплатит за все с лихвой.

Потом, услышав, как де Берни спускается по трапу, они притихли.

Француз выслушал слугу не проронив ни слова. Он стоял у стола, стиснув рукой подбородок, и размышлял, но на лице его не было ни страха, ни удивления.

— Хорошо, мой мальчик, — произнес он, когда тот закончил, и прибавил: — Я так и знал.

Его бесстрастный голос, похоже, привел Пьера в недоумение.

— Ведь вам грозит опасность, господин!

— Да-да, конечно, — проговорил де Берни, как бы подтрунивая над не на шутку обеспокоенным слугой. — Она существует. Но самое страшное — впереди. А пока все козыри в наших руках. Значит, говоришь, пока мы не выйдем на караван, они будут плясать под мою дудку и потакать

всем моим прихотям? Что ж, кое-что я уже для них припас.

И он опустил руку на плечо слуги.

— Спасибо тебе, Пьер, за усердие. Но впредь не вздумай за ними следить. Не стоит зря рисковать. Побереги себя. Ты мне еще понадобишься. А теперь отправляйся-ка спать. Сегодня всем нам пришлось несладко.

Утром, из уважения к своим попутчикам, а может, просто из желания оказать услугу мисс Присцилле, де Берни решил продемонстрировать одну из прихотей, какими его попрекали Уоган с Холлиуэлом.

Поднявшись с восходом солнца на мостик, он увидел обоих приятелей.

— У миссис де Берни слабое здоровье, — властно обратился к ним он. — И порой она встает довольно поздно. Мне бы хотелось, чтобы по утрам в кают-компанию никто не заходил, дабы ее не беспокоить. Вы меня поняли?

Уоган недовольно взглянул на гордого француза.

— Это еще почему! — проворчал он. — Как прикажете вас понимать? А завтрак? Может, ваша милость все же соизволит дать нам спокойно пожрать?

— Ради Бога, завтракайте где угодно, только не там.

Не обращая внимание на их возражения, он отправился делать осмотр судна.

Когда он отошел достаточно далеко, Уоган, дав волю чувствам, разразился проклятьями.

— Скажите, какие нежности! Черт бы его взял! Значит мы рожей не вышли, чтоб общаться с дамой! Надо ж, какая цаца! Ладно, скоро эта куколка запоет по-другому... Придется обучить ее вежливым манерам. Так, а что будем делать сейчас?

— Как и говорил — во всем ему потакать. А сейчас главное — пожрать. Где угодно. Знаешь, мне не очень-то улыбается снова торчать в ее компании — вспомни, какую рожу она скривила. А ее братец? Разевал хайло, только чтоб поворчать. А наш Чарли, со своими выкрутасами?.. Просто диву даюсь, как меня только не вывернуло наизнанку... (И Холлиуэл демонстративно сплюнул.) По мне — жрать, так уж жрать, если в охотку-то.

Уоган хлопнул его по плечу.

— Верно, черт возьми. Ладно, скажем спасибо нашему Чарли!

Когда немного спустя де Берни снова оказался на мостике, ирландец встретил его с широкой улыбкой.

— Э! Ты это здорово придумал, Чарли, — послать нас к черту. Слов нет, спасибо. Теперь мы не станем докучать твоей женушке и ее развеселому братцу. Ты доволен?

— Вот и прекрасно. Так что можете катиться куда угодно — разрешаю, — как бы мимоходом бросил де Берни.

Старший штурман и старпом недоуменно переглянулись.

— Слышал? Он нам еще разрешает! — пробубнил наконец Уоган. — Ну и наглец!

Меж тем де Берни, облокотясь на релинги, задумчиво смотрел на силуэт «Черного Лебедя», неотступно мчавшегося следом за ними. Так, погруженный в свои мысли, он простоял с полчаса. Когда он выпрямился, на его лице не осталось ни тени раздумий — де Берни загадочно улыбался...

Он подошел к Холлиуэлу, тот давал какие-то указания ставшему матрос-в, стоявшему за штурвалом.

Де Берни приказал ему лечь в дрейф и дать сигнал «Черному Лебедю» сделать то же самое. Потом он велел подготовить шлюпку и спустить ее на воду. Ему нужно было переговорить с Томом Личем.

Холлиуэл повиновался, и уже через полчаса шлюпка «Кентавра» подошла к обшарпанному борту «Черного Лебедя». Лич встретил де Берни потоками брани. Какого дьявола ему понадобилось от него ни свет ни заря? Зачем попусту тратить время!

— Что касается времени, то спешить нам некуда, — заметил француз. — Но даже если б оно нас поджимало, я все равно буду верен себе: как говорится, тише едешь — дальше будешь.

Он стоял на верхней площадке наружного трапа — величавый и, не в пример остальным буканьерам, на удивление изящный.

— Да неужели!.. Значит, ты свалился сюда, чтоб мне приказывать?

— Я здесь для того, чтобы обсудить, как быстрее дойти до места, — ответил де Берни ледяным, бесстрастным голосом.

Высыпав на палубу, матросы смотрели на де Берни во все глаза — с любопытством и даже восхищением, однако их больше привлекал не его роскошный наряд или стать, а сама его личность, овеянная легендами о подвигах, что он совершил в те времена, когда плавал с Морганом и слыл грозой Карибского моря.

После его слов у Лича всю злобу как рукой сняло. Если он и жаждал что-либо услышать, так это то, о чем намеревался переговорить с ним де Берни. Как только ему станет известно все, что нужно, рассудил Лич, уж он-то заставит француза говорить по-другому.

По пути на нижнюю палубу он сделал знак двум буканьерам следовать за ними. Когда они спустились в просторную, но заваленную всяким хламом, грязную кают-компанию, де Берни познакомился со старпомом и старшим штурманом «Черного Лебедя» — оба коренастые парни. Эллис, старпом, был горячий и рыжий как огонь — яркими были и шевелюра, и даже борода. Под глазами у него, бесцветными и жесткими, как будто лишенными бровей, были красные круги. Бандри, старший штурман, с землистым лицом, сплошь усеянным оспинками, был мрачнее ночи. Одет он был опрятно, держался гордо и с достоинством.

Все трое уселись за стол. Старик негр, в одних только холщовых штанах, с клеймом на руке, принес ром, лимоны и сахар, после чего, под брюзжание вечно недовольного Лича, спешно удалился.

— Теперь, Чарли, — обратился капитан к гостю, — можешь говорить.

Де Берни наклонился вперед, оперся руками на огромный грязный стол дубового дерева и

посмотрел Личу прямо в глаза.

Начал он довольно неожиданно:

— Я наблюдал за твоим ходом. И мои давешние предположения подтвердились: помнишь, я говорил, что слишком долго скитался по морям?

— Верно, — заметил Бандри. — Но чтоб это увидеть, вовсе необязательно быть моряком.

— Будешь говорить, когда тебя спросят, — гаркнул на него Лич, разозлившись, что его человек с ходу согласился с де Берни. — Ну, и дальше?

Француз немного помолчал, потом продолжил. Одобрительное замечание Бандри, взбесившее Лича, пришлось как нельзя кстати — де Берни это было только на руку. Он быстро смекнул, что, встав на его сторону, Бандри облегчит его задачу.

— Я уже говорил, твое днище сплошь заросло, так что, доведись мне стать капитаном «Кентавра» чуть раньше, ты бы никогда не взял меня на abordаж, дружище! К тому же с твоим проворством я б уже давно отправил тебя на дно... Так, что ни одна твоя пушка не успела бы выстрелить.

На миг оторопев, Лич вдруг разразился хохотом. Эллис тоже осклабился. Однако изъеденное оспой лицо Бандри, как успел заметить де Берни, по-прежнему оставалось бесстрастным.

— Ты всегда был задавакой, каких еще поискать, но такого я никак не ждал, даже от тебя! Да, тебе море не в диковину. Ведь ты же у нас Чарли Великолепный. Но, может, все-таки поделишься с нами, как ты собирался проделать эдакое чудо?

— А вот твоему штурману не до смеха, — поддел его де Берни.

— Ну и что?

Лич недовольно посмотрел на спесивого Бандри.

— Он, видно, думает, как и я! — продолжал француз. — Уж у него-то голова варит. Ему известно, что днище «Кентавра» хорошо просмолено и он оторвался бы от вас как пить дать.

— Оторваться и пустить меня ко дну — не одно и то же. Так чего ты там вякал насчет «отправить меня на дно»?

— Раз от корабля можно оторваться, значит, с тем же успехом его можно пустить ко дну, если, конечно, действовать решительно и с умом. В морском сражении главное — быстрота маневра. Вовремя изменить галс, мгновенно дать залп и снова поменять галс — так, чтобы все мачты слились в одну, чтобы противнику было неподручно вести огонь, — вот и все правила морского боя. И «Кентавру» эти маневры были бы под силу, если б им командовал я. Я бы кружил вокруг вас, как акула вокруг кита, и продырявил бы вас еще до того, как вы успели бы переложить штурвал.

Лич злобно передернул плечами.

— Может, так, а может, нет. Какая разница и какое отношение это имеет к делу?

— Да, — буркнул Эллис. — Послушаем, что ты споешь нам сейчас...

— А ну, повежливей, или я за себя не ручаюсь, — резко оборвал его де Берни.

Лич ударил кулаком по столу.

— Какого дьявола! — проорал он. — Мы что, собрались здесь, чтоб перегрызть друг другу глотки или толковать о деле? Еще раз тебя спрашиваю, Чарли, какое отношение это имеет к нашему делу?

— Я начал с этого только потому, что хотел вам доказать: случись бой — вам крышка. Не считаться с силой кораблей и команды противника — чистое безумие. Нам предстоит иметь дело с мощными, хорошо вооруженными фрегатами. Если не ударим в грязь лицом — наших двух кораблей хватит вполне. Но, прежде чем ввязываться в бой, нужно привести их в порядок. В этой игре слишком высокие ставки, и, не имея на руках козырей, нечего ее затевать.

— Ты же сказал, их будет не больше двух с половиной сотен?

— Да, и семьдесят отменных пушек против шестидесяти наших. И днища у них выскоблены до блеска, не то что наши...

Лич несколько поостыл, но все еще продолжал хорохориться.

— К чему ты клонишь, черт возьми! Зачем искать лишние хлопоты?

— Я их не ищу. Они есть, и надо сделать все, чтоб их не было.

— Не было?

— Да, не было. Прежде чем вступать в бой, приведи-ка в порядок днище «Черного Лебеда».

— Привести в порядок? — стушевался Лич и, нахмурясь, переспросил: — Зачем?

— Только так, в противном случае тебе как.

Бандри согласно кивнул и собрался было что-то сказать, но Лич мигом заткнул ему рот.

— Тысяча чертей! Ты что, вздумал меня учить — меня, капитана?

— Если откажешься делать то, что я говорю, значит, до капитана тебе еще далеко.

— Заткнись! На «Черном Лебеде», даже на таком, как сейчас, я хоть завтра готов встретиться с твоими испанцами, пусть их будет трое. Если ты не дурак, должен понимать, у нас на счету каждый день.

— Времени у нас с избытком! Еще целый месяц впереди. Его как раз хватит, чтобы очистить и просмолить твое днище.

Переубедить Лича оказалось делом не из легких: чувствуя свою неправоту, он, как последний глупец, заупрямился еще пуще.

— Мне наплевать, есть у нас время или нет. И нечего стращать меня испанскими фрегатами. Эка невидаль! Давай-ка лучше толковать о деле. Так куда мы все-таки держим курс?

Де Берни долго смотрел на него через весь стол. Потом осушил залпом свою кружку, отодвинул стул и встал.

— Раз ты упорствуешь, я умываю руки. И заруби себе на носу: вступать в бой с караваном на такой посудине, как твоя, — чистейшее безумие. А мне моя голова пока дорога. Теперь можешь катиться на все четыре стороны.

Не веря своим ушам, трое пиратов ошалело вытаращили на него глаза.

— Ты это на что намекаешь? — вскричал наконец Эллис.

— Если капитану Личу угодно потопить оба своих корабля, я участвовать в этом не желаю. Продолжайте себе спокойно потрошить посудины вроде «Кентавра» с лесом, кожей, кокосами да пряностями. Имею честь кланяться.

— Сидеть! — проорал Лич.

От злости он аж подскочил. Де Берни продолжал стоять.

— Итак, что вы решили?

— Да нет, сейчас решать придется тебе. Не забывай, кто мы. Ты у меня на борту, и мне, клянусь преисподней, смутьяны здесь ни к чему. Твое дело ясное. Так что дал слово — держи.

— Я буду делать то, что считаю нужным. Условия ставлю я, — невозмутимо ответил де Берни.

— Нет, что я считаю нужным, слышишь, я! Я здесь капитан!

— Ах так! А если я откажусь?

— Я вздерну тебя на рее или того хуже.

— Неужели! — бросил де Берни свысока, как будто обращаясь к занятой, причудливой зверушке. — Да будет тебе известно, капитан, команде небезразлична моя участь, особенно после того, как твои люди пронюхали, что я веду их напрямик к испанскому золоту. Они захотят узнать, за что ты решил меня вздернуть, Том. И что ты им скажешь? Что я не хотел, чтобы ты вел их на верную гибель? Или что я старался сделать все, чтобы обеспечить нам победу? Так что же ты им ответишь?

Наблюдая за злобным лицом пирата, де Берни заметил, как оно изменилось и побледнело. Он обвел взглядом остальных. На лице Эллиса он прочел ту же растерянность, что и у капитана. Лицо Бандри выражало тревогу; он-то и взял слово:

— В конце концов, капитан, Берни верно толкует.

— Мне плевать... — начал Лич с еще большим упрямством, нежели обычно, но тут вмешался Эллис:

— Зачем так круто, капитан? Будь я проклят — зачем! Он прав, клянусь чертями и их преисподней! Стоит ли ссориться, если дело у нас у всех одно? Чарли хочет нам помочь, и мы должны отплатить ему добром. Пускай он не храбрее тебя — ото не так уж важно!

— Осторожность — не помеха, — в свою очередь, вставил Бандри. — Я много чего повидал и могу сказать, все, что он говорит о корабле, да и остальное — правильно. Если б время

поджимало — спору нет, выбирать бы не пришлось. Но, раз у нас его навалом, почему бы нам, черт возьми, в самом деле не провести его с пользой.

Оставшись в одиночестве, Лич понял, что все козыри перешли к де Берни. Сияясь скрыть свою ярость под маской елейности, он дружески произнес:

— Да, черт побери, ты прав! К чему нам ссориться? Я умею признавать ошибки. Но ты тоже хорош, Чарли! Ишь, оцетинился, как еж! Ладно, черт с тобой, садись, наливай себе кружку и давай потолкуем как старые, добрые товарищи.

В знак примирения он подвинул к нему бурдюк с ромом и сел.

Де Берни спокойно и чуть заметно поклонился, занял свое место и плеснул себе рому; в душе он ликовал, но его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

— Значит, вы согласны отремонтировать корабль?

— Клянусь честью! Раз уж Бандри с тобой заодно... Сказать по совести, я другого мнения, но... Договорились, и покончим с этим.

— В таком случае, — сказал де Берни, — сначала держим курс на Альбукерке [41]. Там есть необитаемый островок, я давненько приглядел его: просторная бухта, туда войдет дюжина кораблей, длинный отлогий берег — в общем, то, что нужно. В Карибском море лучшего места не сыскать. Будете как у себя дома. Там вас никто не заметит, кроме того... — он остановился и поднял вверх указательный палец, — он лежит в двух переходах от того места, где я собираюсь напасть на караван испанцев.

41

Альбукерке — небольшой архипелаг в южной части Карибского моря, примерно в 200 километрах от побережья Никарагуа.

Глава IX

КОРОТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Кентавр» был захвачен в первый вторник июня. После разговора, состоявшегося между де Берни и Томом Личем на другое утро, оба корабля взяли курс на запад-юго-запад. В четверг, на закате, сигнальщик-наблюдатель заметил землю: из-за пелены тумана возникли едва различимые очертания мыса Ла-Вела. А в воскресенье, на рассвете, моряки увидели низменные берега островов Альбукерке, где нашим героям предстояло сделать временную остановку.

Плавание, длившееся несколько дней, прошло спокойно, без происшествий. Победа, одержанная де Берни над капитаном Личем, значительно упрочила его авторитет в глазах команды «Кентавра». Буканьеры, народ по натуре расхлябанный, беспрекословно подчиняются своему капитану лишь в бою, остальное же время они держат его запанибрата.

Но де Берни удалось взять этих головорезов в кулак и подчинить своей воле. Держался он

всегда спокойно, хладнокровно и властно — как заправский офицер королевского флота, а не какой-нибудь предводитель флибустьеров. Время от времени, однако, он выпускал вожжи и позволял себе быть с ними на дружеской ноге. Шутил, мог пропустить за компанию чарку-другую, даже играл в кости — короче говоря, он знал ту золотую середину, благодаря которой сумел снискать себе любовь и уважение всей команды.

Уоган никак не ожидал подобного поворота. Однажды он поделился своими недоумениями с Холлиуэлом, на что тот только и ответил:

— Кривляка, как всякий французишка!..

Что до майора Сэндза, то на француза он по-прежнему смотрел свысока. А видется им случалось не так уж редко. Де Берни предупредил мисс Присциллу, что старпом со штурманом больше не будут обременять их своим присутствием во время трапез.

— Мне бы также очень хотелось избавить вас и от моего общества, — серьезно прибавил он. — Однако в силу того, что в отношении вас я взял на себя определенные обязательства, мне все же придется иногда докучать вам своей компанией.

— А вы не слишком-то любезны, сударь, если полагаете, будто ваше общество мне претит.

— Конечно, вы вправе так говорить, мисс. В конце концов, чем я лучше этих пиратов?

Девушка взглянула на него ясными голубыми глазами: в ее взгляде читался немой укор.

— Откровенно говоря, сударь, мне бы очень не хотелось так думать.

— Зато майор Сэндз — кстати, вот и он — скажет, что это именно так.

Майор кашлянул, но не проронил ни слова. Он был несколько удивлен, что вместо него ответила мисс Присцилла:

— Майор Сэндз, как и я, испытывает к вам огромную благодарность, ведь вы были так добры к нам. Он прекрасно понимает, что было бы с нами, не вступись вы за нас вовремя. Прошу вас, поверьте мне, сударь.

Де Берни улыбнулся и склонил голову:

— Я вам верю. В самом деле, глядя на майора Сэндза, вряд ли можно усомниться в искренности его чувств.

Восприняв ироническое замечание француза как оскорбление, майор побагровел. Но де Берни, не обращая на него внимания, продолжал:

— Я пришел также сказать, что теперь вам больше нет надобности томиться в каюте. Можете спокойно выходить на палубу и дышать воздухом, когда вам заблагорассудится. Вам никто не помешает; но если кто-то все же дерзнет нарушить ваш покой, я поступлю с ним так, чтоб другим было неповадно. Для вас на корме уже приготовлен навес.

Мисс Присцилла поблагодарила его, и засим он удалился.

— Интересно, — проговорил майор, — чего добивается от меня этот пес своими насмешками?

— Наверное, ему хочется, чтоб вы были с ним немного учтивей, — заметила девушка.

— Учтивей? И я еще должен быть с ним учтивым?

Сделав над собой усилие, он подавил гнев и серьезным тоном произнес:

— Не кажется ли вам, Присцилла, что, даже несмотря на наше ужасное положение, нам следует держаться достойно? С какой стати я должен миндальничать с этим типом после всего, что он сделал?

— Разумеется. Особенно после того, как он спас вам жизнь. Ведь, по-вашему, это ерунда? Разве за это он достоин благодарности?

Майор развел руками:

— Это лишь одна сторона медали.

— А вам этого недостаточно? Неужели это благородство не заслуживает уважения?

Задетый за живое, майор чуть было снова не разозлился, однако, посчитав, что будет лучше проявить терпимость, он с грустью проговорил:

— Как жаль, дорогая Присцилла, что вы так дурно судите обо мне.

И, вздохнув, прибавил:

— Вы находите, что во мне нет благородства? Что ж, вы правы. И все же как вы далеки от истины! Вы не способны пенять мои чувства. Вы, верно, полагаете, что я думаю только о себе, о своей безопасности? И поэтому, судя по вашим же словам, веду себя неучтиво? Но, дорогая Присцилла, это совершенно не так, и дело здесь не во мне. В противном случае я бы любезничал с ним как с самым дорогим человеком на свете. Да, я зол и неучтив, но причина тому — вы. Ваш подавленный вид ввергает меня в глубокую печаль, Присцилла, и, глядя на вас, я просто теряю рассудок. Провалиться мне на этом месте, если я лгу!

От искренних слов майора сердце девушки смягчилось. Добрая по натуре, она тотчас почувствовала угрызения совести.

— Мне очень жаль, Барт, но порой я бываю такая несдержанная. Простите меня, пожалуйста, дорогой Барт.

И Присцилла протянула майору руку. Мягко улыбнувшись в ответ, майор взял ее и горячо пожал. Покаянный тон девушки наполнил его душу радостью. Ему тут же вспомнилось стихотворение, которое он однажды слышал во время одного театрального представления. Автором пьески был самый заурядный стихоплет, диалоги, сочетавшие в себе ничтожную толику здравого смысла и обилие всякого вздора, звучали, как показалось майору, вычурно и претенциозно. Обрадовавшись странному и счастливому стечению обстоятельств, помогшему его памяти воскресить эти строки, и совершенно не задумываясь, что скудная суть его мыслей недостойна возвышенной формы стиха, он повторил его про себя:

В делах людских случаются приливы и отливы,

Но, коли хочешь ты счастливым быть,

Не упусти короткого мгновения прилива.

Теперь майор чувствовал приближение прилива. И ему было нужно успеть поймать его короткий миг.

— Моя дорогая! Всякий мужчина, если б он любил вас так, как я, испытывал бы те же чувства.

Девушка смотрела на него чистыми умоляющими глазами:

— Дорогой Барт! Теперь я понимаю... Мне бы следовало понять это раньше.

Майор, не выпускавший все это время руку девушки, нежно погладил ее. Потом он мягко привлек мисс Присциллу к себе — девушка не сопротивлялась.

— Неужели вы думаете, я способен держать себя в руках, когда женщине, которую я люблю, угрожает опасность?

Майор говорил приглушенным, но исполненным страсти голосом. Вдруг мисс Присцилла почувствовала, как в жилах у нее застыла кровь, дыхание ее участилось, лицо побледнело, а в глазах — еще мгновение назад таких нежных — мелькнула тревога.

— Вы что говорите, Барт?

Пытаясь высвободить свою правую руку, она легонько оттолкнула его левой.

— Неужели вы намереваетесь... — на какой-то миг она осеклась, — ухаживать за мной?

Потрясенный ее словами, майор воздел руки к небу:

— Дорогая Присцилла! — в недоумении взмолился он.

— О! Как же вы осмелились? В такой-то момент?..

Майор, видимо, понял свою ошибку и приумолк... Да, момент и правда неподходящий! Выходит, он не рассчитал... Прилив еще не достиг высшей точки... Он спугнул его. Ему ничего не оставалось, как отступить и ждать более благоприятной минуты, чтобы вновь пойти в наступление.

— В такой момент! — повторил он за ней, словно эхо. — Но клянусь жизнью! — спохватился он. — Именно этот тягостный момент разбудил во мне нежность, страстное желание доказать, что рядом с вами есть человек, готовый, как я вам уже говорил, отдать за вас свою жизнь. Однако, кроме моей личной привязанности к вам, существует еще и долг перед вашим отцом, перед его памятью! И уж в этом-то смысле у вас не должно быть оснований гневаться на меня.

От его слов на сердце у девушки не стало спокойнее — сейчас ее заботило уже совсем другое. Взор ее затуманился. В смущении она подошла к иллюминатору, через который в каюту струились потоки солнечного света.

Майор с тревогой следил за ней, его восхищали гибкий стан, изящные и плавные движения девушки. Он ждал. Вскоре, овладев собой, она заговорила:

— Простите меня, Барт. Я просто глупенькая, но не надо считать меня неблагодарной. Ведь я стольким вам обязана. Я бы, наверное, уже давно умерла, если б вас не было рядом в эти ужасные часы...

— Не стоит так корить себя, дорогая Присцилла, — спешно вставил майор и, как последний глупец, прибавил, чуть было все не испортив: — Я так счастлив, что вы наконец изменили свое мнение об этом мошеннике-французе!

Желая избежать новой ссоры, мисс Присцилла, робко улыбнувшись, предложила:

— Не пойти ли нам на палубу подышать свежим воздухом, Барт?

И они поднялись на палубу, где на них, похоже, никто не обратил внимание, за исключением Уогана и Холлиуэла.

Де Берни находился на корме, теперь уже в своей капитанской каюте; стояла жара, и дверь в нее была распахнута. Заметив приближающихся пассажиров, он встал и любезно вступил с ними в разговор.

На вопрос мисс Присциллы о его дальнейших намерениях он ответил, что предстоит длительная остановка — тут уж, к сожалению, от него ничего не зависит! — около месяца.

Майор слушал их с нескрываемым недовольством, но в разговор не вмешивался. Узнав, что им предстоит потерять целый месяц на островах Альбукерке, он возмутился. Но вида, однако, не показал. Когда же мисс Присцилла с легким волнением в голосе спросила: «Господин де Берни, а как вы стали буканьером?» — его негодование перешло все границы.

Столь неожиданный вопрос застал де Берни врасплох. Взглянув на девушку, он едва заметно улыбнулся, потом в его глазах появилась задумчивость:

— Но ведь вы уже знаете почти всю мою историю, — ответил он. — Разве я не говорил, что мессир Симон, которого испанцы убили в Санта-Каталине, был моим дядей? Вместе с ним я отправился в Новый Свет искать свободу, так как в Старом я ее не имел. Мы, род де Берни, — гугеноты из графства Тулузского. В те времена во Франции гугеноты могли рассчитывать разве только на веротерпимость. Но после отмены Нантского эдикта [42] ни о какой терпимости к нашей вере не могло быть и речи. Когда я был еще ребенком, гугенот был лишен права сделать карьеру, достойную дворянина... Нас было семеро сыновей, я — младший. Вот и пришлось отправиться с дядей в Новый Свет. После его смерти я остался совсем один, без средств к существованию, без друзей, кроме тех нескольких человек, что спаслись вместе со мной. Тогда мы решили присоединиться к Моргану. Другого выбора не было. К тому же после кровавой бойни в Санта-Каталине во мне зародилась лютая ненависть к испанцам, и я с великой радостью пошел служить врагам Испании. С Морганом я быстро пошел в гору. Бывает так, что человека возвышает уже само его рождение. Мне же помог случай. Я доказал Моргану свою преданность. Кроме того, я — француз, и это тоже возвысило меня в его глазах, потому как под его началом всегда служило много моих соотечественников. Он сделал меня адъютантом, и я стал командовать французским легионом. Он обучил меня искусству морского боя, а его школа, смею вас уверить, лучшая в мире. Когда Англия перестала нуждаться в помощи буканьеров и Моргану предложили пост губернатора Ямайки, я снова пошел за ним и опять поступил на службу к королю Англии.

— Значит, — задумчиво, как бы рассуждая про себя, проговорила девушка, — ваша служба не была противозаконной и ремесло буканьера вы оставили сразу же, как только пиратство было объявлено вне закона [43].

Для майора Сэндза это было уже слишком.

— Да, вчера это было так, а сегодня, к сожалению, все изменилось, — заметил он ледяным

голосом.

Де Берни, хотевший было оставить их, рассмеялся:

— Но почему же «к сожалению», майор? Для вас, по крайней мере, эти перемены сложились как нельзя лучше.

Майор не нашелся что ответить. Свои возражения он приберет на потом — когда де Берни не будет рядом.

— Однако доверие, которое когда-то возлагал на него Морган, не помешало ему предать своего командира и снова взяться за старое, — сказал он.

42

Нантский эдикт — завершающий религиозные войны во Франции юридический акт, подписанный в апреле 1598 г. французским королем Генрихом IV. Согласно эдикту, католицизм остался господствующим вероисповеданием во Франции, но протестанты («гугеноты») получили право на свободу богослужения (кроме ряда крупных городов, включая Париж), право занимать судебно-административные и военные руководящие должности, для них были учреждены особые палаты при парламентах Парижа, Тулузы, Бордо и Гренобля, в которых разбирались судебные дела гугенотов.

43

Пиратство никогда не пользовалось покровительством закона. В данном случае речь идет о переходе, начиная с 1689 г., «неорганизованных» пиратов под защиту национального флага. Таким образом, им предоставлялся на период военных действий статус каперов, основной задачей которых оставался грабеж торговых кораблей, но... принадлежащих неприятельскому государству. Для военных кораблей под флагами союзных государств каперское судно не считалось уже преступным, его экипаж пользовался всеми правами моряков военного флота.

Но мисс Присцилла, погруженная в свои мысли, не расслышала его слов и оставила их без внимания, так как ответа от нее не последовало. А майор, вовремя вспомнив, что всякий разговор о де Берни был неизбежно чреват размолвкой, на нем и не настаивал.

Когда наступила ночь и взошла луна, де Берни пел свои песни, но слушали его только пираты, потому что майор с девушкой в это время были на корме. Его мягкий волнующий баритон разливался по всему кораблю.

— Клянусь честью, это просто неслыханно! — с отвращением проговорил майор. — Как он только может общаться с этими головорезами!

Однако смысл слов, произнесенных ему в ответ мисс Присциллой, так и остался для него загадкой:

— Ах! Все равно он поет лучше всех на свете!

НА РЕМОНТ

В воскресенье корабли вошли в узкий пролив, разделяющий острова Альбукерке, и бросили якорь в широкой бухте в форме лагуны, в восточной части Мальдиты, самого северного из островов. По настоянию де Берни именно Мальдита была выбрана для ремонта «Черного Лебедя».

Как и говорил француз, эта укромная бухта была надежно скрыта со всех сторон, и Личу пришлось признать, что лучшего места для стоянки было не сыскать. С юга в лагуну, имевшую форму груши, вел узкий проход, пролежавший между рифами, а с противоположной стороны над нею высилась остроконечная скала, сплошь поросшая кустарником, которая защищала ее от северных ветров. На скале, представлявшей собой удобное место для размещения пушек в случае, если бы возникла необходимость защищать вход в бухту, вили гнезда морские птицы. Однако Лич, ничего не смысливший в постройке оборонительных сооружений и тактике боя на суше, не обратил никакого внимания на очевидные преимущества этого места, а де Берни и не подумал их ему раскрывать. Дно лагуны у берега, протянувшегося полумесяцем от мыса до рифов, было почти пологим и неглубоким, так что якорь пришлось бросить в четырех-пяти кабельтовых от берега. Рядом со скалой в лагуну впадал довольно широкий для такого крохотного островка ручей. Сразу же за сверкающим серебром песчаным берегом, усеянным черепаками, которые, встревожившись от грохота якорных цепей, неуклюже направились к воде, зеленой стеной возвышались заросли пальм и стручкового перца. Горячий воздух благоухал всевозможными пряными ароматами. Островок, имевший всего лишь милю в ширину и не больше двух миль в длину, был сплошь покрыт самой разнообразной растительностью.

Не успели корабли бросить якоря рядом друг с другом, как Лич решил тотчас же приступить к делу. Шлюпки живо спустили на воду, и моряки отправились на берег рубить лес для постройки крепких плотов, с тем чтобы освободить «Черный Лебедь» от лишнего груза. Эта работа заняла в общей сложности три дня, так что к вечеру третьего дня на корабле не осталось ничего, кроме мачт.

Как ни странно, но у пиратов дело спорилось. За работу они взялись с азартом школяров. Глядя, с каким упорством они, по горло в воде, влачили за собой тяжело груженные плоты и при этом еще беспечно хохотали и перешучивались, подобно обыкновенным мирным поденщикам, вряд ли можно было догадаться, что все они жестокие, кровожадные злодеи, мечтающие только о грабежах да разбое, которые наплевали и на свою жизнь, и на честь.

Когда наконец «Черный Лебедь» можно было сажать на грунт, дождавшись отлива, вся его команда, двести пятьдесят человек, принялись строить на берегу лагерь. Они валили деревья, рубили колья, ставили палатки — вдали от лагуны и поближе к пресноводному ручью. Для капитана и офицеров они невероятно быстро построили просторную хижину и покрыли ее сверху пальмовыми листьями. Внутри развесили гамаки, расставили столы и стулья — все, что захватили с корабля. Покуда большая часть из них, подобно муравьям, усердно ставили лагерь, другие разводили костры и жарили черепашьё мясо, благо в округе его было вдоволь.

На третий день утром — это было в среду, — когда начался прилив, на «Черном Лебедь» стравили якорные цепи, якоря погрузили в шлюпки и принялись отбуксировывать корабль к берегу.

Сменяя друг друга, полуобнаженные люди, обливаясь потом под испепеляющими лучами

солнца, что было сил налегали на лебедку. Под звуки монотонной песни они медленно крутили скрипевшую на все лады лебедку и привязывали канаты к росшим на берегу деревьям. Поначалу работа шла легко, так как песчаное дно лагуны поднималось к берегу под едва заметным уклоном. Потом, когда вода спала, пришлось остановиться и немного передохнуть; вслед за тем с нечеловеческими усилиями пираты вновь разом налегли на лебедку — и тяжелая работа была закончена.

День уже близился к вечеру, когда огромный корабль наконец прочно лег бортом на грунт, подставив солнцу свое днище, сплошь заросшее водорослями и ракушками.

Только тогда буканьеры позволили себе расслабиться и повеселиться. Два дня подряд они били баклуши, ожидая, пока палящее солнце подсушит днище и можно будет приступить к его очистке и ремонту.

Тем временем де Берни наслаждался покоем на борту «Кентавра», оставшегося стоять на якоре в бирюзовых водах лагуны. Вместе с ним все сладости земного бытия беспечно вкушали и его «домочадцы» — откуда им было знать, что Холлиуэл с Уоганом, как дальше увидит читатель, задумали подговорить Лича нарушить их идиллию.

Команда «Кентавра» состояла из сотни человек. Все они ежедневно отправлялись на берег и помогали остальным пиратам, а вечером возвращались на «Кентавр» к своим подвесным койкам. И когда на остров опускались чудесные, прохладные сумерки, несшие покой и умиротворение после жаркого, изнурительного рабочего дня, к ним присоединялся де Берни; подобно развеселому трубадуру, он забавлял их потешными историями и песнями, и это только усиливало раздражение майора Сэндза и злобу Холлиуэла и Уогана.

На другой день после того, как «Черный Лебедь» был посажен на грунт, майор Сэндз, искавший, как обычно, повод оправдать перед мисс Присциллой свою неприязнь к французу, решил поговорить с ним.

Пробило восемь утра, трое наших героев находились в кают-компании; был с ними и Пьер, он угощался свежим черепашным мясом и ямсом — все это матросы накануне доставили для де Берни с берега. Кроме шести буканьеров, оставшихся нести вахту по приказу Лича, остальная команда сошла на берег, и на «Кентавре» воцарились тишина и покой. Начинался прилив, в иллюминаторы де Берни и его спутникам был виден обрамленный пальмами пустынный берег — все пираты отправились обедать в тени палаток.

Де Берни безропотно выслушал все, что наговорил ему майор, выразивший свое удивление по поводу того, как можно радоваться общению с гнусными мерзавцами, которых Лич отрядил на «Кентавр».

— Радоваться? — вместо ответа переспросил его де Берни.

Его лицо помрачнело больше, чем всегда.

— Кто из нас волен делать то, что ему по душе? Счастлив тот, кто способен извлекать настоящую радость из всего, что делает! Со мной, майор, такое случается нечасто, но, если вам подобное удастся, что ж, могу вас с этим только поздравить.

— Что вы имеете в виду, сударь?

— Сказать по правде, большую часть всех наших дел мы делаем по необходимости: чтобы

утешить страдания, избежать неприятностей, спасти свою жизнь или заработать кусок хлеба. Разве не так?

— Да, черт возьми! Может, вы и правы. Но в данном-то случае какая у вас необходимость лебезить перед этим сбродом?

— Вам разве непонятно? А вот мисс Присцилла, уверен, меня понимает...

Девушка спокойно встретила взгляд его темных глаз.

— Думаю — да. Вы пытаетесь сделать их своими союзниками.

— Не только моими, но и вашими.

— Должен вам сказать, этот Лич порядочная скотина, хитер как дьявол, упрям и жесток. Да, я заключил с ним союз — думал сыграть на его жадности, однако может статься и так, что из-за его мерзкого характера, тупости или обыкновенной привередливости все мои планы рухнут. Поэтому не судите меня строго, ведь у меня должен быть крепкий щит на случай, если придется защищаться. И щитом этим, смею надеяться, будут верность и преданность моих людей.

Майор не смог скрыть гримасу недовольства.

— Преданность! Великий Боже! Слишком дорого вы собираетесь за нее заплатить...

— Может, и так. Но вы упускаете одно обстоятельство: если меня прикончат, майор, то следом за мной та же участь ожидает вас и мисс Присциллу.

Майор смертельно побледнел, а француз, взглянув на него, усмехнулся.

— А посему будьте любезны выбирать выражения, говоря о средствах, к коим я прибегаю, стараясь оградить вас от напастей, потому как подонки из шайки Лича способны на любую гадость.

В это же самое время в хижине Лича Уоган и Холлиуэл, сидя за столом со своим главарем, взбалмошным Эллисом и бесстрастным Бандри, также обсуждали отношения, сложившиеся между французом и его командой.

Сначала Лич не проявил по этому поводу никакой тревоги.

— Ну и что? — проворчал он. — Пускай себе тешится, пока не выведет нас на испанцев. А там уж настанет и его черед, и будьте спокойны, тогда ему будет не до веселья.

Для Эллиса и Бандри этот жуткий намек был откровением — о том, как их капитан собирался поквитаться со своим союзником, они слышали впервые. Глаза Эллиса полыхнули странным диким огнем. Веки Бандри медленно то поднимались, то опускались, как у птицы под обжигающими лучами солнца, его лицо, как всегда, хранило застывшее выражение.

Толстяк Холлиуэл склонился к столу. И неторопливо заговорил:

— Ты уверен, капитан, что он ни о чем не догадывается?

— Ну а если и так, что с того? Ведь он же тут, рядом. Считаю — в наших руках. Думаешь, ему удастся улизнуть?

Маленькие глазки Холлиуэла сузились, превратившись в две черные точки на одутловатом лице.

— Ты, видать, считаешь, он свалился к тебе в лапы, как доверчивый птенчик, так, что ли? — насмешливо спросил он.

— У него не было выхода! — презрительно ответил Лич.

— Как же, держи карман шире, — возразил Холлиуэл. — Ведь, по его словам, он наострился на Гваделупу за кораблем и людьми, а после — к нам. Но тут объявились мы — как раз то, что нужно. А он вдруг насторожился... Если б он свалился к нам с посудинкой и людьми, вел бы себя как кум королю, не то, что сейчас. Нет, точно говорю, он обо всем догадывается!

— Ну и что из этого? Что, черт возьми, он сможет сделать?

Уоган не удержался и тоже вступил в разговор, целью которого было открыть глаза капитану.

— То-то и оно, разве не видишь, он что-то затевает?

Лич подскочил как ужаленный. Но Уоган как ни в чем не бывало принялся подробно растолковывать ему что да как.

— Он на корабле, и тот на плаву, к тому же с ним сотня добрых молодцов, а мы торчим здесь, на берегу... Это все равно, что связать себя по рукам и ногам. С чего он такой ласковый с командой? Зачем травит байки про свои подвиги да мурлыкает испанские песенки под луной, как блудливый котяра? Или ты считаешь, он свой в доску? А его команда? Вот возьмет он как-нибудь ночью да перережет нам с Холлиуэлом глотки, а сам даст тягу, с кораблем и со своими орлами, потом они накроют испанцев и тихо-мирно поделят сокровища между собой. А ты, Том, останешься с носом, корабль твой лежит килем кверху, так что попробуй-ка угонись за ним. Ты даже не знаешь, куда идти — то ли на север, то ли на юг!

— Проклятье! — проорал Лич и вскочил на ноги. Казалось, что земля под ним вот-вот разверзнется.

Какой же он дубина, если не мог догадаться раньше, какая опасность ему угрожает!

Терзаемый возникшими вдруг подозрениями, он рванулся к выходу, но тут ожил Бандри, до сих пор молчавший как труп:

— Ты куда собрался, капитан?

Его ледяной сиплый голос, похоже, охладил безудержный пыл Лича. Из них только одному Бандри оказалось под силу успокоить капитана. Этот бесстрастный, расчетливый штурман имел над ним какую-то непонятную власть.

— Пойду растолкую Чарли, с кем он имеет дело.

Бандри тоже поднялся:

— А ты не подумал, что он нужен нам, — как ты собираешься без него выйти на испанцев?

— Я, черт возьми, не имею привычки забывать о главном.

Удовлетворенный его ответом, Бандри проводил его взглядом. В ту же секунду послышался

крик капитана, велевшего готовить шлюпку, — он собрался на «Кентавр». Но перед тем как в нее сесть, он кликнул Уогана и отдал ему короткие распоряжения.

Завтрак в кают-компании «Кентавра» уже близился к концу, когда в дверях как гром среди ясного неба возник капитан Лич.

Мисс Присцилле он показался уже не таким страшным, как в первый раз. Тогда он ворвался к ним подобно урагану, босиком, в распахнутой на груди окровавленной рубашке с закатанными рукавами, с глазами, как у стервятника, пылавшими дьявольским огнем. Сейчас же, по крайней мере, на нем было приличное платье. Поверх чистой сорочки — камзол, на ногах — темные чулки и сапоги. Застыв на пороге, он какое-то мгновение смотрел на присутствующих.

Его взгляд упал на юную мисс Присциллу, потом метнулся в сторону и вновь впился в ее девичью фигуру. От этого пристального, наглого взгляда, в котором было что-то жуткое, девушке стало не по себе.

У де Берни на какой-то миг перехватило дыхание, но этого никто не заметил. Мгновенно овладев собой, он встал. В душе он почувствовал недоброе, однако — а может, как раз поэтому — тотчас же принял самый добродушный вид.

— О, капитан! Какая честь! Чем обязан столь неожиданным визитом?

Взяв свободный стул, он с улыбкой подал его Личу.

Капитан Лич сделал шаг вперед.

— Я не собираюсь здесь расслаиваться. Постараюсь быть кратким.

Кивнув майору Сэндзу, который осторожности ради встал следом за де Берни, он отвесил глубокий поклон мисс Присцилле. Девушка ответила ему легким кивком, не сумев сдержать дрожи от взгляда, каким буканьер сопроводил свое приветствие.

Де Берни смотрел на него, устало прищурив глаза. Обращаясь к нему, капитан произнес:

— Я приказал для команды «Кентавра» разбить лагерь на берегу. Твои люди будут находиться там до тех пор, пока «Черный Лебедь» не будет готов к спуску на воду...

От его цепких глазок не ускользнуло волнение, на миг коснувшееся лица де Берни.

— Ты понял? — сказал он сухо.

— Приказ — да, а основания — нет. Команда чувствует себя здесь великолепно. Мы прекрасно ладим.

— Это тебе так кажется, Чарли, но не мне, — усмехнулся Лич. — Я желаю, Чарли, чтоб все мои люди были у меня под рукой.

— Ну да, разумеется, — произнес де Берни.

Его напускное безразличие смутило Лича, но и встревожило. Он вспомнил, как кто-то рассказывал ему, что адъютант Моргана напускал на себя равнодушие лишь в том случае, если его что-то настораживало. На мгновение воцарилась тишина. Буканьер еще раз искоса взглянул на прекрасную Присциллу. И, обращаясь к ней с заискивающей учтивостью, сказал:

— Надеюсь, сударыня, мой последний приказ не расстроит и не смутит вас. Я вынужден пойти на это из самых добрых побуждений...

Медленно, словно сожалея о том, что не может больше любоваться ею, он перевел взгляд на де Берни.

— Я распорядился построить для вас хижину на берегу.

Его последние слова в конце концов вывели де Берни из терпения.

— Разве в этом есть необходимость? Нам здесь очень неплохо...

И, давая капитану понять, что его намерения для него не секрет, де Берни презрительно прибавил:

— Думаю, мы вряд ли сможем покинуть вас, ведь одним нам с кораблем не справиться.

Лич почесал подбородок и ухмыльнулся.

— Вас трое: ты, он и твой служка. А я не раз видал, как трое человек управлялись с кораблем — с таким, как этот.

Де Берни удивленно поднял брови.

— Черт возьми, Лич!.. Ты никак шутишь?

— Может, и шучу... — ответил Лич. — В конце концов, ты сам свалился мне на голову, или забыл? А что, если тебе вдруг взбредет улизнуть — ведь тогда мне за тобой не угнаться. Стало быть, нынче же вечером отправляйся на берег — так-то оно спокойней.

И, снова обращаясь к мисс Присцилле, он прибавил:

— Надеюсь, вы простите меня. Я лично прослежу, чтоб у вас ни в чем не было недостатка. Можете взять с собой все, что пожелаете.

Когда он наконец удалился, майор и мисс Присцилла впервые увидели, как де Берни, который всегда им казался твердым как гранит, потерял спокойствие. Низко опустив голову, так, что его подбородок утонул в пышных кружевах воротника, с бледным, перекошенным от гнева лицом, он настолько сильно сжал кулаки, что они аж побелели. Затем, процедив сквозь зубы какое-то ругательство, он резко развернулся и быстрым шагом, через всю кают-компанию, направился к иллюминаторам. Подойдя к ним, он остановился, устремил свой взор через подернутые зыбью воды лагуны на берег и принялся разглядывать, что там происходит. А на берегу царил шумная суeta. Потом он поднял голову, пожал плечами и вдруг расхохотался — как будто нашел выход, который так долго искал.

— Ей-Богу. я совершенно ничего не понимаю, — наконец подал голос майор.

Де Берни метнул в него гневный, презрительный взгляд.

— Чему же тут удивляться: Этот пес испугался, что, оставаясь на борту, команда перейдет на мою сторону. Он-то живо все смекнул в отличие от вас. Будь вы поумнее, думаю, мне бы не пришлось выслушивать от вас незаслуженные упреки...

От неожиданности майор даже забыл оскорбиться.

— Боже правый! — воскликнул он. — Неужто вы и вправду думали привлечь этих подонков на свою сторону?

Потеряв последнее терпение, де Берни возразил ему его же доводами:

— Это не моя мысль, сударь, а Тома Лича. Да уж, гнуснее мысли и быть не может. Да-да, сударь, не может.

Глава XI

НА БЕРЕГУ

Де Берни отправился на берег почти следом за Личем. Когда буканьер, удивленный его поспешностью, спросил, отчего это он вдруг так заторопился, тот ответил:

— Поскольку из-за твоих дурацких подозрений миссис де Берни вынуждена покинуть «Кентавр», я хочу проследить, чтоб ей отвели на берегу хотя бы приличное место. У нее слабое здоровье.

— Тогда какого дьявола ты таскаешься с ней по морям?

— Дурья ты башка! Я же говорил тебе, что хотел оставить ее на Гваделупе, под присмотром братца. Р1ли ты думаешь, я смог бы бросить ее на Ямайке, не имея никакого желания туда вернуться?

Признав справедливость его доводов, Лич расплылся в широкой улыбке и предоставил де Берни полную свободу действий.

Француз направился к матросам и отдал им распоряжения. На южной оконечности берега, в тени пальм, там, где начинались рифы, нужно было поставить деревянную хижину. Рядом следовало натянуть две палатки: одну для брата миссис, а другую для Пьера, слуги. Таким образом, жилище миссис должно было находиться на почтительном удалении от лагеря буканьеров, расположенного на другом конце берега, что обеспечивало ей полную безопасность.

На заходе солнца все было готово. На опушке леса вырубili несколько деревьев, и на образовавшейся прогалине де Берни велел построить хижину. Хижина была надежно скрыта от посторонних глаз с трех сторон — открытым оставался только вход. Маленькие парусиновые палатки поставили по краям прогалины.

Потом с корабля доставили всякий скарб: стол, четыре стула, кушетку, кусок просмоленной парусины на пол и два коврика, чтобы постелить сверху, светильник, который повесили на одно из бревен, поддерживавших крышу из пальмовых листьев, и, наконец, кучу всевозможных безделушек, чтобы единственная в хижине комната выглядела по-домашнему уютной.

Мисс Присцилла, несмотря на все опасения, была приятно удивлена, войдя вечером в свое новое жилище; она горячо поблагодарила де Берни за проявленную заботу. Девушке не могло и в голову прийти, что на острове ее ожидает уютный уголок.

Однако де Берни оказался не единственным, кто проявлял заботу в отношении мисс Присциллы. Не успела она ступить на порог своего нового дома, как к ней тут же пожаловал

Том Лич, дабы лично удостовериться, что она устроилась как нельзя лучше. С самым любезным видом он принялся источать извинения по поводу ее вынужденного переезда и поклялся всеми святыми сделать все, чтобы избавить ее от возможных неудобств. Он велел принести сюда множество всяких безделиц, доставленных с «Черного Лебедя», и попросил ее не стесняться обращаться к нему за всем, что ей может понадобится. Засим, коротко обменявшись любезностями с де Берни и майором, он, лучась доброжелательством, отбыл восвояси.

Де Берни следил за происходящим с ледяным спокойствием. Бросив взгляд на майора, который несколько мгновений назад смотрел на Тома Лича как на смрадное пугало, он промолвил:

— *Timeo Danaos et dona ferentes* [44] .

— Вы же знаете, я не понимаю по-французски, — раздраженно ответил майор.

Он очень смутился, увидев, как рассмеялась мисс Присцилла. Он недоумевал, тем более потому, что в их отчаянном положении было совершенно не до смеха. Давешнее поведение де Берни, единственного, на кого возлагались все надежды — пусть даже самые незначительные, — свергло его в крайнее уныние: француз так ни о чем и не договорился с прохвостом Личем. А согласие между ними, бывшими сотоварищами, по мнению майора, было единственным путем к спасению.

Однако впереди нашего дорогого героя ждали куда большие разочарования.

Вечером, после ужина, который Пьер подал в хижину, беседуя с де Берни у своей палатки, он вдруг спросил француза, где тот собирается провести ночь.

— Само собой разумеется, сударь, — ответил де Берни после короткого колебания, — мне придется разделить кров с моей супругой.

Задыхаясь от ярости, майор приготовился ответить ему в весьма резкой форме, но де Берни тут же продолжил:

— Неужели вы думаете, мисс будет в полной безопасности, если пираты догадаются, что она мне не жена? Надеюсь, у вас есть глаза. Если да, то вы должны были заметить, как таращился на нее Том Лич, когда объявился здесь якобы для того, чтобы выразить ей свое почтение.

Майор расстегнул воротник. Ему казалось, что он вот-вот задохнется.

— Проклятье!.. — не сдержавшись, выругался он. — Значит, она еще должна выбирать — между Томом Личем и вами?

Де Берни громко вздохнул. Даже в темноте можно было заметить, как он побледнел.

— Стало быть, это все, что осталось от вашего благоразумия... — вымолвил он наконец. — Каким же надо быть глупцом, чтобы делать столь безрассудные выводы?

Усмехнувшись, он прибавил:

— Если б я был тем, за кого вы меня принимаете, дорогой Бартоломью, вас бы уже давно отправили на дно лагуны крабов кормить. Но пока вы целы и невредимы, так что пусть ваша жизнь будет вам гарантией моей преданности. Доброй ночи!

Де Берни было повернулся, чтобы уйти, но майор удержал его за руку.

— Прошу извинить меня, сударь. Да, в самом деле! Клянусь честью! Мне бы следовало понять это раньше и без ваших объяснений. Я был несправедлив к вам и — черт возьми! — честно в этом признаюсь!

— Полноте! — сказал де Берни и удалился.

Де Берни посчитал, что дверь в хижине мисс Присциллы не нужна. Вместо нее Пьер завесил вход тяжелым ковром, скрывавшим все, что происходило внутри. Когда де Берни подошел к хижине, сквозь стены, сделанные из стволов деревьев в виде частокла, наружу пробивался свет. Он отдал своей камзол Пьеру и взял у него плащ и подушку.

Опустившись на колено перед входом в хижину, он принялся копать в мягком песке углубление.

— Кто там? — послышался изнутри голос мисс Присциллы.

— Это я, — ответил де Берни. — Не тревожьтесь. Я буду рядом. Спите спокойно.

Вырыв в песке неглубокое ложе, де Берни, завернувшись в плащ, поудобнее устроился в нем и приготовился уснуть.

Вдали, на другом конце берега, медленно догорали костры буканьеров. Уже не было слышно шума их голосов — в лагере воцарилась глубокая тишина. Взошла луна, теперь она была почти полная, и в ее сиянии тронутая легкой зыбью гладь лагуны напоминала яркую серебряную скатерть. Безмолвие ночи нарушалось лишь ленивым шепотом прилива — тихим шелестом волн, с шуршанием набегавших на прибрежный песок.

44

Цитата (лат.) из эпической поэмы великого древнеримского поэта Вергилия «Энеида». В полном виде цитата звучит: «Кто бы он ни был, боюсь данайцев, и дары приносящих» (в тексте Р. Сабатини приведено только окончание фразы).

Однако не все спали в эту ночь. Краешек тяжелой портьеры, скрывавшей вход в хижину, медленно и неслышно приподнялся, и лунный свет вырвал из тьмы бледное лицо мисс Присциллы.

Девушка бросила осторожный взгляд в ночь, и ее глаза тотчас же упали на темный силуэт де Берни: глубокое, размеренное дыхание француза говорило о том, что он спит. Несколько секунд она внимательно разглядывала спящего, чье тело было своеобразным барьером, ограждавшим ее покой. Затем портьера бесшумно опустилась, и мисс Присцилла вернулась к своей постели, устроенной в глубине хижины, — теперь она могла спать спокойно.

Ей было невдомек, что совсем неподалеку находился еще один страж ее покоя. Метрах в двенадцати майор Сэндз, пренебрегший приготовленным для него гамаком, улегся прямо на песке, у скрытого тенью входа в палатку, головой наружу, он следил за телохранителем дамы своею сердца, которую выбрал себе в жены.

На другой день наш славный герой ощутил все последствия своего ночного бдения. Утром глаза его слипались, он был угрюм и раздражителен. После обеда ему удалось соснуть, так как он уже был не в состоянии бороться с сонливостью, кроме того, он понимал — для следующей бессонной ночи ему понадобятся силы.

После второго ночного бдения он весь день ходил словно в воду опущенный, голова его раскалывалась от страшной мигрени, усугублявшейся еще и нещадной жарой, и майор понял, что дальше так продолжаться не может.

Черт с ним, в конце концов, с этим французом, и с тем, что у него действительно было на уме, ведь теперь его порядочность в отношении мисс Присциллы не вызвала у майора никаких сомнений. К тому же, здраво рассудил майор, он будет всегда рядом, в каком-нибудь десятке метров от хижины, да и сон его не такой уж глубокий, чтобы, в случае чего, не услышать крика о помощи.

Для буканьеров настали нелегкие дни. Лич не давал им ни минуты покоя — то и дело подгонял с ремонтом. Однако из-за невыносимой жары, несмотря на все его усилия, сопровождавшиеся отборной бранью, и большое число людей, работа не двигалась, так как работали далеко не все, и пока удалось очистить лишь незначительную поверхность днища. Пираты трудились только по утрам. Но после обеда Лич не мог заставить их работать никакими угрозами: они спали, развалившись под пальмами, и никто из них не думал и пальцем пошевелинуть на такой жаре.

Присутствие де Берни вселяло в них бодрость. Он общался с ними так же свободно, как и на «Кентавре». Во время послеобеденного отдыха он разгуливал по лагерю, смеялся, шутил и кормил пиратов рассказами о своих былых приключениях; зачастую он переводил разговор на испанское золото, и в эти минуты их глаза загорались алчным огнем.

Француз разжигал кровожадные аппетиты пиратов еще и тем, что рисовал им сладкую, полную удовольствий жизнь, которая ожидает их после того, как несметные сокровища испанцев перекочат к ним в руки. И они упивались его словами, заранее предвкушая дикие радости, ждавшие их впереди. Конечно, это будет настоящее пекло, им придется изрядно попотеть и пролить немало крови, но уж потом золото, словно животворный бальзам, излечит их раны. И зачем сейчас лезть из кожи вон? Ведь время пока не поджигает. Караван снимается не раньше, чем через три-четыре недели, а до места, где им предстоит схлестнуться с испанцами, отсюда рукой подать.

Так утешал их де Берни, не забывая при этом чуть ли не ежесекундно напоминать, что только он, и никто другой, знает дорогу в Эльдorado [45] и может их туда привести.

Когда Том Лич узнал, что его люди отказываются работать днем, на жаре, по наущению де Берни, он учинил французам страшный скандал. Но тот, и глазом не моргнув, напомнил ему свою любимую поговорку: тише едешь — дальше будешь, и заверил, что времени у них больше чем достаточно.

— Больше чем достаточно — для чего, ослиная башка? — проорал Том Лич, побелев от ярости.

— До того, как снимется караван.

— К дьяволу твой караван! На нем свет клином не сошелся.

— Понимаю. Ты боишься, что тебя накроют здесь тепленьким? Не волнуйся, дружище... Не

думаю, чтоб кому-то взбрело в голову искать тебя в здешних водах.

— Как знать. А если кто-нибудь да нагрянет? Что тогда? Как я уйду отсюда, если мое корыто лежит кверху килем? Значит, говоришь, времени больше чем достаточно? Черта с два! Я желаю поскорее дать отсюда тягу, понял! И предупреждаю тебя, не вздумай больше морочить голову моим парням своими дурацкими байками!

Де Берни заверил его, притом от всей души, что впредь ничего такого больше не повторится — потому как свое дело он уже сделал.

Если не считать этой выходки Лича, первые десять дней прошли спокойно. На десятый день очистка и ремонт корпуса корабля были закончены. И плотники принялись конопатить днище. Это была нелегкая работа, тем более что большая часть пиратов болталась без дела, ожидая, когда будут готовы смола и специальный жирный раствор для смазки киля.

Для мисс Присциллы и майора время тянулось очень медленно... Но девушка сумела найти себе подходящее занятие. Она помогала Пьеру стряпать, ходила вместе с ним к рифам ловить рыбу или в лес — за бананами. Однажды они прошли через весь остров по тропке, на которую наткнулся метис; устланная мелким ракушечником, она, словно хребет, тянулась через мангровые заросли точно посередине острова и обрывалась в западной оконечности Мальдиты.

Случалось, что мисс Присцилла прогуливалась и в одиночестве. Как-то раз, идя вдоль берега, она наткнулась на скалистую стену высотой не меньше девяти футов. Она смело взобралась на ее вершину, увенчанную пальмами, биксами и пурпурными гибискусами [46], и с высоты ей открылся вид на небольшую бухточку, окруженную со всех сторон скалами. Мисс Присцилла была здесь совершенно одна, как видно, сюда еще не ступала нога ни одного человека... Живительная прохлада воды манила ее — не сумев побороть искушение, она спустилась вниз по склону, сбросила с себя платье, уложила его в надежное место под скалу и погрузилась в прозрачную, как хрусталь, воду.

Купание освежило ее, придало бодрости, и она осталась очень довольна своим открытием. Выйдя из воды, она прилегла в уютной тени под скалой, чтобы обсохнуть на теплом воздухе. Потом оделась и отправилась назад, в лагерь.

45

Эльдорадо (исп. El Dorado) — легендарная страна, изобилующая золотом и драгоценностями, будто бы расположенная в бассейнах Ориноко и Амазонки. Ее безуспешно искали многие европейцы в XVI-XVII веках.

46

Биксы — тропические растения семейства биковых. Гибискус — род растений семейства мальвовых, содержит около 250 видов деревьев, кустарников и однолетних трав, распространенных главным образом в тропиках.

Майор, провожавший и встречавший ее внимательными взглядами, слышал, как она о чем-то перешептывалась с Пьером или де Берни, и не переставал удивляться ее радости, ибо в их положении было совершенно не до веселья. Иногда он спрашивал себя, а не является ли эта веселая беспечность следствием апатии, неспособности здраво оценить степень окружавшей их опасности. Душевное состояние мисс Присциллы вызывало у майора самую серьезную тревогу. Еще бы! Разве он не видел, как она самым беззастенчивым образом шутила с Томом Личем, который последнее время к ним что-то зачастил?

Де Берни не всегда оказывался рядом, когда к ним являлся этот незванный гость, и тем не менее он обладал поразительной способностью возникать как из-под земли в самый разгар общения — к величайшему облегчению майора — и избавлял его от необходимости завершать беседу с этим ненавистным разбойником с ястребиным взором. Во время подобных посещений майор имел такой вид, будто только что муху проглотил. Когда же пират к нему обращался — а это иногда случалось, — он отвечал односложно и довольно резко.

Лич платил ему той же монетой. По его мнению, этот мерзкий толстяк имел право на жизнь лишь постольку, поскольку доводился братом очаровательной миссис де Берни. Хотя, впрочем, между братцем и сестрицей не было ни малейшего сходства! Однажды он ям это так прямо и заявил, испугав не на шутку, а потом весело прибавил, что за это юной миссис следует денно и ночно благодарить своего создателя!

Лич и не думал скрывать своего восхищения прекрасной миссис де Берни, даже в присутствии ее «супруга». Однако он не довольствовался одними лишь несуразными комплиментами — его знаки внимания носили вполне материальный характер: бутылки перуанского вина, банки мармелада из гуаявы, миндаль в сахаре и прочие лакомства из трюмов «Черного Лебедя».

Его ухаживания выводили майора из себя, не говоря уже о слишком фривольном поведении мисс Присциллы, которая их милостиво принимала: нашему герою было невдомек, что девушка вела себя так именно потому, что того требовало благоразумие.

Что же касается де Берни, то к действиям Лича он относился, в общем-то, спокойно, даже равнодушно; иногда, правда, ему приходилось напоминать о своих супружеских правах, и он вдруг возникал между девушкой и Личем как непреступная стена, если видел, что в своих ухаживаниях пират заходит слишком далеко.

При этом Лич смотрел на него, как пес, у которого пытаются отобрать лакомую кость, но под острым и вместе с тем как бы отсутствующим взглядом француза этот изверг прятал свои клыки под насмешливой и одновременно заискивающей улыбкой.

Глава XII

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Очень скоро чувство, каким Том Лич воспылал к мнимой миссис де Берни — давайте именно так, безобидно, назовем животную страсть этого дикаря, — заметили и люди из его ближайшего окружения. Они уже было собирались вдосталь посмеяться над своим предводителем, но Бандри вовремя растолковал им, чем это может для них закончиться.

И вот однажды, не на шутку встревожившись, они решили созвать совет штаба и после обеда собрались вчетвером, вместе с Личем, в своей хижине.

По общему желанию, говорить от их имени должен был Бандри. Решительный и хладнокровный, он был единственный, кто мог смело, не страшась ярости капитана, повести с ним разговор на столь деликатную тему. Его бледное как мел, выщербленное мелкой оспой лицо являло собой воплощение посмертной маски, способной нагнать страх на кого угодно; ничто в нем, кроме тонкой складки губ и ярко сверкающих глаз, не выдавало его мыслей. Маленький, коренастый, он был облачен в довольно опрятное платье — как в те далекие времена, когда он плывал капитаном на торговом судне.

Ледяным, металлическим голосом, взвешивая каждое слово, он изложил капитану претензии штаба по поводу его гнусного поведения.

Лич разъярился как черт: он орал, дико хохотал, угрожал выпустить кишки первому, кто посмеет перечить его желаниям.

Уоган, Холлиуэл и Эллис сидели тише воды, ниже травы и уже пожалели, что затронули эту тему.

Но Бандри продолжал буравить капитана своими неподвижными, змеиными глазками, из глубины которых исходила необыкновенная гипнотическая, как у кобры, сила.

— Давай, бесись, капитан. Не стесняйся. Может, скоро поостынешь... А уж после придется выслушать правду.

— Правду? К черту правду!

— Ты посылаешь правду к черту, но в конце концов она сама пошлет тебя туда, попомни мое слово, уж я-то знаю. Да-да, так и будет, капитан, если не убавишь паруса.

Эти слова Лич воспринял как угрозу. Хотя он весь так и кипел от злости, голос его, по крайней мере, уже звучал на полтона ниже. Он сел на место и бросил полный ненависти взгляд на злое, мертвенно-бледное лицо Бандри.

— Я тебе не какой-нибудь салага, знаю, что делаю, и мне не нравится, когда суют нос в мои дела. Понял?

— Если б дело было только в тебе, — невозмутимо сказал Бандри, — черт с тобой, Том, поступай, как знаешь. Но дело это касается и нас. Мы ходим по одной палубе и не желаем, чтоб из-за твоих дурацких выкрутасов наше корыто угодило на дно раньше, чем мы бросим якорь в порту, битком набитом испанским золотом.

— Выходит, без вашего позволения мне теперь и шагу нельзя ступить? Клянусь преисподней, у меня так и чешутся руки прикончить тебя на месте — тогда узнаешь, кто здесь капитан!

Злобным взглядом он обвел всех остальных.

— Вы, как я погляжу, с ним заодно? — насмешливо бросил он.

На сей раз Холлиуэл взял на себя смелость ответить ему. Тяжело подавшись грузным телом вперед, он оперся огромной ручищей на стол.

— Ты должен выслушать правду, капитан. Неужто ты думаешь, Чарли Великолепный впрямь слепой и не видит того, что видим мы все? Неужели ты считаешь, он не чует ловушку? Не гляди, что он прикидывается эдаким невинным франтом, этот малый опасен как дьявол, и ты

это знаешь не хуже нас, Том!

— Ну и что! Со мной он ласковый, как ягненок. И пускай только попробует что-нибудь выкинуть!

— Как же! Разуй-ка глаза, дружище капитан, — воскликнул Уоган. — Это ж настоящий волк в овечьей шкуре!

— Клянусь всеми чертями, скоты, зато глотка у него, у вашего Чарли, такая же, как и у всех. Или нет?

— Какая разница? — сиплым голосом, сухо произнес Бандри.

— А такая, что перерезать ее ничуть не труднее, чем любую другую. Пусть только попробует похорохориться, живо собьем с него спесь!

— А вот этого, — сказал Бандри, — делать как раз и не следует. Он принес нам тайну. Уйму сокровищ. Стоит ли жертвовать всем ради какой-то юбки, Том? Пораскинь-ка мозгами и оставь девку в покое.

— Что верно, то верно, — проговорил ретивый Эллис. — Пока сокровища не попадут к нам в трюмы, задрай-ка иллюминаторы и перестань артачиться.

— А уж после, — примирительно сказал Уоган, — можешь расставлять сети на свою рыбку, никто тебе и слова не скажет. Ну а пока мы просим, капитан, наберись немного терпения.

Уоган рассмеялся, а следом за ним загоготали Эллис и Холлиуэл. Своим хохотом они разрядили возросшую напряженность, и, глядя на них, Лич недобро усмехнулся.

Однако Бандри было не до смеха, он продолжал сверлить капитана своими холодными, змеиными, таящими угрозу глазками. В конце концов, немного поворчав, Лич сдался.

— Ах, если б не ваши заячьи душонки! — выдавил он. — Что ж, видать, и впрямь придется убирать паруса.

В тот день, следуя данному обещанию, капитан Лич не пошел с визитом к очаровательной Присцилле. На другой день он также не переступил ручья — своего рода границы лагеря буканьеров. Мисс Присцилла уже думала, что навсегда избавилась от его посещений, которые были для нее самым тяжким испытанием из всех, какие ей когда-либо случалось пережить, и этой радостью ей захотелось поделиться со своими друзьями.

Она призналась в этом однажды после ужина, когда они все вместе сидели на крохотной полянке и разговаривали. После ее признания наступила короткая тишина. Слова девушки, очевидно, расстроили майора. Немного поразмыслив, он обратился к де Берни.

— Ответьте, пожалуйста, сударь, — заговорил он, — я очень давно хочу вас об этом спросить, — что вы собираетесь с нами сделать после вашего разбойного налета на испанский караван?

Мисс Присцилла, услышав столь дерзкое обращение майора, недовольно нахмурилась. Что же касается де Берни, вопрос майора, похоже, окончательно вывел его из терпения. Он долго собирался с мыслями, после чего, странно улыбаясь, спросил:

— Майор, скажите наконец, кто вы такой? Верный и смелый товарищ или законченный болван?

— Что это значит? — вспыхнул Сэндз. — Извольте объясниться...

— Я хочу сказать, что так до сих пор и не понял, вы храбрый только на словах или просто глупец?

На несколько секунд майор лишился дара речи.

— Сударь, — проговорил он наконец, — я ни от кого не потерплю подобных оскорблений.

— Неужели? А оскорблять других, значит, вы имеете право? Опасное занятие! Тем более в этих-то местах...

Он встал и медленно встряхнулся.

— Я уже не раз говорил вам, дорогой Бартоломью: ваша жизнь — лучшая гарантия моей добропорядочности. И постарайтесь впредь не злоупотреблять ею.

— Злоупотреблять?

Вскипев от бешенства, майор вскочил на ноги и отдернул свою руку от руки мисс Присциллы, которая попыталась было его удержать.

— Сударь, я задал вам конкретный вопрос и думаю, мы с мисс Присциллой вправе получить такой же ответ.

— Вы задали его дерзким, провокационным тоном, — невозмутимо ответил де Берни.

— Я привык называть людей и вещи своими именами. Своими именами, черт возьми!

Взглянув на него, де Берни произнес:

— Хорошо-хорошо! Скажите спасибо, что я не ответил вам тем же.

С этими словами он попрощался с мисс Присциллой, надел шляпу с пером и направился к лагерю буканьеров.

Пока майор собирался с мыслями, де Берни отошел уже метров на двадцать. Он еще успел бы его догнать, но мисс Присцилла твердым голосом попросила его остаться. И он безвольно повиновался.

— Честное слово! — через какое-то мгновение воскликнул он. — Это просто невыносимо! Я больше не собираюсь терпеть его дерзости!

— Вы сами виноваты, — холодно заметила мисс Присцилла. — Почему бы вам не быть с ним полюбезней? Или вы считаете, что своим отношением к нам он этого не заслуживает?

Насмешливый тон девушки разозлил майора.

— И вы еще защищаете этого наглеца! Это уж слишком! Но от кого? От меня?! Скажите же на милость, мисс, кто он вам, этот растреклятый разбойник, хвостун?

Но мисс Присцилла по-прежнему держалась холодно. Казалось, она решила следовать примеру де Берни.

— Дело вовсе не в этом. А в том, что ожидает вас, оскорби вы его всерьез. Сколько раз он давал вам понять очевидное: да будь он тот, за кого вы его принимаете, он бы уже давно избавился от вас как от надоевшей обузы...

— Черт меня возьми! — вскричал майор, но тут же осекся, осознав, что не стоит в присутствии дамы употреблять выражения, недостойные истинного джентльмена.

Поведение девушки привело его в отчаяние. Вопрос, что он задал де Берни, касался ее больше, чем других. То был вопрос жизни или смерти, а этой несмышленной девочке приспичило рассуждать про какую-то благопристойность! В самом деле, какое жеманство!

Откровенно говоря, майор был не прав, думая так о мисс Присцилле. Она прекрасно понимала важность вопроса, который задал ее опекун, — единственно, ей не понравился тон, каким он его задал. Но и странный ответ француза поразил ее в не меньшей степени... Была ли его раздражительность простой реакцией на грубость майора? Или тому есть другие, более глубокие причины? И тревога, о которой она уже почти забыла, вновь закралась в ее душу.

Ночью де Берни, спавший по обыкновению у входа в хижину мисс Присциллы, ощутил плечом чье-то мягкое прикосновение. Несмотря на его легкость, он тут же встрепенулся — в доказательство того, что даже во сне он продолжал бодрствовать. От резкого движения плащ на нем распахнулся, и под ним, в лунном свете, сверкнул обнаженный клинок: де Берни не расставался со шпагой, даже когда спал. Увидев перед собой мисс Присциллу — она стояла, поднеся палец к губам, — он принялся озираться по сторонам, пытаясь понять, что могло нарушить ее покой. Но кругом было тихо. Безмолвие ночи нарушали лишь тихий шорох прибора и мирное посапывание майора.

— Что-нибудь случилось? — шепотом спросил он, собравшись вскочить на ноги.

Ее едва слышное «тише!» успокоило его — прежнего напряжения как не бывало.

— Господин де Берни, мне нужно с вами поговорить.

— К вашим услугам, — произнес он.

Француз сел на песок спиной к хижине. Девушка присела рядом. Прошло несколько мгновений перед тем, как она заговорила.

— Сегодня Барт задал вам один вопрос... Но вы ничего не ответили... Конечно, он был не прав, позволив себе выражения, которые, вполне естественно, вас больно задели.

— О, нисколько! — так же тихо и мягко ответил француз. — Если человек глуп, он причиняет боль прежде всего самому себе, а не другим.

Тут девушка принялась извиняться за поведение майора: сама жизнь-де сделала его таким грубым, а также страх за ее участь...

— Не стоит продолжать, мисс, — сказал он после недолгого молчания. — Какие пустяки! По правде сказать, он нисколько меня не оскорбил... «Терпение — царица добродетели» — таков девиз нашего рода. И я следую ему всю жизнь. Я необидчив по натуре, уверяю вас.

— Вам нет надобности верить меня, — промолвила она. — Я это уже заметила.

Эта беседа показалась девушке несколько странной. И немудрено! Что заставило ее быть

откровенной с этим человеком, отъявленным пиратом, объявленным вне закона? Еще давеча он строил планы, как напасть на испанский караван, а нынче самым серьезным тоном рассуждает о таких понятиях, как фамильная гордость!

Однако мисс Присцилла быстро прогнала беспокоившие ее сомнения.

— Но вы так и не ответили на вопрос Барта, — снова заговорила она. — Если вы не забыли, он спросил, что вы и эти люди намерены делать после того, как все закончится? Уж мне-то вы можете сказать?

После долгого раздумья де Берни наконец произнес:

— Я жду, как повернутся события.

— И тем не менее должен же быть у вас какой-то план, какие-то мысли? — настаивала девушка и после короткой паузы, поскольку француз так ничего и не ответил, мягко прибавила: — До сих пор я верила вам всей душой. Только благодаря этому доверию я спокойно сносила все, что с нами стряслось.

— А теперь вы мне не верите?

— О, не говорите так! Если б я перестала верить вам, я бы этого не вынесла. Но вы должны понять меня и без слов.

— Вы проявили редкое мужество, — сказал де Берни голосом, исполненным восхищения и уважения. — Вы даже не представляете, какую помощь вы оказали мне своей стойкостью. Будьте мужественны и впредь. Помогая мне, смею сказать, вы помогаете и себе.

— Но почему вы не хотите объяснить мне свои намерения? Если б я их знала, это придало мне мужества еще больше.

— Я уже сказал, что жду, как повернутся события... Но знайте — я говорю это от всего сердца, — вам нечего опасаться. Уверен, пока меня не убьют, вашей жизни и чести ничто не угрожает.

— Пока не убьют!

Услышав, как участилось дыхание девушки и задрожал ее голос, он поспешил ее успокоить:

— Мне не следовало вам этого говорить, чтобы лишний раз не тревожить. Нет, меня не убьют, — проговорил он твердо. — Уж будьте уверены.

— Чтобы лишний раз не тревожить!.. — повторила она, и из груди у нее вырвался сдавленный крик: — Отчего вы мне не доверяете!

— Не доверяю — вам? — возразил он.

Де Берни не понял смысла ее слов, а мисс Присцилла не стала ничего растолковывать. Вслед за тем она задала вопрос, касавшийся уже непосредственно его участи:

— А вы верите этим людям? Они сдержат свое слово после того, как захватят караван?

Француз мягко улыбнулся:

— Нет, конечно, не сдержат... Когда-то буканьеры жили по законам чести. Теперь же... Лич — чудовище! Понятие чести для него — ничто, как, впрочем, жалости или добродетели. Ничто! Они и не собирались сдержать его.

У мисс Присциллы, охваченной тревогой, перехватило дыхание.

— Что же будет? Если так, на что же вы надеетесь?

— Повернуть дело в свою пользу. Надежда есть, притом немалая. Такая возможность непременно представится. Она всегда существует. Однажды судьба уже сыграла со мной злую шутку — что ж, теперь она должна быть ко мне более благосклонной! Что же касается вас, то вам не следует ее опасаться — она не сделает вам ничего плохого.

— И это все, что вы можете мне сказать?

— Пока — все. Но еще раз прошу вас, верьте мне, со мной вам ничто не угрожает.

На какой-то миг девушка умолкла, потом, вздохнув, промолвила:

— Что ж, прекрасно. Доброй ночи, господин де Берни.

Когда она ушла, француз еще долго лежал не смыкая глаз, погруженный в свои мысли. Он никак не мог уразуметь, что означал ее возглас — «Отчего вы мне не доверяете?».

Что она хотела этим сказать? Неужели судьба де Берни волновала ее не меньше, чем своя собственная? А может, она имела в виду нечто другое? И почему она спросила именно об этом?

Глава XIII

СЛЕЗЫ ЖАЛОСТИ

На другое утро майор Сэндз сидел в палатке грозный, как Ахилл [47], как вдруг над входом в нее, загородив солнечный свет, нависла тень — это была темная фигура де Берни.

— Не кажется ли вам, майор, что вы здесь совсем заплыли жиром, — заявил незванный гость. — Вам не мешало бы немного похудеть, тогда б и нервишки у вас перестали шалить. Берите-ка вашу шпагу и ступайте за мной.

Вспомнив их давешнюю размолвку, майор подумал, что француз собрался поквитаться с ним в поединке. Вскипев от злости, красный, как вареный омар, он поднялся.

— Право, сударь! Вы что, ищете со мной ссоры? А вы не подумали, что будет, если я вас убью?

— Я никогда не думаю о невозможном, сударь.

— Черт вас возьми, сударь! Я больше не намерен терпеть ваши оскорбления.

Он схватил шпагу и повесил ее на пояс:

— К вашим услугам. Тем хуже для вас.

Де Берни вздохнул:

— Неужели вы не догадываетесь, зачем я вас позвал? Я предлагаю вам поупражняться, только и всего, так что смерть здесь ни при чем.

— Как бы то ни было, я к вашим услугам, черт бы вас побрал!

Они ушли так, чтобы их никто не заметил, в том числе и мисс Присцилла; для этого де Берни направился вдоль берега, по кромке мангровых зарослей.

Шли они молча. Вдруг, услышав сзади шорох, майор резко обернулся.

— Ничего страшного, это Пьер, — сказал де Берни. — Он проследит, чтобы нам никто не помешал.

Ошеломленный, ничего не соображая, майор двинулся дальше; он думал только об одном — о поединке, который якобы хотел затеять его спутник. С трудом переводя дух, обливаясь потом, он вскарабкался по крутому склону скалы и обнаружил, что они очутились в небольшой бухточке, надежно укрытой от посторонних глаз.

Француз снял португепю и обнажил шпагу. Майор безмолвно последовал его примеру. Затем француз извлек из кармана деревянный набалдашник, похожий на маленькую грушу, и на глазах изумленного майора нацепил его на острие своей шпаги.

— Что, черт возьми, все это значит? — спросил Сэндз.

Де Берни, протянув ему точно такую же грушу, ответил:

— Неужто вы в самом деле подумали, будто я привел вас сюда ради того, чтоб совершить кровопролитие? Ну да Бог с вами, что бы вы ни думали, а того требуют обстоятельства. Я уже говорил, пришло время вам немного поразмяться и похудеть...

Майор, продолжавший обливаться потом, посчитал себя оскорбленным и разозлился не на шутку:

— Какого дьявола, сударь! Вы еще вздумали насмеяться надо мной?

— Ради Бога, сударь, успокойтесь. День, когда нам придется проливать кровь, уже не за горами, и если мы не подготовимся к нему как следует — нам конец. По крайней мере, мне.

И он снова протянул майору набалдашник для шпаги.

Не зная, что думать, майор неохотно взял его.

— Понимаю, — проговорил он, явно переоценивая свои умственные способности. — Значит, вы привели меня сюда, чтобы поупражняться на шпагах? Но почему вы не предупредили меня заранее?

Де Берни снял камзол и парик. Майор не без удовольствия сделал то же самое: мысль о дуэли привела его в дикий восторг. Он считал себя непревзойденным фехтовальщиком. Когда-то, в пору юности, он слыл первой шпагой в своем полку. И сейчас он покажет этому французिशке, почем фунт лиха и что он, майор Сэндз, не тот, с кем можно шутки шутить.

Оставшись в рубахах, мужчины встали в исходную позицию.

Желая ошеломить противника, англичанин молниеносно ринулся в атаку. Однако, несмотря на целую серию выпадов, ему так и не удалось добраться до противника. Тот только оборонялся, и вся инициатива была в руках у майора, но продолжалось это до тех пор, покуда француз вдруг не крикнул:

— Живее, майор! Живее! Глубже выпад! Не дайте мне перейти в атаку!

Словно следуя его советам, майор с еще большим ожесточением устремился вперед, однако противник отражал все его удары легко, без всяких усилий.

Вконец выдохшись, майор остановился. С его коротко остриженной головы градом лился пот; он утерся рукавом рубахи и посмотрел на француза: стройный и гибкий, тот, похоже, устал не больше, чем в начале схватки. Из чего же был сделан этот человек, которого ничто не брало?

Взглянув на раскрасневшегося, запыхавшегося майора, де Берни с улыбкой произнес:

— Вот видите, я же говорил, вам необходимо поупражняться. Ваше положение гораздо хуже моего.

В ответ майор что-то проворчал, и только. Однако он должен был признаться, что даже в молодости ему никогда не приходилось иметь дела с таким мастером защиты. И от этой мысли на душе у него стало еще горше.

Немного передохнув, майор вновь бросился в атаку, но француз так лихо защищался и контратаковал, что Сэндз избежал укола, лишь отскочив назад.

Де Берни рассмеялся.

— Слишком много усилий, — сказал он. — Осторожней, сударь!

Выставив вперед шпагу, он отразил очередной выпад и нанес майору удар прямо в живот.

Затем они вновь заняли исходную позицию, и после быстрой серии обменных ударов де Берни, вконец измотав майора, поразил его точно в грудь.

— Довольно! — выпрямившись, scomандовал победитель. Теперь дыхание его заметно участилось. — На сегодня хватит. Что касается меня, то для начала не так уж плохо, правда, резкости мне все же не хватает. Завтра, с вашего позволения, продолжим — это необходимо как мне, так и вам. А вы, майор, довольно слабоваты: раз — и скили. Столкнись вы лицом к лицу с тем, кто половчее, я бы вам не позавидовал.

Майор и сам бы себе не позавидовал, и от нового приступа злости его затрясло как в лихорадке. Перед тем как одеться, он, решив немного поостыть, сел прямо на песок, а де Берни, скинув оставшееся платье, ринулся в прохладные воды бухты.

В лагерь они вернулись к полудню. Майор все еще дулся — главным образом потому, что думал, будто де Берни намеренно позвал его скрестить шпаги, чтобы показать, чем обернется для него их следующая ссора.

И от этой навязчивой мысли толстяк майор еще пуще невзлюбил француза: кроме того, что он презренный пират, разбойник и головорез, он еще и жалкий комедиант и хвостун.

Однако по прошествии трех дней, в течение которых они совершенствовались в мастерстве

владения шпагой, злость майора несколько поубавилась. Постепенно он изменил свое мнение о французе, убедившись, что, в конце концов, де Берни, возможно, прав и занятия фехтованием им обоим пойдут на пользу, тем паче, если, как он говорил, впереди их ждут опасности. К советам француза он стал относиться более спокойно и даже старался прислушиваться. Во всяком случае, от прежней лютой неприязни к де Берни у него не осталось и следа.

47

Ахилл — легендарный греческий герой, один из вождей греческой армии, осаждавшей малоазиатский город Трои (Илион).

Странная вещь, но дружеские отношения между де Берни и мисс Присциллой, крепшие с каждым днем, уже не раздражали или почти не раздражали майора. Бесцеремонность француза, пришедшаяся, как ни странно, по душе мисс Присцилле, конечно же, действовала нашему герою на нервы, поскольку, как ему казалось, подобным поведением де Берни мог задеть достоинство той, которую он, майор, уже видел своей супругой. Нет, он нисколько не ревновал, потому как был убежден, что мисс Присцилла никогда не переступит грань, лежащую между нею и этим флибустьером.

Откуда ему было знать — ведь он уже давно перестал бодрствовать по ночам, — что как раз в это время мисс Присцилла осторожно покидала свою хижину и часами напролет разговаривала со своим телохранителем.

Сидя рядом друг с другом, они обсуждали в основном события минувшего дня. Порой их беседы становились более задушевными. Так, однажды ночью мисс Присцилла попросила де Берни ответить честно, что он намерен делать дальше. Неужели он так и будет все время скитаться по морям, что ни день рискуя жизнью?

— О, нет! — заявил он. — С этим покончено. Я хочу на родину. Так уж случилось, что мне, как когда-то Генриху IV, пришлось однажды покинуть Францию [48], чтобы потом снова ступить на ее мягкую землю, увидеть ее склоны, поросшие виноградниками и оливковыми деревьями, и услышать плавный южный акцент моих земляков.

— Понимаю, — промолвила девушка. — Значит, желание вновь обрести родину оказалось сильнее ваших религиозных убеждений?

На какое-то время он задумался, потом вдруг рассмеялся:

— Действительно, я похож на человека, у которого отобрали одежду и предложили надеть новую. Какими же лицемерами бываем мы, когда речь заходит о вере! После всего, что мне довелось пережить, я начинаю рассуждать о религии, о том, что придется ей поступиться, словно это некая великая жертва!

Мисс Присцилла впервые слышала, как де Берни с горечью заговорил о своем прошлом. Прежде он рассказывал о нем даже с радостью, как будто пиратство для него было обычным, честным делом.

— Вы еще молоды и сможете начать жизнь сызнова, — проговорила она, как бы отвечая на свои собственные мысли, а не на слова де Берни.

— Но что я могу начать с тем багажом, который везу из Нового Света? Знайте, всякий человек строит свое будущее с помощью опыта, накопленного в прошлом.

— Да, но он может наверстать упущенное. В этом нет ничего страшного. Вы обзаведетесь семьей...

Тут француз прервал ее:

— Семейей? Я?

— А почему нет?

— Разве вы не успели заметить, что за долгое время, проведенное в этих диких краях, я потерял все, что было во мне святого, не говоря уже о чести?

— Но и в этом нет ничего страшного, — заметила девушка.

— Откуда вам знать?

— Я знаю это потому, что чувствую. Думаю, за последние недели я кое-что о вас узнала. Но какое это имеет отношение к моему вопросу?

— Послушайте, ну какая женщина согласится стать матерью моих детей?

— Не понимаю... Наверно, это вам решать?

— Ну уж нет. Моя участь уже решена. За меня это сделало мое прошлое! Всю жизнь я убивал, грабил, совершал ужаснейшие злодеяния. Конечно, я кое-что успел приобрести. Земли на Ямайке и на других островах, плантации и все такое прочее. Но даже если я женюсь, выдав себя за другого, моя супруга будет несчастнейшей из женщин, доведись ей узнать, откуда у меня все это богатство. И если такому презренному человеку, как я, и будет суждено однажды выбрать себе жену, то только под стать себе, потому как я никогда не позволю себе пасть столь низко, начав ухаживать за женщиной из чуждой мне среды. Это единственное из оставшихся у меня достоинств, последняя, тончайшая нить, связующая меня с таким понятием, как честь. Но если она оборвется, пусть я буду проклят. Нет-нет, славная моя девочка, если мне когда-то и доведется увидеть Старый Свет и если я еще сумею что-то создать, то только не семью.

Его голос, пронизанный глубокой печалью, звучал волнующе, совсем не так, как всегда — легко, твердо и уверенно. Какое-то время они оба молчали, и тут француз ощутил, как на его левую руку упало что-то блестящее и влажное.

Он вздрогнул и повернулся лицом к девушке: она сидела совсем близко, чуть склонясь вперед и отвернувшись в сторону.

— Присцилла! — дрожащим голосом сказал он, с волнением обнаружив, что глубоко тронул сердце девушки.

Смутившись, мисс Присцилла поспешно встала.

— Доброй ночи! — быстро проговорила она тихим голосом.

Тяжелая занавеска упала следом за нею. Де Берни остался один. Повернувшись ко входу в хижину, он едва слышно произнес:

— Благодарю тебя за слезу, пролитую на надгробье разбитого сердца.

И, поднеся левую руку к губам, он приник к ней в долгом поцелуе.

48

Видимо, автор имеет в виду эпизод из биографии французского короля Генриха IV, когда он, будучи еще только французским принцем и королем Наваррским, тайком покинул в 1576 г. французский королевский двор, где он фактически находился в плену после Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г), во время которой католики осуществили массовое избиение гугенотов в Париже и других крупных городах страны.

Глава XIV

НИМФА И САТИР

Утром, когда майор и де Берни пришли в хижину завтракать, мисс Присцилла пожаловалась французу на Пьера.

Вот уже третий день подряд его нет на месте, когда нужно готовить завтрак.

— Его нигде не сыскать. Является лишь к полудню... Чем он занимается? Где бродит?

— Наверно, ходит за ямсом [49], — ответил де Берни на всякий случай.

— Можно подумать, его так трудно найти. Вчера и позавчера я сама видела, как он возвратился из леса с пустыми руками.

— Может, его и правда трудно найти и ему приходится забираться далеко в заросли?

Девушке показалось странным, что де Берни мало волнует беспечность его слуги.

— А почему бы ему не заниматься своими поисками после завтрака?

— Но может, ему нравится собирать ямс в те часы, когда он окроплен утренней росой?

Девушка взглянула на него более пристально:

— Зачем вы смеетесь надо мной? — обиделась она.

— Теперь нам так редко случается посмеяться, что вы, надеюсь, простите мне эту ничтожную прихоть, — извинился он. — Однако я поговорю с Пьером...

Мисс Присцилле показалось, что де Берни отнесся к ее словам без особого участия. Но она не стала делать ему замечания и немного расстроилась.

Этим утром майор и француз, как обычно, отправились упражняться в фехтовании.

В это же самое время на другом конце берега маячил красный силуэт капитана Лича, мотавшегося взад и вперед по влажному, твердому прибрежному песку. Ему не терпелось

выйти в море — как говорится, береженого Бог бережет, — и он то и дело подгонял своих людей с ремонтом корабля. Смоление корпуса было закончено, осталось только покрыть его специальной жировой смазкой. И через три, максимум четыре дня «Черный Лебедь» можно будет ставить на воду.

Со своего места капитан заметил, как майор с французом вошли в чащу. Потом его взгляд привлекло зеленое платье мисс Присциллы — как раз в ту минуту, когда девушка выходила из хижины. Пират пожирал ее дивный стан горящими похотью глазами. Он увидел, как девушка решительно свернула направо — как будто точно знала, в каком направлении нужно идти. Она пошла по тропинке вдоль кромки мангровых зарослей и тоже скрылась в них.

Лича разобрало любопытство, куда это она так уверенно направилась. И вдруг ему захотелось проследить за нею. Он все еще злобствовал из-за того, что позволил своим помощникам уговорить себя не приближаться к мнимой миссис де Берни ни на шаг. С огромным нетерпением ждал он того дня, когда будет захвачен испанский караван, чтобы вслед за тем заполучить в свои руки эту красотку. Том Лич не имел привычки сдерживать свои необузданные страсти. Как человек донельзя распушенный, он не любил ждать и считал, что железо нужно ковать, пока оно горячо, — иными словами, синицу в руках он всегда предпочитал журавлю в небе.

И он быстро зашагал в ту сторону, где только что скрылась девушка; войдя в чащу, он двинулся по ее следам.

Шел он осторожно, не торопясь, но уверенно — как охотничий пес. Тропинка поднималась вверх по склону скалы. На ее вершине, увенчанной редкими пальмами, земля была сухая и твердая, и следы здесь различались нечетко. Лич в нерешительности остановился, потом снова двинулся вперед — и в изумлении замер на краю скалы. У него под ногами, подобно гигантскому изумруду, помещенному на дно громадного каменного кубка, сверкала водная гладь, настолько прозрачная, что было видно, как в ее глубине сновали рыбки. Кроме незначительного пространства, скрытого под навесом скалы, прямо под ним, Лич хорошо видел весь берег, а на песке — какие-то длинные полосы, начинавшиеся у подножия скалы. Но следов мисс Присциллы там не было.

Капитан решил, что девушка пошла другой дорогой, через лес. Вернувшись назад, он заметил на склоне скалы, среди кустарника, едва различимые следы. Проклиная себя за нерасторопность, он было собрался посмотреть, куда они ведут, как вдруг откуда-то снизу до него донесся громкий всплеск воды, совершенно непохожий на шум плещущейся рыбы. Лич замер как вкопанный.

Повернувшись в ту сторону, откуда послышался плеск, он заметил, как от маленьких волн, расходящихся кругами от того места, которое было скрыто от его взора под скалой, зеркальная гладь бухточки подернулась мелкой рябью. Мгновение спустя он увидел то, от чего у него перехватило дух; инстинктивно он рухнул на четвереньки и, чтобы не обнаружить себя, отполз за деревья. В крохотной лагуне плавала ослепительной белизны нимфа. В воде ее тело сверкало, точно мрамор.

Смертельно побледнев, аж до синевы, Лич едва оторвал взгляд от этого дивного зрелища. В то же мгновение он издал дикий крик, похожий то ли на вой, то ли на стон, и его острые зубы впились в нижнюю губу.

В тот самый миг, когда девушка оглянулась, он распластался на земле и, извиваясь ужом, подполз к самому краю скалы. Если бы мисс Присцилла подняла глаза, она бы увидела его

зловеще оскалившееся лицо. Он пролежал так до тех пор, покуда она не скрылась под сводом скалы.

Поднявшись на ноги, он снял шляпу и утер взмокший от пота лоб. Его свирепое, похотливо осклабившееся лицо вдруг помрачнело. В маленьких, прищуренных глазках мелькнуло беспокойство. Из прокушенной нижней губы сочилась кровь, и одна ее капля упала на черную исключенную бороду.

В эту минуту ни де Берни, ни испанское золото, ни его офицеры, ни подчиненные, ни счет, который мог быть ему предъявлен в случае провала всего дела, — ничто не могло остановить Лича на пути к заветной цели. Единственно, он сомневался, как добратся до нее: или сразу ринуться вперед, или подстеречь в лесу.

В конце концов он решил спрятаться в лесу и направился туда, решительно прокладывая себе путь через густой кустарник.

Бледный как полотно, запыхавшийся, с тяжело бьющимся сердцем, он затаился в чаще, словно хищник, поджидающий добычу.

Вскоре появилась девушка. Сначала он увидел ее светловолосую голову, вокруг которой в лучах солнечного света сиял золотой ореол, потом — грудь; вслед за тем на вершине скалы, в том месте, где начиналась тропинка, ведущая в лагерь, показалась и вся ее фигура в зеленом платье.

49

Ямс — группа из более чем 30 видов растений рода диоскорея (*Dioscorea*), распространенных в тропических и субтропических странах. Съедобны корни растений, достигающие у некоторых видов до 1, 5 м в длину и до 50 кг веса. Ямс используют в пищу подобно картофелю.

Мисс Присцилла остановилась у возвышавшихся сплошной стеной деревьев, и, глядя на нее, стоящую совсем рядом, Лич готов был вот-вот лопнуть от нетерпения. Но он понимал, нужно выждать еще чуть-чуть, пока девушка не зайдет в чащу, — тогда из лагеря ее никто не увидит.

Однако, словно испытывая его терпение, она снова остановилась, потом повернула голову налево — к южному склону скалы, и, уже было ступив в тень пальм, вновь обернулась и помахала рукой, подавая кому-то знак.

— Пьер! Ты откуда взялся в такое время? — крикнула она.

Мгновение спустя пират с досадой заметил метиса: тот шел широкими шагами и вскоре нагнал девушку.

Процедив сквозь плотно сжатые губы проклятье, капитан вышел из засады и двинулся следом за ними. Жаль, что у него не было с собой оружия, а то бы метис отправился на тот свет, ненамного опередив своего хозяина. Глядя на крепкого, мускулистого парня, Лич побоялся напасть на него с голыми руками.

На какой-то миг он остановился, посмотрел, как они уходят вдаль по тропинке, и пошел вслед

за ними уже не таясь, так как его охота закончилась. Вдруг Пьер, всегда державшийся начеку, резко повернул голову и оглянулся через плечо. Увидев приближающегося пирата, он как ни в чем не бывало ровным, неторопливым шагом пошел с девушкой дальше, а капитан, готовый вот-вот лопнуть от злости, медленно поплелся следом.

Вскоре Лич поравнялся с хижинкой, куда только что вошла мисс Присцилла.

В нескольких метрах от нее Пьер вытаскивал из своей палатки бочку для питьевой воды — он собирался ее наполнить. Быстро достав ее, он отправился с нею по берегу к ручью.

Капитан замер — перед его глазами снова забрезжила надежда. Подождав, когда Пьер отойдет подальше, он приблизился к хижине, постоял немного и резко распахнул портьеру, скрывавшую вход внутрь.

Он тотчас же увидел мисс Присциллу: в одной руке у нее была гребенка, а в другой зеркало — она собиралась привести в порядок растрепавшиеся волосы. Заметив на пороге чью-то тень, она вскинула глаза. При виде неожиданно возникшего буканьера девушка сильно побледнела, глаза ее странно заблестели, и она воззрилась на него с необъяснимой тревогой.

Капитан осклабился, обнажив белые зубы, снял шляпу и, отвесив низкий поклон, сказал:

— Да хранит вас Господь, сударыня!

Не успела она ему ответить, как до ее ушей донесся твердый голос де Берни, а потом звонкий смех, как будто он хотел еще издали возвестить о своем появлении.

По хмурому взгляду Тома Лича, по его перекошенному от злобы лицу было ясно, что француз явился как нельзя кстати.

— А, Том! — сказал француз. — Ты ко мне?

— К тебе? — высокомерным, презрительным голосом начал было Лич, но, вовремя спохватившись, медленно прибавил: — Да, к тебе.

— В чем же дело?

— Да так! Ни в чем! Проходил вот мимо и подумал: «Дай зайду поздороваться». Ты так давно не был у нас в лагере.

И Лич посетовал на то, как медленно движется работа. Так что корабль будет на плаву не раньше, чем через четыре дня, а то и все пять. Потом он спросил, уверен ли де Берни, что они не опоздают.

Де Берни успокоил его. Испанский караван должен сняться 3 июля. Никак не раньше, а то и позже... Испанцы, вообще говоря, не тот народ, чтобы опережать события. А вот опаздывать, так это у них в крови. Чтобы выйти в нужное место, Личу понадобится не больше суток. Но раньше срока в тех водах лучше не появляться.

Лич пробубнил что-то себе под нос и убрался восвояси.

Де Берни проводил его тревожным взглядом... В поведении капитана он впервые заметил едва уловимое смущение, которое прежде, в общении с ним, он не проявлял.

Наконец француз обратился к мисс Присцилле:

— О чем он говорил с вами перед моим приходом? — внезапно спросил он.

— В общем, он толком так ничего и не сказал. Успел только поприветствовать меня, и тут появились вы.

Отвечая ему, она непроизвольно рассмеялась. Ей очень хотелось смеяться, особенно сейчас, когда она вдруг поняла, что избавилась от навязчивого страха, какой ей внушало лицо капитана.

— Я спросила Пьера, где он пропадает по утрам, — продолжила она, — но он ничего мне не ответил.

— Он пришел? — сказал де Берни и резко прибавил: — Где он?

— Пошел за водой. Вот-вот вернется.

— Пошел за водой? — изменившимся голосом повторил де Берни.

В его глазах вспыхнул огонек недоумения, но тут же погас. Он пожал плечами и ушел, оставив мисс Присциллу наедине с майором.

Резкая перемена в его настроении не ускользнула от внимания мисс Присциллы. Будучи девушкой сообразительной, она почувствовала, что в этом кроется некая тайна. Быть может, ничего особенного... но тем не менее любопытство ее возросло, и на глупые вопросы майора, примостившегося в тени хижины, она отвечала невпопад.

Де Берни направился к палатке Пьера и стал ждать, когда вернется его слуга; вскоре явился и он, с бочкой воды на плече.

Мисс Присцилла напрягла зрение и слух. Ей было слышно, как де Берни спросил метиса:

— Ну как?

Его темные глаза с тревогой смотрели на слугу. Пьер поставил бочку на землю.

— Все спокойно, сударь, — услышала мисс Присцилла в ответ.

— Тише! — приказал де Берни.

И, понизив голос, он быстро заговорил — чувствовалось, что он потерял терпение и был чем-то недоволен.

Болтовня майора мешала девушке слушать их разговор. И все же, когда майор умолк, она расслышала, как де Берни произнес:

— По словам Лича, у нас в запасе дней пять, да и погода стоит прекрасная.

Глава XV

ЖЕМЧУЖИНЫ

На другое утро Том Лич, глядевший в оба, заметил издали, как майор Сэндз и де Берни снова

куда-то отправились. Он уже свыкся с тем, что каждый день они часа на два отлучались из лагеря. Честно говоря, он даже и не думал выследить, куда они уходят, притом в одно и то же время. Ему это было все равно, так как с Мальдиты им некуда было деться.

Однако никогда прежде любопытство не разбирало его так, как нынче утром. Со вчерашнего дня бужаньер пребывал в самом отвратительном расположении духа, потеряв всякий интерес к тому, что происходило вокруг. Перед его взором то и дело возникало давешнее видение — купающаяся девушка, и ему чудилось, что он и вправду видел божественной красоты нимфу, чье тело, гибкое и стройное, казалось, было вылеплено из ослепительной белизны алебаstra. Никогда прежде Том Лич не предполагал, что человеческая природа может быть наделена столь чарующей силой. Временами, когда ему вдруг начинало казаться, что он упустил свой единственный шанс и его охватывали приступы безумной ярости, это видение, неотступное и зыбкое, тотчас же куда-то исчезало. В конце концов он принял безрассудное решение при первом же удобном случае наверстать упущенное.

Итак, едва де Берни и его спутник скрылись в лесной чаще, как бужаньер решительно направился через весь берег к хижине, где отдыхала мисс Присцилла.

Появление нежданного гостя, его странный взгляд, который он устремил на нее, чуть только переступил порог, сняв перед тем шляпу, в один миг лишили девушку спокойствия и былой уверенности в своей полной безопасности, укрепившейся в ее сердце благодаря поистине рыцарскому отношению к ней де Берни.

Мисс Присцилла воззрилась на него широко раскрытыми от удивления глазами, сиюсь подавить нахлынувшую на нее тревогу. Но, когда она заговорила, голос ее звучал ровно и бесстрастно:

— Вы к моему мужу, сударь? Но его нет.

Бужаньер усмехнулся:

— Да уж знаю. Видел, как он ушел. Но он мне без надобности.

Его сощуренные глазки неотрывно смотрели на девушку, с каким-то диким упоением ощупывая ее гибкий стан, лилейный лик и дивные светлые волосы. Они уже видели ее без широкого платья из зеленой тафты с кружевами цвета слоновой кости, обрамлявшими ее шею. Они представили ее такой, как вчера, в лагуне, и от этого воспоминания в них вспыхнул огонь. И все же, несмотря на неборимую страсть, пират стоял в нерешительности: его глаза вдруг встретили ясный, искренний взгляд девушки, в котором не было ни тени страха. Лич был убежден, что главное правило в ухаживании за женщиной — наглость, напористость и грубость, и следовал ему всю жизнь. Но сейчас внутренний голос подсказывал ему — нужно кое-что совсем другое, потому как, если действовать нахрапом, можно раздавить желанный плод.

И тут он обрадовался, вспомнив мысль, неожиданно пришедшую ему в голову нынче утром. Он достал из внутреннего кармана выдавшего виды красного камзола небольшой кожаный мешочек и, подойдя к столу, развязал его.

— Это маленький подарок... — сказал он.

Потом он открыл мешочек, сложил правую ладонь лодочкой, чтобы не просыпать содержимое мешочка, положил ее на стол и высыпал в нее дюжину жемчужин, сверкавших восхитительным блеском.

— Какие красивые, да?

Опершись на стол, Лич вопросительно взглянул на девушку, вставшую со своего места.

По опыту пират знал, что при виде жемчуга всякая женщина испытывает какое-то странное очарование. Сколько раз он видел, как глаза женщин загорались вожделенным огнем, стоило им только взглянуть на эти сверкающие всеми цветами радуги шарики, и с той минуты ими владело лишь одно желание — заполучить их любой ценой. Он хорошо помнил, что с помощью жалкой пары таких вот красивых безделушек было сломлено сопротивление защитников Кампече, Тортуги, Марии-Галант и многих других городов и островов. Еще никогда прежде ему не случалось рассыпать перед женщиной целую пригоршню жемчуга; еще никогда прежде не доводилось ему видеть и женщины, которая была бы для него столь желанна.

Каждый человек судит о жизни по своему личному опыту. Подлец во всем видит одну лишь подлость и думает, будто весь мир населен одними лишь подлецами. Так думал и Лич, когда выложил перед глазами мисс Присциллы свой восхитительный подарок.

Однако то, что он увидел, не оправдало его ожиданий. На какое-то мгновение — в течение которого у него перехватило дух — сияние жемчужин действительно привлекло взгляд девушки, но она тут же перевела его на пирата, и теперь в ее глазах ощущался странный холод — свидетельство того, что она устояла-таки перед чарующим блеском сокровища.

— Думаю, мужу не понравится, если я приму от вас этот подарок.

— К дьяволу твоего мужа! Вот они, жемчужины! Прекрасные жемчужины! Они словно созданы для тебя! Только для тебя, черт возьми! Они такие же ослепительно красивые, как и ты, моя маленькая ненаглядная жемчужинка!

Сделав над собой невероятное усилие, мисс Присцилла проговорила ледяным, бесстрастным голосом:

— Я передам мужу ваши слова.

— Чего? — пролепетал он и разинул рот.

Сияясь скрыть досаду, он громко расхохотался и с нарочитой грубостью сказал:

— Неужели ты ни на минуту не можешь забыть про своего растреклятого муженька?

Девушке потребовалось все ее хладнокровие, чтобы не ответить пирату в том же тоне. Ей вдруг снова сделалось страшно, однако она не потеряла головы. Нужно во что бы то ни стало найти подход к этому злодею, чтобы не дать ему вконец распоясаться. Надо показать, что она нисколько его не боится. По ее телу пробежала дрожь, и, чтобы не выдать своего волнения, она села.

— Вы когда-нибудь были женаты, капитан Лич? — многозначительно спросила она.

Пират воспринял слова девушки как удобную возможность для открытого перехода в наступление.

— Нет. Не всем же так везет, как Чарли Великолепному, ведь он у нас счастливчик... Попади мне в руки такая красавица, как ты, наверно, черт возьми, я вел бы себя так же, как он.

— Я передам мужу ваши слова. Он будет весьма польщен.

Лицо буканьера помрачнело. Его начали раздражать ее бесконечные упоминания о муже.

— А вы с ним два сапога пара, уж вас-то на мякине не проведешь, ни тебя, ни его, — проворчал он.

Капитан принял предложенную ему игру и, изобразив на лице благодушие, попытался скрыть растущий гнев под маской веселости.

— Но ты еще та куколка. Да, черт возьми, не то, что другие! Люблю бойких девчонок, особенно тех, что умеют за себя постоять. Меня с души воротит от всех этих недотрог, которые чуть что — сразу в обморок. Что ж плохого в том, что ты приглянулась мне? — воскликнул он и бросился к ее ногам. — Неужели тебе не нравится послушать то, что про тебя думает мужчина?

Не растерявшись, мисс Присцилла смело ответила:

— Все зависит от того, что именно он думает.

— А ты будто сама не знаешь! — бросил он и, оперевшись локтем на стол, недобро заглянул ей в лицо. — Хочешь — скажу? Ну, хочешь?

— Я не любопытна, капитан Лич.

Но пират знай твердил свое:

— Я думаю только о тебе, о тебе одной. С того самого дня, когда увидел тебя впервые, когда мы захватили «Кентавр».

Его цепкие пылающие дьявольским огнем глаза заметили, как затрепетала грудь девушки. Наконец-то он лег на верный курс, который приведет его в заветную гавань! Он с удовольствием отметил, что оказался прав, выбрав именно эту тактику. Конечно, ему впервые пришлось иметь дело с такой девушкой, как мисс Присцилла, однако чутье и тут его не подвело.

— Для тебя, моя ненаглядная, я готов на все. Проси все, что хочешь.

— В самом деле?

— Проси! Испытай же меня.

— Отлично, сударь, в таком случае я прошу вас оставить меня в покое и забрать ваши жемчужины.

Лицо капитана мгновенно побагровело. Губы, обрамленные полоской черных усов, искривились в безобразной ухмылке, обнажив острые, точно клыки, зубы.

— Ах, вот, значит, как! И это все, о чем ты меня просишь? Тысяча чертей! Но это единственное, чего я не могу для тебя сделать. Понимаешь? А что до жемчужин, то мне бы очень хотелось их видеть на твоей белоснежной шейке; там они засверкают во всей своей красе, а может, и померкнут... У тебя чертовски белая кожа, ты вся прямо как лилия. И мне не терпится поскорее в этом убедиться!

Гордо вскинув голову и нахмутив брови, девушка строго спросила:

— Откуда вы знаете?

Предвкушая удовольствие от своего ответа, пират усмехнулся и сказал:

— Знаю — потому что видал своими глазами.

Не вставая с колен, он выпрямился и посмотрел девушке в глаза, и она заметила, что лицо его вдруг побледнело как полотно, глаза засверкали как у лихорадочного, а рот ослабился в усмешке, от которой пробирала дрожь.

— Не бойся. Я наблюдал вчера, как ты купалась — там, в лагуне... В жизни не видал ничего красивее! Теперь тебе понятно, моя красавица, что жемчужины я принес для того, чтоб сделать тебя еще краше?

Постепенно на шее и лице девушки выступила краска. Она хотела было встать. Но цепкие руки буканьера сжали ей колени, не дав пошевелиться.

Только теперь, после того как буканьер имел наглость вцепиться в нее и когда его лицо приблизилось к ее груди, она поняла весь ужас своего положения, так как надеяться ей было не на кого: де Берни, майор и Пьер куда-то ушли и должны были вернуться не раньше чем через час.

Мисс Присцилла попыталась одолеть сковавший ее ужас и овладеть собой, чтобы дать пирату должный отпор. Сделав над собой усилие, она заговорила решительно и строго:

— Капитан Лич, оставьте меня! Оставьте!

Но страх лишил ее последнего благоразумия.

— Оставь меня, мерзкая тварь! — не выдержав, крикнула она.

Мисс Присцилла попробовала вырваться из его рук, опрокинуть стул назад и таким образом встать. Но ее полные отвращения слова еще пуще разъярили капитана. Он проклинал себя за то, что зря потратил время на болтовню с этой кривлякой. Нужно было сразу взять ее, без всякого сюсюканья и выкрутас.

— Ах, вот оно что! Значит, я тварь? Ну-ну, девочка моя, полегче меняй галс, будешь называть меня так, когда я и впрямь перейду от слов к делу. Я обламывал еще и не таких задавак, и все они живо становились шелковыми! Может, и тебе стоит попробовать? А не перестанешь кочевряжиться, тебе же хуже!

Он все так же стоял перед нею на коленях, пряжка его портупей больно давила ей на ноги, его правая рука сжимала ее мертвой хваткой. А левой рукой он схватил и стал мять кружевные оборки ее шелкового корсажа.

Вслед за тем, дико оскалившись, он разорвал корсаж.

— Вот они, жемчужины! Настоящие! — злорадно вскричал он.

Звериный возглас пирата заглушил крик ужаса, вырвавшийся из груди девушки.

— Побереги силенки, девочка! Кричи — не кричи, все одно не поможет. Зато если будешь

поласковой, может, оно станет лучше!

С пеной у рта, изрыгая глухие проклятья, он неумолимо тянул ее к себе. Бледное лицо мисс Присциллы исказила гримаса ужаса!

— Господи! Боже! — воскликнула она.

Еще ни одна мольба не произносилась с такой страстью. Еще ни одна мольба не была услышана так скоро... Широко раскрытые от испуга глаза девушки вдруг увидели высокую фигуру де Берни.

Провидению было угодно, чтобы в это утро, перед тем как отправиться фехтовать с майором на пустынный берег, французу пришла в голову мысль заглянуть в лагерь к буканьерам и переговорить с теми из них, кто занимался ремонтом корабля. Издалека он заметил красный силуэт Тома Лича: капитан торопливым шагом направился к хижине мисс Присциллы и затем вошел туда.

Ничего не подозревая о его истинных намерениях, де Берни все же решил, что лучше бы проверить, отчего это вдруг он так торопился. И, ловя на себе взгляды буканьеров, он медленно двинулся к своему лагерю.

Майор, который ничего не заметил, стал приставать к нему с расспросами, с какой стати ему вздумалось вернуться. На полпути к лагерю де Берни резко ускорил шаг, оставив майора позади, а тот и не думал никуда спешить, тем более по такой-то жаре.

Де Берни, устремившийся семимильными шагами прямо к хижине, поспел как раз вовремя, убедившись в этом уже на пороге.

Капитану Личу не было никакого дела до того, что творилось рядом, и он не заметил, как в дверном проеме возникла грозная тень француза; от внезапного удара в плечо он так и подскочил на месте.

— Вы, кажется, творите молитвы, капитан? К сожалению, я должен прервать ваше занятие. Неужто миссис де Берни стала для вас объектом поклонения?

С быстротой кошки Том Лич вскочил на ноги, его рука непроизвольно потянулась к португее.

Де Берни отступил в сторону, как бы освобождая ему проход. По его бледному лицу мелькнула улыбка, но выражение глаз делало ее зловещей.

— Хотите воздавать мольбы миссис де Берни — что ж, ради Бога. Но издалека. Только, пожалуйста, издалека. Боготворите ее, но лишь так, как если б вы боготворили Пресвятую деву. Так будет лучше и для вас, и для всех остальных.

И он указал ему на порог, где возник майор.

Повернувшись спиной к Присцилле, Лич, прерывисто дыша, сжался в комок, словно готовясь к прыжку. Еле ворочая языком, задыхаясь от злобы, он проговорил:

— Черт бы тебя побрал, павлин несчастный! Знаешь ли ты, что ожидает того, кто смеет перечить капитану Личу?

— Ты бы лучше спросил, что ожидает того, кто посмеет досаждать миссис де Берни...

И он снова указал ему на дверь.

— Клянусь дьяволом! Мне нравится твоя дерзость! Но советую быть поосторожней. Ты понял? (Он сделал один-два шага к выходу, где, широко раскрыв глаза, стоял майор, но видел он лишь одного де Берни.) Ты лихой малый, в этом тебе не откажешь. Но я и не таких стирал в порошок, так-то вот, Чарли.

— Поживем — увидим, а сейчас убирайся-ка ты поскорей, пока у меня не лопнуло терпение. Ты ведь знаешь — оно не вечно.

— Ах, вот оно что! Стало быть, ты мне угрожаешь!

Выходя из хижины, он наскочил на майора и резко отпихнул его в сторону, довольствуясь тем, что хоть на нем мог сорвать душившую его ярость. Не успел он сделать и шести шагов, как де Берни снова окликнул его:

— Ты кое-что забыл...

Де Берни встал на пороге. Собрав перед тем рассыпавшийся по столу жемчуг, он швырнул его Личу.

Две-три жемчужины угодили прямо в капитана, остальные упали к его ногам; их было ровно дюжина, прелестных жемчужин, про которые пират в порыве гнева совершенно позабыл, хотя он не согласился бы их отдать и за тысячу дублонов.

Какое-то мгновение он стоял как столб, задыхаясь от злости, потом опустился на четвереньки и, не обращая внимания на комизм и нелепость своего положения, принялся собирать их, хрипя и сопя, как дикая кошка.

Глава XVI

ЯБЛОКО РАЗДОРА

В то время как изгнанный с позором Том Лич ползал на четвереньках в двенадцати метрах от хижины, де Берни повернулся к мисс Присцилле — невольно прикрывшись левой рукой, она принялась приводить в порядок свой корсаж.

Перед нею стоял уже совсем другой де Берни. Прежде он ощущал себя хозяином любого положения, и она привыкла считать его человеком непоколебимым. Теперь же он был чрезвычайно взволнован и бледен, и она поняла — чтобы сохранять хладнокровие в присутствии Тома Лича, ему потребовались воистину сверхчеловеческие усилия.

Француз приблизился к девушке. Она почувствовала, как дрожит его рука, которую он положил на ее руку, и голос, когда он произнес ее имя. С протяжным прерывистым вздохом она потянулась к нему из последних сил, которые после всего, что ей только что довелось пережить, готовы были оставить ее.

— Надеюсь, этот подлый злодей не очень вас напугал.

Она вздрогнула и проговорила:

— Слава Богу! Да, слава Богу, что вы пришли!

Ее слова, исполненные страсти и благодарности, видимо, разбудили утихший было гнев де Берни.

— Пусть этот пес тоже возблагодарит небо, потому что, если б я опоздал, мне наверняка пришлось бы прикончить его.

Мисс Присцилла стиснула его руку и, приблизившись лицом к его лицу, тревожно взглянула ему прямо в глаза:

— Вы больше не допустите этого? Вы же сделаете так, чтобы это больше не повторилось?

Бледные губы француза искривились в горькой улыбке.

— Я не смею, — признался он. — Еще ни разу в жизни мне не требовалось столько выдержки, сколько сейчас, ибо не могу я сделать того, что навлечет на всех нас гибель. О силы небесные! Как это было ужасно!

В возгласе, что вырвался из глубины отважного сердца де Берни, казалось, переплелись самые разные чувства: гнев и боль, нежность и самоотречение и какой-то надрыв. Девушка поняла их, и этот возглас привел ее в себя. Крепко прижавшись к нему, она ласково проговорила:

— Обещайте никогда не оставлять меня одну, пока мы пробудем здесь.

— Разумеется! — с волнением ответил он. — Неужели вы думаете, я позволю себе еще раз оставить вас одну, когда вам угрожает такая опасность?

Он склонился к ее белокурой голове, лежавшей у него на груди, и благоговейно припал к ней губами; в эту минуту он едва ли сознавал, что делает, — слишком велики были его волнение и страх за ее участь.

В тот же миг майор, не перестававший удивляться случившемуся, счел уместным напомнить о себе, недовольный тем, что мисс Присцилла, всего лишь минуту назад вырванная из рук одного буканьера, тут же оказалась в объятиях другого.

— Честное слово!.. — в недоумении воскликнул он, решительно выступив вперед.

Его возмущенный голос вернул де Берни в действительность. Француз тотчас пришел в себя. Не шелохнувшись, все так же продолжая обнимать девушку, он скороговоркой процедил сквозь зубы:

— Хотите все испортить, болван вы эдакий? Разве непонятно — все должно выглядеть так, будто она моя жена. Этот мерзавец не сводит с нас глаз.

Вздохнув с облегчением, майор сказал:

— Прошу извинить меня, Берни. (Он в нерешительности топтался на месте.) Но я, как брат, естественно, тоже имею право быть здесь, чтобы ее успокоить. Я вовсе не собираюсь вас выдавать.

Однако мисс Присцилле показалось, что комедия слишком затянулась. Она тоже вернулась в действительность и, освободившись из объятий де Берни, в изнеможении опустилась на стул.

— Не могли бы вы ненадолго оставить меня? — попросила она мужчин.

Сообразив, в чем дело, они оба вышли из хижины и принялись прохаживаться взад и вперед неподалеку; майор только и знал, что всю дорогу поносил Тома Лича и всех буканьеров на чем свет стоит... В общем, то был камушек и в огород де Берни, впрочем, француз, занятый своими мыслями, поначалу пропускал ругательства майора мимо ушей. Но потом он насторожился.

— В последнее время, сударь, — говорил майор, — я выказывал вам всяческое доверие. Однако теперь я предупреждаю, что перестану верить вам, если вы не поставите этого головореза на место.

— В таком случае, сударь, я вряд ли стану вас уважать, — возразил ему француз и неожиданно оставил его.

Застыв в недоумении от его странного ответа и поведения, майор вдруг заметил, как из зарослей показался Пьер. К нему-то и поспешил де Берни. Ворча себе под нос, майор пошел следом за ним.

Он расслышал, как Пьер чуть слышно сказал хозяину что-то по-французски; не проронив ни слова, тот остановился и, слегка пожав плечами, принялся задумчиво тереть нижнюю губу большим и указательным пальцами. Потом, обращаясь то ли к Пьеру, то ли к самому себе, он произнес — майору оказалось достаточно его скудных познаний во французском, чтобы понять то, что он сказал:

— И все же необходимо что-то предпринять.

Засим де Берни неторопливым шагом направился к хижине. Потом, словно приняв какое-то неожиданное решение, он вдруг развернулся и решительно двинулся вдоль берега к лагерю буканьеров.

На подходе к лагерю двое пиратов, коптивших на костре черепашее мясо, оторвались от своего занятия и дружески поприветствовали его.

Но на сей раз де Берни прошел мимо, как будто не заметив их.

В капитанской хижине главари буканьеров уже уселись за обеденный стол, когда на пороге вдруг возник де Берни — вид у него был серьезный и угрожающий.

Том Лич, который, похоже, успел прийти в себя после утренней стычки, взглянул на него украдкой, напуганный его столь неожиданным появлением. Однако страх недолго владел пиратом. И, приняв обычный наглый вид, он приготовился отразить атаку, тем более что он был к ней готов.

Де Берни сел с краю стола и посмотрел на капитана, восседавшего на другом его конце. По правую руку от французса сидели Бандри с Холлиуэлом, а по левую — Эллис с Уоганом.

Все четверо оторвали глаза от своих тарелок и, разинув рты, глядели на нежданного гостя, сраженные его суровым видом и голосом.

Ничтоже сумняшеся де Берни приступил прямо к делу:

— Ты, конечно, догадываешься, капитан, зачем я здесь, — резко заговорил он. — Должен предупредить тебя: если хочешь узнать дорогу к золоту — чтоб духу твоего больше не было в моем лагере.

— Клянусь преисподней!.. — начал Лич, вставая со стула.

— Минуточку! — гневно прервал его де Берни, и от его голоса и вида капитан, прикусив язык, сел на место.

И, обращаясь к офицерам Лича, он продолжил:

— Если хотите узнать дорогу к золоту, запомните то, что я сейчас скажу. Если Том Лич еще хоть раз приблизится к моему лагерю больше чем на двадцать метров, пеняйте на него. Я вас не знаю, и вы ни дублона не получите из испанских сокровищ. Если же вы хотите, чтоб я выполнил условия сделки, позаботьтесь, чтобы Лич был поучтивей с моей супругой.

Встретившись с дерзким, вызывающим взглядом француза, темные глазки капитана запылали злобным огнем.

Надменные слова де Берни привели подручных Лича в раздражение, и они зароптали. Но лишь один из них взял на себя смелость громко сказать свое слово — бесстрастный, мертвенно-бледный Бандри. Повернувшись спиной к де Берни, он обратился прямо к капитану:

— Выходит, ты наплевал на наше предупреждение, капитан? — невозмутимо, но грозно заговорил он.

Его вопрос многое прояснил де Берни... Все выжидательно посмотрели на капитана. Однако, ошарашенный суровым тоном Бандри, Лич на какое-то время лишился дара речи; ощутив внезапную поддержку со стороны, де Берни воспользовался возникшей паузой с тем, чтобы подлить масла в огонь:

— И еще, Том. Хорошенько подумай над моими словами и сделай выводы. Это дельце можно обстряпать и без тебя: в отличие от меня лично от тебя пользы ни на грош.

Не сказав больше ни слова, он развернулся и ушел — так же неожиданно, как появился. С искаженным от злобы лицом, готовый вот-вот разразиться проклятьями, Лич встал; Уоган собрался было его поддержать, но презрительный голос Бандри остановил обоих:

— Надеюсь, тебе ясно, золото нас волнует больше, чем вы! — не сдержавшись, проорал Бандри и, ударив кулаком по столу, вскочил на ноги.

Наступила тишина. Ее нарушил притворно-слащавый, таящий недоброе голос капитана:

— Так-так, Бандри!.. Значит, золото тебя волнует больше, чем я?

И, не сводя глаз с безжизненного лица Бандри, он потянулся рукой к португее.

Де Берни, похоже, ловко подбросил им яблоко раздора, потому как главари буканьеров уже были готовы вцепиться друг другу в глотки и пролить кровь. Но тут, как нельзя кстати, в перебранку вмешался Холлиуэл. Он поднялся и, наклонив грузное тело вперед, встал между капитаном и Бандри.

— Во имя неба, Том, успокойся. Неужели ты хочешь испортить все дело? Подожди, когда дублоны будут наши, а там делай со своей смазливой куколкой что хочешь.

— Ладно, ладно, — проворчал он. — Видать, я и впрямь был ослом. Ты прав, Холлиуэл. Зато ты, Бандри, просто взял и плюнул мне в душу... — В его голосе послышались рыдания, — надо ж

сказать такое — золото его волнует больше, чем я!

— Ты и правда маху дал, Бандри, — проговорил Уоган. — Да-да, разрази меня гром, хватил лишку!

— И я вправе требовать удовлетворения, — сказал Лич, не отрывая взгляда от мертвенно-бледного лица штурмана.

— Но ведь ты сам признался, что вел себя как осел, — произнес тот. — Давай оставим этот разговор.

В желании Бандри уйти от разговора Лич узрел страх.

— Ты поспешил с выводами, Бандри. Думаешь, я все так и оставлю? Видишь ли, этот змееныш-французишка привык делать из мухи слона. Или ты считаешь, я должен подставить ему другую щеку и ползать у него в ногах, поджав хвост, как поганый пес, всякий раз, когда он начинает хорохориться под предлогом того, что знает тайну каравана?

Если Чарли будет паинькой, — продолжал далее Лич, — я и пальцем его не трону. А нет — плевать я хотел на его караван. Но ежели ты ждешь от меня чего-то другого, Бандри, или хочешь, чтоб я плясал под его дуду, что ж, скажи, а мы тебя послушаем.

— Вот это дело, — вставил Уоган.

Эллис и Холлиуэл не проронили ни звука, но своим видом они давали понять, что не намерены связываться в дело, которое Лич повернул как личную ссору. Если б они держались все заодно, капитану пришлось бы туго. Но из-за взаимной подозрительности тонкая нить, которая еще недавно связывала их вместе, оборвалась.

Бандри понимал — если его стычка с неумолимым капитаном обретет личностный характер, для него это будет равносильно самоубийству. И он решил оставить позицию, которую так рьяно защищал.

— Никто не может требовать от тебя большего, капитан, — сказал он. — Но не забудь, нам бы очень хотелось, чтоб ты все же сдержал свое слово.

— Не беспокойся, сдержу, — ответил Том Лич.

После того как меж ними воцарились мир и согласие, буканьеры снова уселись за стол и продолжили прерванный обед.

Глава XVII

ИСКУШЕНИЕ

Этой ночью де Берни тщетно ждал, что мисс Присцилла выйдет поговорить с ним. После событий минувшего дня он чувствовал необходимость объясниться с нею. Но девушка, очевидно, не имела такого желания, потому как минуты шли за минутами, а портьера все не приподнималась.

Де Берни понял, что это не случайно, и с тяжелым сердцем стал теряться в догадках. Быть может, он ее чем-то оскорбил? Быть может, заключив ее в свои объятия, он переступил рамки

дозволенного? Но это же было необходимо, ведь они играли роль мужа и жены!

И если ее отсутствие объяснялось только этим, значит, им тем более нужно было обо всем переговорить. В конце концов француз не выдержал и осторожно позвал девушку. Ему пришлось сделать это трижды, прежде чем портьера наконец приподнялась.

— Вы меня звали? — спросила девушка. — Что-нибудь случилось?

Поднявшись на ноги, он длинной рукой отбросил назад плащ и встал перед нею.

— Разрешите и мне задать вам этот же вопрос. Если вы не возражаете, давайте присядем и поговорим! Перемена в вашем поведении привела меня к мысли, что...

— Вам угодно мне кое-что сообщить?

И она услышала, как де Берни глухо и довольно странно усмехнулся.

— К сожалению, таков уж, видно, мой удел! Но на сей раз я сообщу вам нечто более важное, чем обычно.

Мисс Присцилла присела на подушку де Берни, которую он предложил ей, как всегда. А сам сел рядом.

— Скажите честно, если б я вас не позвал, вы бы сами не пришли? Вы, наверно, сердитесь на меня?

— Сержусь? С чего вы взяли? — сказала она.

Но в голосе девушки прозвучали холодные настороженные нотки.

— Быть может, причина тому — недопонимание? А может, вам показалось, что я вел себя слишком дерзко... тогда как...

— Хватит, — прервала его она. — Недопонимание здесь ни при чем. Я слышала, что вы сказали майору Сэндзу. Вы играете роль — специально для Лича. Я вас хорошо поняла.

Голос девушки звучал все так же холодно и высокомерно.

— Вы простите меня? — спросил де Берни, сбитый с толку.

— Ну, конечно. Вы блестяще справились с вашей ролью, господин де Берни.

— Как?

— Так хорошо, что на какой-то миг я даже поверила вам. Я действительно на секунду поверила в то, что ваши печаль и внимание совершенно искренни.

— Уверю вас, это правда, — возразил он.

— Но... не настолько, чтобы я имела глупость поверить вам до конца.

— О Боже! — воскликнул француз. — Неужто вы хотите сказать?..

Он вовремя сдержался и не произнес слов, которые готовы были сорваться с его уст: «Неужто

вы хотите сказать, что я расстроил вас только потому, что моя нежность показалась вам притворством?»

— Вы собирались что-то добавить? — спросила девушка.

— Да, но об этом лучше промолчать.

— Но если вы скажете, — настаивала она уже более мягко, — быть может, тогда нам удастся понять правду и друг друга?

— Бывает правда, которую лучше не знать, — она как плод с Древа познания добра и зла.

— Но ведь мы с вами не в Раю, господин де Берни.

— Как раз в этом-то я и не уверен. Еще никогда прежде не был я так близок к вратам Рая, как в последние дни.

Наступила тишина, она длилась так долго, что де Берни стал опасаться, уж не оскорбил ли он девушку всерьез. Но, глядя на белый прибрежный песок, сверкающие воды лагуны и на черный силуэт «Кентавра», она как бы невзначай спросила:

— Господин де Берни, в вашем раю тоже принято играть роли?

На сей раз он понял как никогда, что имела в виду девушка. Ей хотелось получить от него откровенное признание — вряд ли подобное желание можно было выразить более понятными словами. Наконец, проведя рукой по влажному лбу, он неторопливо и тихо ответил:

— Поймите, Присцилла, я могу быть спасен лишь в том случае, если сумею ограничивать свои желания.

— Значит, вы думаете только о себе?

— Быть может, как раз только в этом я и не ощущаю себя эгоистом.

Между ними снова воцарилась тишина — безнадежная для нее и мучительная для него. Затем, следуя чисто женской логике, мисс Присцилла вернулась к тому, с чего начала:

— Значит, сегодня вы не играли? Да?

Голос девушки звучал ласково.

— Но разве могло быть иначе? Я — это я, а вы — это вы. Единственный мост, которым судьба может нас соединить, — притворство.

— Судьба — может быть. Но вы... вы же не строите мостов?

Де Берни ответил строго:

— Вряд ли найдется такой мост, который выдержит мою поступь. Слишком тяжелый груз ношу я на себе.

— Но разве вы не можете избавиться от него хотя бы частично?

— А разве человек может избавиться от своего прошлого? От своей природы? Все это теперь

давит на мои плечи непосильным бременем.

Девушка медленно покачала головой и прильнула ближе к нему.

— Ваша натура не такая уж и обременительная. Я успела ее изучить. А прошлое... Что такое прошлое?

— Настоящее наследие, то, что мы имеем в настоящем. Оно — частица нас самих.

Мисс Присцилла вздохнула:

— Какой же вы упрямый! А вам не кажется, что ваша смиренность не что иное, как разновидность гордости?

— Гордости? — как бы возражая ей, переспросил де Берни и, помолчав немного, наконец сказал: — Быть может, вы и правы... Я оттого горд и упрям, что хочу сохранить в себе хоть немного чести, чтобы быть достойным той призрачной надежды, которую вы на меня возлагаете.

— А что, если надежда эта не призрачна? — мягко спросила она.

— Она должна быть таковой, — решительно ответил француз и слегка отстранился от нее, чтобы избежать соприкосновения с ее нежной, теплой рукой. — Позже, дней через несколько, когда вы снова окажетесь в своем кругу и ваша жизнь потечет по привычному руслу, это приключение покажется вам неправдоподобным кошмаром и пробуждение от него будет для вас сладостным и приятным. Вам придется забыть все, что с вами было, чтобы ничто не могло нарушить безмятежность вашего пробуждения.

— Шарль! — вдруг произнесла мисс Присцилла и положила свою руку на руку француз.

Его пальцы сомкнулись, и он крепко пожал ее маленькую ручку. Потом, не отпуская ее, он встал и поднял девушку.

— Я буду помнить вас, Присцилла, я никогда не забуду вас и уверяю, это воспоминание всегда будет облегчать мне душу. Все, что вы дали мне, я сохраню как бесценное сокровище до конца моих дней. Но не давайте мне больше ничего, не надо!

— А что, если я очень хочу дать вам нечто большее? — спросила она, с трудом владея голосом.

Его строгий ответ последовал тотчас же:

— Моя гордость не выдержит столько даров. Вы — это вы, а я — это я. Подумайте над тем, что это означает: кто такая вы и кто я. Доброй ночи, дорогая Присцилла.

Он поднес руку девушки к губам и поцеловал. Потом, приподняв край портьеры, сказал:

— Завтра все это покажется вам добрым сном, который мы видели вдвоем: я — под звездным небом, а вы — на вашем ложе в скромном доме, куда я вынужден вас проводить.

Она еще долго стояла рядом с де Берни, затем кивнула и, не сказав ни слова, вошла в хижину.

На другое утро, поскольку Пьер, как всегда, отсутствовал, де Берни взялся помочь мисс Присцилле приготовить завтрак; он вел себя сдержанно — как бы в подтверждение того, что их

ночной разговор и вправду был всего лишь сон. Зато девушка, несмотря на бледный, усталый вид, старалась держаться по обыкновению весело и непринужденно. Она опять принялась сетовать на отсутствие Пьера, а де Берни, как обычно, пытался уйти от расспросов.

Завтрак закончился, но ни о каком фехтовании в тот день не могло быть и речи. После давешних событий де Берни и майор договорились впредь покидать лагерь только поодиночке.

Де Берни отправился на северную оконечность острова посмотреть, как движутся ремонтные работы. Буканьеры заканчивали смолить корпус. И на следующий день, по их словам, они должны были приступить к смазыванию киля, после чего корабль будет готов к спуску на воду.

Де Берни шутил и подбадривал пиратов, напоминая им о золотом дожде, который вскоре посыпется на их головы. Он все еще разговаривал с ними, когда откуда ни возьмись появился Лич.

Капитан был явно не в духе и принялся поносить своих людей. Ремонт и без того, мол, затянулся, а они стоят тут и развесив уши слушают какие-то дурацкие байки. И, бросив на де Берни недобрый взгляд, он попросил его, вместо того чтобы отвлекать матросов от работы, заняться другим делом.

Не удостоив его ответом, де Берни пожал плечами и удалился. Однако безмолвный жест француза не удовлетворил капитана, и он бросился за ним вдогонку.

— Это ты сам себе пожимаешь плечами, Чарли? — спросил он громко, чтобы его слышали матросы.

Француз ответил ему на ходу:

— А тебе хотелось от меня что-то услышать?

— Запомни, здесь я командую, и ты должен отвечать, когда с тобой разговаривают.

— Я подчинился твоему желанию. Тебе этого недостаточно?

И, гордо вскинув голову, он остановился перед капитаном. Пираты их уже не слышали, зато хорошо видели. Буканьеры, всегда охочие до потасовок, угадав по голосу Лича, что вот-вот вспыхнет ссора, тут же насторожились, совершенно забыв про работу.

Лич бурлил де Берни откровенно неприязненным взглядом.

— Я никому не позволю пожимать плечами, когда отдаю команды, — резко бросил он. — Особенно тебе, паршивый французишка!

Де Берни тоже смерил его взглядом с головы до ног. Он заметил, что Лич был при шпаге, впрочем, сам он также был вооружен.

— Понятно, — проговорил он. — Ты ищешь ссоры со мной, но боишься, как бы твои люди после не потребовали от тебя отчета. Ты думаешь разозлить меня, чтоб я ударил тебя прямо здесь, при Уогане? И тогда все будут за тебя горой, не так ли? Или я ошибаюсь, Том?

По искаженному злобой лицу капитана он понял, что угадал его намерения.

— Ты мерзкий хвостун и петушишься только на расстоянии, — нагло ответил Лич.

Де Берни громко рассмеялся.

— Может, ты и прав, — дерзко сказал он и прибавил: — Довлеет дневи злоба его, Том. Ты, верно, жаждешь моей крови, но еще не пришел час, когда ты сможешь упиться ею вдосталь. Однако тебе это выйдет боком. Разве они тебя не предупреждали — Бандри и другие?

— Проклятый трус! — крикнул Лич и презрительно сплюнул.

И, развернувшись, он направился к Уогану. Тем не менее при малейшем звуке капитан был готов тут же вернуться, так как рассчитывал, что де Берни, выведенный из себя и забыв предосторожность, не стерпит такого оскорбления.

Но де Берни обманул надежды Лича. Прищурился глазами, он с улыбкой посмотрел вслед удаляющемуся капитану, после чего двинулся к своему лагерю.

Уоган встретил Лича со сжатыми кулаками и укором в глазах.

— Да, дружище капитан! Я уж было, черт возьми, решил, что ты совсем потерял голову!

— Займись-ка лучше своим делом, дорогой мой, и предоставь мне самому решать мои дела.

— Ну да! Это дело касается всех нас.

— Вот именно, и я этого не забуду, когда насажу его на шпагу, как на вертел.

— Но если ты убьешь его — Чарли, тогда...

Презрительно усмехнувшись, Лич его прервал:

— Убью — его? Слишком плохо ты меня знаешь! Я вовсе не собираюсь его убивать. — И, понизив голос, он заговорил странно и многозначительно: — При первом же удобном случае я покажу ему да и всем вам, что можно сделать, если хорошо владеешь шпагой... Я, черт возьми, так подрежу гребешок нашему петуху, что он навсегда запомнит, как хорохориться передо мной!

В голосе капитана звучала холодная уверенность — ведь в былые времена он и в самом деле слыл непобедимым. И Уоган ничуть не сомневался в ловкости Лича. Однако это его несколько не успокаивало.

— Да защитит нас Господь, — проговорил он. — А караван?

— Стало быть, ты сомневаешься во мне? — спросил Лич, медленно прищурился одним глазом, и продолжил: — Неужто ты думаешь, что, покалечив его, я не сумею вырвать у него тайну? Возможно, этого ему будет мало, как, впрочем, и фитиля между пальчиками ног... Но ведь в наших руках его кривляка-женушка, и мы найдем способ позабавиться с ней — прямо у него на глазах. Уж тогда-то он развяжет свой поганый язык... Или ты думаешь, за долгие скитания по морям я не научился развязывать языки упрямым ослам?

Глаза ирландца округлились.

— Клянусь небом и всеми святыми, Том, ты сущий дьявол! — произнес он в восхищении.

И, взявшись под руку, они вернулись в свой лагерь.

В это же самое время де Берни, приближаясь к хижине мисс Присциллы, столкнулся с Пьером.

Покачав головой, метис удрученно сказал:

— Пока ничего!

Де Берни широко раскрыл глаза и нахмурил брови.

— Так-так! Это уже серьезно! — проговорил он.

Глава XVIII

ПОЕДИНОК

На другое утро де Берни, взволнованный, с землистым, осунувшимся, как никогда, лицом, сидел в одиночестве на пригорке неподалеку от хижины, устремив неподвижный взгляд на «Кентавр», застывший с голыми ряями посреди сверкающей на солнце лагуны.

На рассвете поднялся свежий бриз. Под его мягким дуновением за спиной де Берни шелестели кроны пальм. С берега доносились голоса пиратов, они уже приступили к смазке корпуса «Черного Лебедя» — скоро корабль будет готов к спуску на воду. И не позже чем через три дня они покинут Мальдиту. Это сейчас и беспокоило де Берни больше всего; именно это лишило его прежней непоколебимой уверенности. Пьер, как всегда, отсутствовал. Появился он только в девять. Де Берни тотчас встал. В тревоге он стиснул руку метиса и пристально взглянул ему в глаза.

Пьер был сильно возбужден, улыбнувшись, он радостно кивнул.

— Наконец-то! — произнес он. — Они уже близко!

— Это точно? — спросил де Берни, опасаясь, что ожидания его могут не оправдаться.

Достав из-за пазухи подзорную трубу, Пьер протянул ее де Берни.

Вслед за тем они скрылись в лесной чаще, двинувшись по тропинке, которую Пьер однажды показал мисс Присцилле.

Меньше чем за полчаса они добрались до западной оконечности острова, и, подойдя к самой кромке прибоя, де Берни стал вглядываться в морскую даль — в направлении, которое ему пальцем указал метис.

Милях в пяти от острова курсом ост шли три больших красных корабля; под порывами крепкого ветра они сильно кренились на один борт — так, что даже были видны их белые днища.

Вскинув подзорную трубу, де Берни пристально рассматривал их в течение нескольких секунд. И хотя ни на одном из них не было флага, де Берни знал, что это за корабли.

Когда де Берни на мгновение опускал трубу, его узкое лицо осенялось недоброй улыбкой. Понаблюдав еще какое-то время за кораблями, он наконец оживился и с решительным видом повернулся к Пьеру.

— Через час они будут на траверзе острова, — заметил он. — Нельзя терять ни минуты.

В лагерь они вернулись так же внезапно, как и ушли. Их отсутствие длилось не больше часа. Остановившись возле хижины, де Берни отдал подозрную трубу Пьеру, и тот унес ее к себе в палатку. Затем француз вошел в хижину; майор уже был там — борясь с дремотой, он сквозь прищуренные веки наблюдал за мисс Присциллой, которая занималась шитьем. Чувствуя на себе их озабоченный взгляд, он подошел к стене и снял шпагу с портупеей.

— Что вы делаете? — спросила его девушка.

— Судя по тому, откуда повеял ветерок, надо быть ко всему готовым... — сказал француз и, надев через голову инкрустированную серебром портупеею, закрепил ее на плече. — Так-то будет лучше, это внушает уважение и побуждает к учтивости.

Удовлетворенные его объяснением, чему во многом способствовали улыбка и непринужденный тон де Берни, они спокойно проводили его взглядом.

Выйдя из хижины, де Берни остановился. Он сознавал всю серьезность принятого им решения, и ему захотелось сказать последнее слово мисс Присцилле и отдать кое-какие распоряжения майору на тот случай, если с ним случится беда. Но после короткого раздумья он направился к палатке метиса.

— Пьер, если со мной случится что-то серьезное, позаботься о мисс Присцилле.

В темных бархатистых глазах метиса мелькнула тревога.

— Господин, вы решили драться! А может, лучше обождать? Разве нельзя придумать что-нибудь другое?

— Это самое верное решение. К тому же я просто обязан так поступить.

— Верное? — переспросил Пьер. — Очень жалко, но для вас оно не такое уж верное!

— Да нет, черт возьми! Вернее и быть не может!

Пьер схватил руку хозяина и поднес ее к губам.

— Храни вас Бог, господин, — произнес он и поклонился.

Де Берни погладил его по голове.

— Не робей, мой мальчик! — сказал он и твердым шагом ушел прочь.

Поискав Тома Лича, он в конце концов нашел его вместе с Уоганом в полсотне метров от буханьерского лагеря.

Де Берни дружески, и даже залихватски, поприветствовал их. Однако доброжелательства в глазах Тома Лича он не заметил.

— Что тебе здесь нужно? — настороженно прогнусавил капитан.

— Что мне нужно? — переспросил его де Берни, притворившись удивленным, хотя на самом деле он был очень доволен тем, что его появление разозлило капитана, так как именно на это он и рассчитывал. — Что мне нужно?.. — снова спросил он и, подняв брови, изобразил на лице

недоумение.

Его дерзкое поведение должно было только подлить масла в огонь. И Лич, готовый вспыхнуть как порох — только спичку поднеси, решил, что, если быть похитрее, ему наверняка удастся осуществить то, что сорвалось вчера.

— Да, что тебе нужно? Если ты опять пришел скандалить, лучше сразу убирайся.

«Лучшего и не придумаешь», — подумал де Берни и, приняв вызывающий вид, приблизился на шаг к Личу — под неусыпным оком Уогана.

— А ты не очень-то любезен, Том, — сказал он.

Лич не поверил своим ушам — ведь еще вчера француз вел себя, как последний трус. Однако капитан остался верен избранной тактике.

— Любезен? А с чего мне с тобой любезничать? — возразил он и сплюнул, желая подчеркнуть свое презрение к нему.

— О, неужели не с чего? Честное слово, Том, ты ведешь себя на редкость вызывающе!

— Вызывающе! О-го-го! Месье считает, что я веду себя вызывающе! Ты, как и все твои бравые сородичи, привык прятаться за чужие спины: пускай, мол, другие грызутся, а сам — в кусты.

— И ты действительно в этом уверен?

— Не слепой — вижу.

Тут в разговор решил вмешаться Уоган:

— Ну чего вы, в самом-то деле! Лучше вспомните про караван и помиритесь, как старые добрые береговые братья, — ради общего-то дела!

— Я этого только и жду, Уоган, — сказал де Берни. — Это мое самое искреннее желание... Вчера своими словами Том оскорбил мою честь. И если сейчас он возьмет их обратно, я готов все забыть.

Зная взбалмошный характер Лича, он очень надеялся, что капитан первый бросит ему вызов. И его надежда оправдалась.

— Его честь! — насмешливо воскликнул Лич. — Твою честь! Тебе ли говорить о чести!

Он расхохотался и подмигнул Уогану, чтобы тот разделил с ним радостный смех, прозвучавший как оскорбление.

Но здоровяк ирландец, как ни странно, был серьезен. В его глазах мелькнула тревога. Хотя лицо казалось по-прежнему гордым, как и голос де Берни, когда француз спросил:

— Не скажешь ли, капитан, что это тебя эдак рассмешило?

— Ты, черт бы тебя побрал! Ты со своей честью, трус вонючий!

Мгновение спустя Лич пошатнулся, получив увесистую пощечину, которой неожиданно

наградил его француз. Понимая, что дело зашло слишком далеко и слов Лича оказалось больше чем достаточно, де Берни проделал все так быстро, что Уоган и глазом не успел моргнуть.

Едва устояв на ногах, растерянный и взбешенный, Лич отступил на пару шагов. Его лицо побелело как полотно, глаза полыхнули дьявольским огнем. Он принялся расстегивать камзол.

— Клянусь всемогущим Господом! Сейчас я выпущу из тебя кишки, мерзкая гадина, чтоб ты знал!..

— Стой, капитан! Пресвятая дева! Стой же! — крикнул Уоган.

Лич тут же набросился на него:

— Ты что, думаешь, я собираюсь терпеть оплеухи от всяких проходимцев? Я успокоюсь только тогда, когда выпотрошу его как вонючую курицу!

На губах у него выступила пена, глаза безумно сверкали.

В отчаянии Уоган стал ломать себе руки. Он попробовал удержать капитана, но тщетно: тот, разразившись проклятиями, грубо отпихнул его. Уоган растерянно смотрел на де Берни.

— Чарли! Послушай, Чарли! Зачем ты...

Но де Берни, следуя примеру Тома Лича, уже расстегивал свой фиолетовый камзол.

— Я не мог поступить иначе. Ты сам видел, Уоган. Или думаешь, я должен был и дальше терпеть оскорбления от этого сукиного сына?

Лич в изумлении замер на месте. Еще никто не осмеливался унизить его до такой степени... И этот французиска, который еще давеча сносил его оскорбления безропотно, как трусливый заяц, будет последним, от кого он слышит подобные дерзости!

Когда к нему вернулся дар речи, он принялся изрыгать угрозы и ругательства:

— Я изрублю тебя на куски, жалкий выродок! А твою паршивую шкуру разрежу на ремни!

Выхватив шпагу, он грозно взмахнул ею над головой, а ножны и ремень швырнул на землю.

— Защищайся! — проорал Лич и тут же ринулся вперед.

Его внезапный выпад чуть было не застиг де Берни врасплох. Однако француз успел отразить смертельный удар, хотя шпагу он извлек из ножен лишь наполовину и держал ее в левой руке. Вслед за тем, резко отскочив на безопасное расстояние, он далеко отбросил ножны и португую и тотчас же приготовился к отражению следующей атаки.

Метрах в пятидесяти от них пираты, трудившиеся у «Черного Лебеда», видели, как развязался поединок. Едва шпаги противников скрестились, они побросали инструменты где попало и гурьбой кинулись к месту сражения. К ним присоединились и те, кто отдыхал. Они смеялись и шумели, словно малые дети, которым наконец-то выпала возможность поглядеть в волшебный калейдоскоп. Ибо не было для них зрелища желанней, чем то, что им предстояло увидеть. Напрочь забыв про испанское золото — хотя от исхода поединка зависело, получают они его или нет, — либо решив, что сейчас это не главное, они жаждали лишь одного — сиюминутного развлечения. Вместе с ними бежали и Холлиуэл с Эллисом; прекрасно понимая происходящее,

они пытались остановить Бандри, который, вне себя от ярости, хотел во что бы то ни стало прекратить поединок. Главари заспорили, и время было упущено — ни о каком вмешательстве уже не могло быть и речи. Когда Бандри и два его товарища прибыли к месту поединка, буканьеры обступили его со всех сторон, образовав плотное кольцо, так что протиснуться сквозь него не было никакой возможности.

Пираты с диким восторгом наблюдали за ходом поединка. Они хохотали, хлопали в ладоши, балагурили, словно то была не смертельная схватка, а потешный бой.

Зрелище с лихвой оправдало их восторженные ожидания. Том Лич и правда мастерски владел шпагой. И свое мастерство он демонстрировал уже не раз. Его ловкость доставляла ему поистине дьявольское наслаждение, что в полной мере соответствовало его свирепой натуре. Ему доставляло радость кичиться своей силой и наблюдать смятение в глазах противника, предчувствующего скорое поражение и близкую смерть; однако Лич не любил убивать сразу — перед тем, как нанести противнику смертельный удар, он забавлялся с ним, точно кошка с мышкой.

Чтобы достичь такого мастерства, Личу пришлось немало упражняться, и он оттачивал его при каждом удобном случае: плавая по всему белу свету, он шесть раз участвовал в поединках не на жизнь, а на смерть и все шесть раз вышел победителем.

Поэтому, став мастером шпаги и уверовав, что клинок в этой жизни решает все и только он ведет к заветной цели, Том Лич, презирая страх, бросался в бой, уже заранее чувствуя себя победителем. И вот наконец Тому Личу представился случай поквитаться с этим ненавистным, надменным французишкой, который то и дело попрекал, унижал и оскорблял его; к тому же у этого француза была красавица жена, которую Лич желал с поистине безумной страстью. Нет, он его не убьет, этого проклятого Чарли Великолепного! Он повергнет его, сделает жалким и беспомощным и после объявит их сделку недействительной. Ну а уж потом он найдет способ выбить из него тайну и заполучить его женушку.

Именно об этом думал Лич, когда ринулся в атаку, но, несмотря на уверенность в своих силах, он все же решил действовать осторожно и хитро. Он знал, что де Берни тоже слыл искусным фехтовальщиком. Однако это нисколько его не пугало, так как прежде ему случалось побеждать и не таких искусников — именно в этих боях он снискал себе славу непобедимого.

Он передвигался с проворством кошки: отразив удар, чуть отклонялся в сторону — чисто итальянский прием; атаковал и отступал короткими прыжками — как бы проверяя противника на прочность.

Де Берни держался прямо и гордо, показывая превосходный французский стиль: предпочитал ближний бой и никогда не отступал, и по сравнению с ним Лич выглядел до нелепости смешным, что подтверждал дружный хохот следивших за ними буканьеров.

— Ну, капитан, будем сражаться или плясать фанданго? [50]

Насмешливый тон, ловкость и непоколебимая стойкость француза, как бы играючи отражавшего удары Лича, в конце концов вывели капитана из себя, и он неистово кинулся в атаку. Но, встретив неожиданно резкий отпор, он тут же был вынужден отступить. Это не поколебало его уверенности в себе, однако напомнило, что перед ним действительно грозный противник, и он решил быть осмотрительней.

Фанданго — испанский народный танец в умеренном темпе; счет на три; исполнялся с кастаньетами.

Лич снова бросился в наступление, и вновь клинки противников с лязгом скрестились. Встав в линию, он нанес удар сверху, но де Берни мгновенно отвел его острием шпаги и нанес ответный удар. Лич парировал его левой рукой и тут же сделал выпад, целясь противнику в левое плечо, однако француз и на этот раз отразил его. После серии выпадов противники оказались лицом к лицу, заняв оборонительное положение. Они долго стояли так, друг против друга, пока Лич вдруг не отскочил назад. Де Берни устремился на него с быстротой молнии. Лич попытался отбиться, но опоздал: хотя он и отпарировал укол, нацеленный ему прямо в грудь, тем не менее острие шпаги французского полоснуло его по правой щеке.

Придя в бешенство от столь ловкого удара, чуть было не стоившего ему жизни, Лич, запыхавшийся, бледный как смерть, с окровавленной щекой, сжался в комок. Буканьеры громко кричали, и, чтобы не ударить перед ними в грязь лицом, он, собравшись с духом, быстро овладел собой. До сих пор он нападал не щадя своих сил. Что ж, пускай теперь француз попрыгает. И, словно угадав его мысли, де Берни ринулся в атаку, его шпага засверкала как молния. Казалось, их у него уже не одна, а две, четыре, шесть... и все они были нацелены на Лича. Чтобы спасти свою шкуру, капитану пришлось отступить.

После серии из шести ударов де Берни приготовился нанести седьмой, но в последнее мгновение Том Лич отскочил назад, и он не достал его; с трудом переводя дух, капитан, потрясенный и униженный, как никогда прежде, понял наконец, что перед ним поистине достойный противник и одолеть его будет очень нелегко.

И тут в его душу закрался леденящий страх, предвестник близкого поражения и смерти, — тот самый ужас, который он привык внушать другим. Когда он это почувствовал, его землистое, залитое кровью и потом лицо вдруг сделалось совершенно белым. Де Берни угадал в его глазах смятение. Он опасался, как бы Лич в отчаянии не прибег к последней хитрости — не выбросил шпагу в надежде, что это вынудит его людей вмешаться. Де Берни решил не дать ему такой возможности и, снова бросившись в атаку, заставил Лича защищаться. Покуда же капитан безнадежно отступал, он отпускал в его адрес унижительные насмешки, чтобы, вконец расвирепев, тот вновь ринулся в бой.

— Тебе еще не надоело пятиться как краб, пес паршивый? Или хочешь, чтоб я прогнал тебя так вокруг всего острова — поди несладко придется по такому-то пеклу? Что за черт? Вот так ловкач! Да стой же ты, собака! Остановись! Покажи-ка, на что ты способен!

От подобных оскорблений Лич расвирепел, забыв про страх. Он не только остановился, но тут же рванулся вперед, как пантера... Но его отчаянные попытки ни к чему не привели — все свои силы он потратил впустую. Увернувшись от его удара, де Берни, как бы в отместку и шутя, наградил его пинком под зад, от которого пират завертелся волчком.

Но уже через мгновение Лич опять твердо стоял на ногах, и это снова придало ему уверенности. Нет, его так просто не возьмешь. Он еще покажет. Правда, для этого придется изрядно попотеть, ведь противник его оказался на редкость крепким орешком, не то, что он думал сначала. Однако это вовсе не значит, что он неуязвим. У него в запасе еще не один прием. До сих пор он не прибегал к ним ни разу — за ненадобностью. Но теперь необходимость появилась. Да, сейчас он покажет французам, с кем тот имеет дело.

Укрепив себя этой новой надеждой, Лич перешел в наступление, помня, однако, и о защите — в пример своему сопернику, и, отразив таким образом очередной выпад де Берни, он добился того, что хотел. Снова встав в линию, он нацелил клинок прямо в горло де Берни — сверху вниз. Однако в ту самую секунду, когда француз вскинул шпагу, чтобы защититься, Лич, воспользовавшись брешью в обороне противника, с гибкостью кошки рванулся вперед; но это был не обычный, классический выпад, а чисто итальянский прием — все тело параллельно земле с упором на левую руку. Так, почти растянувшись на земле, подобно змее, Лич беспрепятственно нанес удар в надежде проткнуть де Берни насквозь, поскольку никакой защиты против такого выпада, тем паче если проделан он быстро и безукоризненно точно, не существовало.

Но де Берни уже не было там, куда метился Лич, нанося свои коронный укол. Подавшись всем телом чуть влево, француз в тот же миг упал на левое колено и оказался совершенно неуязвим. Удар Лича был настолько силен и глубок, что, не встретив на своем пути никакого препятствия, капитан мгновенно потерял равновесие. Чтобы вскочить на ноги, ему требовалась одна секунда. Но Личу не суждено было подняться: воспользовавшись этой секундой, де Берни несколько раз подряд проткнул распластанное тело капитана, жестоко поплатившегося за свой мастерский и неповторимый выпад, который и француза поверг наземь.

В то же мгновение воздух потрясли оглушительные крики буканьеров, однако продолжались они недолго, и вслед за тем воцарилась мертвая тишина. Выдернув шпагу из тела сраженного противника и в знак победы наступив на него ногой, де Берни, тяжело дыша, выпрямился во весь рост и, усмехнувшись, вытер лоб рукавом батистовой рубашки.

Стоя над телом Тома Лича, бившимся в предсмертных судорогах на песке, де Берни скорбно склонил голову и, нарушив глубокую тишину, громко произнес:

— Какой прекрасный конец, капитан!

Глава XIX

ГОЛОВА ТОМА ЛИЧА

Буканьер издал последний вздох, его тело вздрогнуло в последний раз; искаженное лицо было обращено к голубому небу, напоминавшему гладкий стальной купол; пираты в молчании столпились вокруг него. Издав лишь один-единственный крик — когда капитан рухнул наземь, — эти дикари тут же словно онемели. Хотя жестокость, кровь и убийства были для них не в диковину, смерть главаря глубоко потрясла их окаменевшие души. До сих пор Лич выходил победителем из всех смертельных поединков, поэтому немудрено, что они привыкли считать его непобедимым. И вот он лежит перед ними, в мгновение ока сраженный наповал.

В то же время их терзала тревога: что-то теперь с ними будет? Они молчали до тех пор, пока Бандри, работая локтями, не протиснулся сквозь их ряды — на сей раз ему это удалось без особых усилий. Через образовавшийся проход за ним последовали Эллис и Холлиуэл.

Де Берни поглядывал на них не без опаски, хотя в глубине души чувствовал, что обстоятельства на его стороне. Повернувшись одним боком к морю, а другим к мангровым зарослям, он заметил на берегу, метрах в двадцати, мисс Присциллу и майора: как зачарованные они с ужасом наблюдали за происходящим. Девушка и вправду была сильно напугана: она, несомненно, догадывалась, какая участь ожидает ее, вздумай пираты посчитаться с ним за смерть капитана.

Но куда буканьеры стояли как вкопанные. Наверное, они просто не знали, как им теперь быть, и решили во всем положиться на четверых главарей, обступивших де Берни. Француз как раз обращался к Уогану, призывая его в свидетели, когда Бандри грозно спросил его:

— Как это случилось?

— Он сам меня вынудил. Спроси Уогана.

Бандри метнул в Уогана вопросительный взгляд. Нервно моргая глазами, тот ответил так, как и ожидал де Берни:

— Это правда, черт меня побери! Вы же знаете, как беленился капитан при виде Чарли. А нынче утром он сам полез на рожон. Честное слово, он первый бросился на Чарли, хотя тот даже не успел его оскорбить. И если б он, то бишь Чарли, вовремя не отскочил, ему пришел бы каюк — это как пить дать.

Вдохновленный поддержкой Уогана, де Берни лукаво прибавил:

— Да, что случилось бы со всеми нами, повернись все по-другому! Тогда прощай испанское золотишко, волшебные дублончики! Этому псу следовало бы прежде подумать о вас, а то втемяшил себе в башку — пустить мне кровь! Ну и ну! (Он пнул тело капитана ногой.) Вообще-то он получил по заслугам... Не надо было испытывать наше терпение — ваше и мое.

Мрачный Бандри, не видевший теперь необходимости мстить де Берни, в знак согласия медленно кивнул.

— Я ж его предупреждал. Он всегда был себе на уме и творил, что хотел. А теперь вот лежит с перерезанной глоткой... хотя, может, оно и к лучшему.

Буканьеров удовлетворили эти прощальные слова над телом капитана, и они посчитали инцидент исчерпанным.

Хотя де Берни и надеялся, что именно так все и закончится, стоит ему только напомнить пиратам про испанское золото, тем не менее он был готов и к тому, что они попытаются ему отомстить. Однако, к счастью, события приняли совершенно неожиданный для него оборот, и это привело его в некоторую растерянность. Буканьеры недолго горевали над телом своего главара — слава Богу, с ними был тот, кто приведет их к сокровищам.

Предоставив де Берни возможность спокойно вложить шпагу в ножны, пираты, рассыпавшись мелкими группами по берегу, принялись горячо обсуждать случившееся. Вскоре их оживленные споры нарушились дружным хохотом — и это в то время, когда их капитан, тело которого еще не успело остыть, лежал с остекленевшими глазами у их ног.

Уоган подошел к де Берни, чтобы помочь ему привести себя в порядок, и тихо, чтобы никто не слышал, шепнул ему на ухо:

— Пошли в хижину. Будем выбирать нового капитана — ты должен быть там. — И еще тише прибавил: — И не забудь, ведь я был за тебя, Чарли... Если б не я, гнил бы ты сейчас где-нибудь тут, как последняя падаль.

— Да что ты говоришь! Уж не испанское ли золото тому причиной? Впрочем, если ты рассчитываешь на наследство Лича, что ж, я не стану его у тебя оспаривать, так-то вот. Ступай, я догоню.

Расставшись с ирландцем, француз не спеша направился к трем нашим героям, наблюдавшим за ним во все глаза.

Мисс Присцилла встретила его с выражением ужаса на лице. Но вид у де Берни был спокойный и бесстрастный, будто он только что закончил свое обычное, повседневное дело. Как видно, этот человек и правда был сделан из стали: еще несколько мгновений назад он был всего лишь на волосок от смерти, а теперь держался так невозмутимо, словно ничего серьезного не произошло.

Когда он приблизился к ним, мисс Присцилла заметила его неестественную бледность и возблагодарила небо за то, что по крайней мере сейчас видит перемену в его чувствах, однако истинная причина такой перемены осталась для нее загадкой.

— Надеюсь, вы не очень испугались, — услышала она его приятный, ровный голос. — Мне так не хотелось, чтобы вы присутствовали при этом.

Затем, обращаясь к майору — он стоял с широко раскрытыми глазами и багровым лицом, потерявшим былой лоск, — француз сказал:

— Как видите, наши упражнения пошли на пользу. Я словно чувствовал, что это пригодится мне еще до того, как мы покинем Мальдиту.

— Вы его?.. Он мертв? — пробормотал майор.

— Я привык все дела доводить до конца, майор.

Ответ де Берни прозвучал многозначительно, и мисс Присцилла встревоженно спросила его:

— Вы хотите сказать, что заранее поставили себе цель его убить? Или это произошло случайно?

В голосе девушки француз уловил осуждающие нотки.

Склонив голову, он бессильно сложил вместе руки, словно обращаясь к небу, что выглядело весьма красноречиво, и произнес:

— Это было необходимо. Так или иначе это случилось бы со дня на день. Оставалось только выждать удобный момент, что было не так-то просто, ведь опасность могла обрушиться в любую минуту, особенно на вас, мисс.

— И только-то? Вы убили его только из-за этого?.. — спросила девушка тихим, слабым голосом.

— Не только из-за этого, — сказал он, — но еще и потому, что моим единственным желанием было стереть его в порошок — за то, что он посмел прикоснуться к вам, да и за то, что он собирался сделать. Да, я убил его из-за вас и ничуть об этом не сожалею.

Мисс Присцилла коснулась его руки. Заметив ее произвольный жест, майор нахмурил брови. Однако на него никто не обратил внимания.

— Я так боялась, что вы сделали это только из-за меня... Если б вас не стало...

Голос изменил ей, но она быстро овладела собой и прибавила:

— А потом я испугалась еще больше. Думала, они разорвут вас на куски. До сих пор не пойму... Мне почудилось, что вам грозит страшная опасность...

— Главная опасность впереди, — невозмутимо произнес он.

В это мгновение Пьер, стоявший чуть поодаль, одним прыжком подскочил к ним:

— Господин!

Де Берни повернулся к морю. В кабельтове от входа в бухту друг за другом показались три огромных, величественных красных корабля, они приближались на всех парусах. С моря послышался скрип блоков и снастей. Де Берни напрягся в ожидании.

— Вот она, опасность, — проговорил он.

Столпившись на берегу, ошеломленные буканьеры в зловещем молчании замерли как вкопанные, не сводя глаз с лагуны. Они простояли так секунд шесть, не больше. И вот, когда на мачтах кораблей взвился британский флаг, а сами корабли, перестроившись в боевой порядок, устремились в пролив, ведущий в лагуну, казалось, все черти из преисподней разом выскочили на берег. С дикими воплями и страшными проклятиями толпа пиратов рассыпалась: они заметались по берегу, точно крысы в темном корабельном трюме, ослепленные резким светом.

Когда поднялась паника, лишь некоторые из них точно знали, куда бежать, — они рванули напрямик к лежавшему на борту «Черному Лебедю» в надежде найти за ним хоть какое-то укрытие.

Путь к мнимому спасению указал Уоган, и, когда он, опережая всех, бросился к укрытию, Бандри, который стоял не шелохнувшись, обозвал его трусливой свиньей, потому как в глазах моряков, наблюдавших за ними с приближавшихся кораблей, это бегство могло их только разоблачить.

Нет, Бандри не потерял головы, и в конце концов ему удалось остановить панику.

— Чего вы испугались, скоты? — проорал он, напрягая свой слабый голос, и тут же его сорвал. — Чего сдрейфили? Что из того, что они англичане, откуда им знать, кто мы такие? Они видят только наши корабли: один лежит себе на грунте, а другой тихо и мирно стоит на якоре.

Услышав его слова, пираты перестали суетиться и собрались вокруг него.

— Совсем с ума спятили! — продолжал он. — Наверняка они пришли за водой. Откуда им было знать, что мы тут. Разве не ясно — их занесло сюда случайно! Пускай с ними сам Морган — откуда он узнает, что это «Черный Лебедь», по килю, что ли? А вот ежели он увидит, как вы тут скачете во главе с размазней Уоганом, тогда уж он точно нас расколлет! Поэтому уймитесь, черт бы вас побрал! Пусть себе высаживаются и делают свое дело. А мы поглядим, кто они такие, и тогда решим, как быть дальше.

Его здравые рассуждения понемногу успокоили пиратов, и они стали приходить в себя. Эллис и Холлиуэл, воспрянув духом, уже помогали ему восстанавливать порядок. И буканьеры снова разошлись небольшими группами: одни уселись на песок, другие принялись расхаживать взад и вперед по берегу как ни в чем не бывало; однако продолжалось это недолго — до тех пор, пока они не увидели, как на мощном сорокапушечном флагманском корабле, вошедшем в

узкое горло лагуны, засверкали изготовленные к бою орудия.

От подобного зрелища, не сулившего ничего хорошего, пираты опять зароптали. И Бандри вновь пришлось их успокаивать:

— Ну что, трусы, от страха небось все поджилки лопнули! Да? Стоило этой бестии показать клыки, как вы тут же наложили в штаны! Ну и дела! Им просто невдомек, кто мы такие, вот они и ощетинились. Это ж ясно как божий день.

И вдруг, как бы ему в опровержение, от борта флагманского корабля отделилось облачко дыма и вслед за тем прогремел залп; в тот же миг «Кентавр» вздрогнул всем корпусом — с такого короткого расстояния ядро угодило ему прямо в фальшборт [51] и разнесло его на куски.

В это же мгновение со скалы в небо взметнулась бесчисленная стая чаек: потревоженные грохотом птицы, громко крича, принялись беспорядочно кружить над лагуной.

Невзирая на все увещевания Бандри, буканьеры снова ударились в панику.

После второго залпа по «Кентавру», оцепенев от ужаса, они вдруг застыли на месте в ожидании следующего выстрела, от которого захваченный ими корабль уже наверняка пойдет ко дну. Заметив, что «Кентавр» не оказывает ни малейшего сопротивления, неизвестный корабль прекратил пальбу; в наступившей следом за тем зловещей тишине послышался лязг цепей и скрежет лебедок. Корабли бросили якорь в шести кабельтовых от берега.

Все сомнения буканьеров разом рассеялись. Перед ними был враг. Пираты поняли, что оказались в ловушке, которой так боялся Лич, и, охваченные слепой яростью, они стали искать, на ком бы сорвать свой гнев.

Они бросились напрямик к де Берни, слева от которого стояла мисс Присцилла, справа — майор, а чуть поодаль, с выражением тревоги и ужаса на смуглом лице, — Пьер.

Еще ни разу в своей полной опасностей жизни де Берни не переживал столь грозных минут, однако он ожидал такого поворота событий и напряженно думал, как предотвратить нависшую беду. Приблизившись к мисс Присцилле, он дотронулся до ее плеча.

— Вот она, главная опасность, — шепнул он ей. — Будьте мужественны и ничего не бойтесь.

С этими словами он смело шагнул навстречу надвигавшейся толпе, готовой растерзать его на куски. Он держался прямо и гордо, его шляпа с пером сидела чуть набок, левая рука лежала на эфесе шпаги, торчавшей сзади под прямым углом.

С дикими воплями орава пиратов — человек двести — остановилась в нескольких шагах от него. Две сотни озлобленных лиц смотрели на француза; он едва не оглох от обрушившегося на него шквала проклятий и ругательств, к нему тянулись сотни голых крепких ручищ; сотни кулаков сжались перед ним в угрозе; в одной из рук уже сверкнул мачете.

Де Берни стоял перед ними непоколебимый как скала. Его голос, громкий и четкий, словно звук сигнальной трубы, вознесся над беспорядочным ором толпы.

— Что стряслось, жалкие глупцы? — спросил он. — Вы собрались прикончить единственного, кто может вызволить вас из этой переделки?

Фальшборт — продолжение борта над палубой (в эпоху парусного флота — деревянное), служащее ограждением палубы.

Постепенно грозный гул перешел в слабое гудение, похожее на глухой рокот уходящего прибоя. Пираты умолкли, чтобы послушать де Берни перед тем, как его прикончить. Француз заметил, что сквозь толпу пробивается Бандри. Протиснувшись наконец вперед, он повернулся лицом к роптавшей ораве.

— Подождите! Сдайте назад! — проорал он. — Всем стоять! Давайте-ка послушаем, что нам хочет сказать Чарли...

И, обращаясь к французу, Бандри спросил:

— Что это за корабли? Узнаешь?

— А ты — нет? Первый — это «Королева Мэри», флагман адмирала Моргана. Все трое из ямайской эскадры. Морган захлопнул нас в ловушке. Сэр Генри Морган. Но он не найдет того, что ищет. Слишком поздно. Ему нужен Том Лич...

Пираты заорали, что Моргану нужны они все! Что ждет их, когда они попадут к нему в руки?

— Я знаю, что ждет лично меня, — ответил он с горькой усмешкой. — Чтобы это знать, не надо быть провидцем. Если вы желаете перерезать мне глотку, лишив Моргана удовольствия вздернуть меня на рее, что ж, прошу покорно: смерть от ваших рук мне больше подходит.

После таких слов пираты разом примолкли. Какая бы участь их ни ожидала, а судьба бывшего адъютанта Моргана, который покинул своего адмирала и снюхался с ними, была яснее ясного.

Но тут вперед продрался Уоган в сопровождении двух-трех дюжих молодцов; убежденные, что именно де Берни заманил их в ловушку, они намеревались прикончить его прямо на месте. Если уж им всем суждено отправиться на тот свет, пускай француз, по крайней мере, будет первым!

Приняв развязную позу, Уоган принялся потрясать кулаками и сыпать угрозами:

— И вы поверили его болтовне? Если мы оказались в дерьме, то только по вине Чарли Великолепного. Это он заманил нас сюда. Это из-за него мы оказались в западне, все равно как крысы в мышеловке; теперь мы все в лапах у Моргана.

Он гневно взмахнул рукой, едва не угодив французу по лицу.

— Чарли — предатель! Пускай же он поплатится за это своей шкурой!

Пока пираты еще не успели осознать суть гневных изобличений, высказанных ирландцем, де Берни ответил ему с таким видом и таким голосом, что они так и остолбенели:

— Сам, значит, наломал дров, а меня хочешь сделать козлом отпущения, так, что ли, дурак ты набитый?

Огорошенный его словами, Уоган, к всеобщему изумлению, лишился дара речи. Вслед за тем, не давая ему опомниться, француз, воодушевленный его смятением, изобразил на лице крайнее возмущение и принялся добивать ирландца:

— Если, как ты говоришь, нас и загнали в ловушку, произошло это по твоей вине, Уоган, и по вине этого мерзавца Лича. Если б хоть у одного из вас башка варила как надо, он приказал бы перенести все пушки вон на ту скалу, и тогда мы смогли бы оказать Моргану действительно теплый прием. Если б вы с Личем вовремя подумали об этом, Морган с его кораблями да пушками был бы нам нипочем.

Француз снова остановился, однако теперь он уже не боялся, что ему не дадут договорить до конца. Он знал, еще какое-то время его слова будут держать пиратов в напряжении. Он говорил правду, и эта правда колола им глаза. Они все до одного чувствовали силу его обвинения и ждали объяснений; таким образом, из обвиняемого он неожиданно превратился в обвинителя.

— Черт возьми! Ты тут, кажется, что-то блял насчет моей вины? Ого! Но здесь дураков нет. У этих ребят есть голова на плечах. Честное слово, ну какие вы с Личем командиры — просто курам на смех! Вы всегда вели себя как салаги — и на море, и на суше! Доказательства? Ловушка, куда мы угодили... И ты еще говоришь, что я предатель! Да, я уговорил Лича зайти сюда на ремонт, потому что во всем Карибском море лучшего места для этого не сыскать. Но разве я говорил ему, что не нужно принимать меры предосторожности — на всякий случай? Разве я советовал ему бросить все пушки на берегу, как ненужное барахло?

И француз указал пальцем туда, куда в первый же день свезли все пушки «Черного Лебеда». Затем, стараясь, чтобы его голос звучал как можно убедительнее, он продолжил: — Кто вам сказал, что я ни о чем его не предупреждал? Неужели вы думаете, я не советовал ему возвести на скале укрепления и перенести туда пушки, чтоб охранять вход в лагуну? У нас шестьдесят орудий. И с ними нам была бы не страшна и вся ямайская эскадра. Пускай бы попробовали они сунуться в проход — тут же пошли бы ко дну. А как он отнесся к моему совету?

Однако де Берни не успел больше вымолвить ни слова, потому что Уоган, которого трясло от злобы, тут же оборвал его:

— Он врет! Не слушайте его! Ничего такого он ему не советовал. Он врет!

— Неужели? — бросил де Берни, гневно усмехнувшись. — Ладно, пусть я не предупреждал его и не говорил, что пушки следует перенести на скалу...

Тут он вдруг повысил голос:

— Но, честное слово, тогда из какого дерева выдолблены ваши головы, твоя и Лича, коли вы сами до этого не додумались? Он же был капитаном, а ты, Уоган, его старпомом. И вы оба в ответе за жизнь ваших людей. Почему ни ты, ни он не подумали о том, как защитить бухту? Кто дал тебе право переключать свою вину на плечи другого? Лич мертв — он уже ничего не скажет. Вот они, твои люди, и все они из-за твоей дурацкой беспомощности оказались в мышеловке — по твоим же собственным словам. Они требуют от тебя ответа. Так что давай, отвечай им! Отвечай же!

Из глоток буканьеров, которых обвинение, брошенное французом, мгновенно ввергло в ярость, вырвалось глухое рычание:

— Отвечай! Отвечай!

— Пресвятая дева! — заорал Уоган, вдруг испугавшись, что по милости коварного француза на его голову вот-вот обрушится гроза. — Что вы слушаете этого брехуна! Разве вы никогда не слышали, на какие проделки способен Чарли Великолепный? Неужели вы позволите этой прожженной шельме дурачить вас и дальше? Говорю вам, он...

— Лучше скажи, почему ты не поднял пушки на скалу? — крикнул ему кто-то.

— Да, скажи, сучий сын! — проорал другой пират, а вслед за ним завопили и все остальные: — Отвечай! Отвечай!

Бледный как смерть, дрожа от страха, Уоган чувствовал, что его сейчас начнут рвать на части. Де Берни, прикрывавшийся им как щитом, теперь не испытывал к нему ничего, кроме презрения. Сделав шаг вперед, он попросил тишины:

— Оставьте этого безмозглого кретина! В конце концов, даже если мы найдем виноватого — какой в этом прок! Давайте-ка лучше помозгуем, как выбраться из западни.

Пираты все как один замерли в ожидании. Де Берни заметил Холлиуэла, уставившегося на него своей жирной рожей, и Эллиса, который было рванулся к нему. Но тут раздался сухой и резкий голос Бандри:

— И то правда! Здесь есть над чем подумать!

— Смелей, Бандри! Еще рано рвать на себе волосы.

— Смелость здесь ни при чем — мне ее не занимать. И башка у меня, слава Богу, покамест на месте.

— Можно иметь и то, и другое и вместе с тем не иметь воображения, — сказал де Берни.

— Если ты нас выручишь, Чарли, — воскликнул Холлиуэл, — мы пойдем за тобой хоть в ад!

По рядам буканьеров прокатился возглас одобрения — всем хотелось поддержать де Берни, который стоял, в раздумье нахмутив брови. Потом он так же задумчиво улыбнулся и сказал:

— Думаю, вряд ли Чарли Великолепному еще будет суждено командовать буканьерами, какая бы участь вас ни ждала.

И вдруг, оживившись, он прибавил:

— Ладно, чем черт не шутит, может, и мне удастся спасти свою шкуру вместе с вашими — кажется, я знаю, что нужно делать...

Тут по толпе буканьеров прокатился невнятный гул, похожий на рокот огромной волны, разбившейся о скалу. Пираты стояли, недоверчиво разинув рты. Но не успели стихнуть их голоса, как вдруг с флагманского корабля прогремел новый залп. Подскочив на месте, все опять посмотрели в сторону моря.

Залп пришелся им поверх голов — чтобы привлечь их внимание. Ядро выкорчевало несколько пальм метрах в двадцати от того места, где они стояли. Вслед за тем пираты увидели, как на корабле стали поднимать и опускать сигнальный флажок. Не отрывая глаз от флажка, де Берни спокойно размышлял.

— Они хотят, чтоб мы направили к ним шлюпку, — проговорил он.

Пираты, все до единого, смотрели на него преданными глазами. Отныне командование принял француз — что ж, это было вполне естественно.

— Надо подчиниться, иначе они покрошат нас в мелкий винегрет. Пусть несколько человек спустят на воду большую шлюпку. Ты старший, Холлиуэл.

— Чего? Ты хочешь меня отправить к ним? — в ужасе запротестовал Холлиуэл.

— Да нет же, поставь только шлюпку на воду, и все. Сделаем вид, что подчинились. Тогда они прекратят огонь. Ну давай, пошевеливайся!

Холлиуэл выбрал человек шесть-восемь, и они неохотно отправились выполнять приказ француза, хотя сейчас им очень хотелось бы остаться и узнать, что придумал де Берни и как он собирается сотворить обещанное чудо.

Обращаясь главным образом к Бандри, француз громким голосом, чтобы всем, однако, было слышно, сказал:

— Есть одна вещь, которую Морган желает получить больше всего на свете, причем за любую цену. За ней он и примчался сюда; за нее-то он и обещал пять сотен ливров [52] — дар от имени английской короны. Но я неплохо его знаю — за эту вещицу, о которой он так давно мечтает, он готов заплатить еще больше, гораздо больше. Может, нам удастся заключить с ним сделку. Может, эта единственная вещь станет залогом нашей жизни и свободы. К счастью, мы сможем дать ему эту драгоценную вещицу — голову Тома Лича.

От этих слов у Бандри перехватило дыхание. Хорошо понимая их суть, он насторожился. Остальные же пираты, напротив, обрадовались. Узрев впереди надежду, они оживились, кое-кто даже захохотал. Подарить труп своего капитана Моргану — вот так сделка, хоть и до нелепости смешная, зато выгодная!

Но тут вперед вышел Эллис.

— Хорошо, — сказал он, — пусть будет так. А кто будет вести переговоры? Неужели ты думаешь, кому-то из нас удастся вырваться из грязных лап Моргана целым и невредимым? Я давно его знаю, этого старого паршивого волка. Если кто из нас сунется к нему — пиши пропало! Морган вздернет его на рее повыше, чтоб всем было видать, а после потребует еще и голову Тома. Если вообще согласится на сделку...

— Он ни за что не согласится, — вдруг твердо заметил Бандри. — С какой стати ему соглашаться? Мы все у него в руках. Этот матерый волк потребует, чтоб мы сдались без всяких оговорок. Тебе следовало бы это знать, Чарли... — И непримиримым голосом он добавил: — Ты, видать, совсем рехнулся, если вообразил такое. Да и мы хороши — стоим тут, уши поразвесили!

Де Берни вздрогнул, но в мгновение ока овладел собой:

— Думаешь, он держит нас мертвой хваткой? А что, если мы укроемся в зарослях? Неужели он осмелится высадить своих людей и пустить по нашим следам? Неужто он не боится засады? Представляешь, сколько времени потребуется ему, чтобы заморить нас голодом?

Он почувствовал, как по рядам буканьеров прокатился возглас надежды, которую Бандри чуть было не погасил.

— Наверно, я и впрямь предлагаю вам пойти на отчаянный шаг. Может, вы правы, и Морган отвергнет наше предложение. Но давайте, по крайней мере, поглядим, как он к нему отнесется... Вспомните, он жаждет получить голову Тома Лича, причем любой ценой. Знайте, ему самому несдобровать, если он не поймает Тома Лича, — английские власти ему этого не простят.

Буканьеры одобрительно закричали, и Бандри, признав себя побежденным, только пожал плечами.

— Ладно! Но Эллис прав. Кто отправится к нему? Кто из нас отважится сунуться в руки Моргана? Может, Уоган? В конце концов, почему бы и нет? Если мы оказались в дерьме, то только по его с Личем милости...

— Я? — завопил Уоган. — Чтоб тебе провалиться, старый боров! Ты виноват не меньше моего!

Тут в разговор вмешался де Берни:

— Минуточку! Минуточку!

Сделав пол-оборота и посмотрев на мисс Присциллу, которая стояла чуть в стороне, опершись на покровительственную руку майора, и, наверное, думала, что все происходящее — страшный сон, ужаснейший кошмар, какой ей вряд ли когда-либо доводилось видеть.

— Вот моя жена, — сказал он. — Морган никогда не воевал с женщинами, даже когда еще не был губернатором Ямайки. С женщинами он обходится совсем по-другому, не то что с нами, буканьерами. И моей жене нечего опасаться, попади она к нему в руки. Вместе с нею отправятся ее брат и мой слуга Пьер — этого будет вполне достаточно, чтобы перевезти ее через лагуну. Вот вам и решение вопроса. Она и предложит Моргану сделку: нашу жизнь и свободу и возможность беспрепятственно уйти отсюда на наших кораблях в обмен на голову Тома Лича.

52

Ливр — денежно-счетная единица Франции, существовавшая с начала IX века по 1795 год.

— А почему ты знаешь, что он согласится? — спросил Бандри, буравя суровым взглядом бесстрастное лицо француза.

— Почему знаю? — подхватил его вопрос де Берни. — Он думает, что Лич — наша голова и сердце. Он убежден, что без Лича мы бессильны. Кроме того, как я уже говорил, он боится, что английские власти его самого прижмут к ногтю, если он не заявит, притом в самое ближайшее время, что с Томом Личем покончено раз и навсегда.

Часть пиратов все еще роптали. Эллис и Бандри тоже продолжали спорить. Но в конце концов все пришли к единому мнению и поручили де Берни заняться осуществлением его плана, который, быть может, и правда принесет им спасение.

Глава XX

Мисс Присцилла направилась к шлюпке, которую люди Холлиуэла уже спустили на воду. Она шла между де Берни и майором Сэндзом, в окружении Эллиса, Бандри, Пьера и двух-трех буканьеров, следовавших за ними. Она двигалась точно во сне, сознание ее затуманилось.

Они успели обменяться всего лишь несколькими словами. Как только де Берни и буканьеры договорились между собой, француз сразу же направился к ней:

— Вы слышали, что вам предстоит, Присцилла? — сказал он и улыбнулся, чтобы подбодрить девушку.

Девушка кивнула.

— Слышала.

Она умолкла и посмотрела на него глазами, полными тревоги. Он ответил ей довольно серьезно:

— Ничего не бойтесь. Сэр Генри Морган окажет вам самый достойный прием.

— Раз вы решились отправить меня к нему, значит, вы должны быть уверены во мне, — сдержанно ответила она и, немного помолчав, вдруг с беспокойством спросила:

— А как же вы?

— Я?

Он немного помрачнел и пожал плечами.

— Я в руках судьбы. Не думаю, чтоб она обошлась со мной жестоко. Все зависит от вас.

— От меня?

— От того, как вы справитесь с моим поручением.

— Коли так, раз это может вам помочь, в таком случае полагайтесь на меня смело.

Француз поблагодарил ее кивком головы.

— Пойдемте же. Нельзя больше терять времени. Шлюпка ждет. Я сообщу вам все на ходу.

По дороге де Берни рассказал девушке о послании, которое ей следовало передать, и попросил майора также обратить на него внимание. Речь шла о том, чтобы предложить Моргану голову Тома Лича, за которую он назначил цену, в обмен на жизнь всех, кто сейчас находится на Мальдите, и на возможность всем им беспрепятственно покинуть остров на их же кораблях. А в доказательство их доброй воли и намерения покончить с пиратством, если потребуется, они готовы выбросить все пушки в море на глазах у самого Моргана.

Если же сэр Генри не примет их условий, она должна будет сказать ему, что с запасом провианта и оружия, какой у них имеется, буканьеры уйдут в заросли, откуда он сможет их выбить, лишь подвергнув опасности жизнь своих людей. Так как они в состоянии продержаться очень долго.

По просьбе де Берни мисс Присцилла и майор Сэндз повторили послание буканьеров слово в слово. После того, как его одобрили Эллис и Бандри, они подошли к кромке прибора, где, по колению в воде, полдюжины молодцов удерживали подготовленную к отходу большую шлюпку.

Холлиуэл вызвался перенести девушку в шлюпку на руках, а майору с Пьером пришлось добираться до нее по воде.

Но в это мгновение мисс Присцилла, вся бледная и дрожащая, вдруг повернулась к де Берни и сжала ему руку:

— Шарль!

Это было все, что она смогла вымолвить. Хотя в голосе ее звучала тревога, глаза ее смотрели решительно.

— Девочка моя! Я еще раз повторяю. Вам нечего опасаться. Нечего. Морган не воюет с женщинами.

И тут в глазах мисс Присциллы вспыхнул гневный огонек:

— Разве вы не поняли — я боюсь не за себя? Неужели вы по-прежнему не доверяете мне?

Улыбка исчезла с лица француза; его печальный взгляд был исполнен невыразимой муки.

— Доброе, отважное сердце! — начал было он, но вдруг смолк и повернулся к Эллису и Бандри: — Господа, оставьте нас на секунду. Быть может, я больше никогда ее не увижу...

Эллис отошел в сторону. Но бесстрастный, подозрительный Бандри даже не шелохнулся. Сжав тонкие губы, он покачал головой:

— Нет, нет, Чарли. Нам известно, что она должна передать Моргану. Но, может, когда вы останетесь наедине, ты ее попросишь еще кое о чем — и мы этого уже не узнаем.

— Ты что, не доверишь мне? — с нарочитым недоумением спросил де Берни.

Бандри презрительно сплюнул:

— Я никому никогда не доверяю — только самому себе.

— Но что еще я могу ей сказать?

— Почем я знаю? А раз так, значит, лучше действовать наверняка. Так что давай прощайся прямо здесь. Черт возьми, ну и что с того? Вы же муж и жена! К чему все эти церемонии!

Де Берни вздохнул и вновь с грустью улыбнулся:

— Ну что ж, Присцилла! Нам больше нечего сказать друг другу. А может, оно и к лучшему...

Француз наклонился к ней. Он хотел поцеловать ее в щеку, но она повернула голову и подставила ему губы.

— Шарль! — повторила она тихим, печальным голосом.

Внезапно побледнев, де Берни отступил назад, подав Холлиуэлу знак, после чего тот поднял

девушку на руки и, войдя в воду, понес ее к шлюпке. Майор с Пьером последовали за ними; забравшись в шлюпку, они сели каждый на скамью и положили весла на воду. Буканьеры легонько подтолкнули шлюпку, и она отчалила; на носу у нее развевался белый парламентарский флажок. Несколько секунд де Берни глядел вслед удалявшейся шлюпке, к его ногам с мягким шуршанием ложились волны. Мисс Присцилла сидела на корме, спиной к берегу, — ему хорошо было видно ее зеленое платье. Наконец француз очнулся и, опустив подбородок на кружевное жабо, молча и неторопливо двинулся вверх по берегу следом за Бандри и Холлиуэлом.

А мисс Присцилла сидела в шлюпке и тихо плакала.

— Мисс, — обратился к ней Пьер, тронутый ее слезами, — не надо плакать. С господином де Берни все будет в порядке. Он знает, что делает. Поверьте, с ним все будет в порядке.

— Во всяком случае, — проговорил майор, — теперь это совсем неважно.

— Как вы смеете такое говорить? — сказала девушка с таким гневом и презрением, что он не отважился бы повторить свои слова, даже если бы она дала ему на это время. — Вот, стало быть, как вы цените человека, который ради нашего спасения рисковал жизнью?

Майор ответил ей зло и сердито:

— А я смотрю на наше положение совсем по-иному. Да! Клянусь честью!

— Это правда? Выходит, вы еще глупее, чем я думала!

— Присцилла! Вы так опрометчивы в своих суждениях! Этот пират использует нас в своих корыстных целях. Нужно быть слепой, чтобы этого не видеть. Вспомните о его поручении.

— В его действиях нет ничего предосудительного. Они благородны и вполне оправдывают доверие, которое я на него возложила.

Майор громко рассмеялся — мисс Присцилле было противно смотреть на его лицо, расплывшееся в довольной ухмылке.

— Благородны!.. — усмехнулся он. — Захочешь спасти свою шкуру, поневоле станешь благородным. Захлопнулась ловушка — и этот разбойник и пират тотчас же стал сочинять какие-то условия. Ему крупно повезло, что мы оказались у него в руках, и он это знает: если б не мы, кто выполнил бы его поручение? Вот и все его благородство, девочка!

За его спиной послышался мягкий голос Пьера:

— Если господин де Берни останется цел и невредим, он узнает, какого вы о нем мнения.

— Да я сам скажу ему об этом, даю слово! — огрызнулся майор, разозлившись, что его атаковали и с тыла.

Вслед за тем, поскольку мисс Присцилла не пожелала продолжать этот разговор, в шлюпке воцарилось тягостное молчание. Так же молча они подошли к «Королеве Мэри», флагману адмирала Моргана. Стоя на носу, Пьер закрепил шлюпку у нижнего конца наружного трапа.

Мисс Присцилла, отвергнув помощь майора, оперлась на руку Пьера и первой стала подниматься по красному борту корабля; сразу же за ней, для подстраховки, полез майор.

Наверху мисс Присциллу встретил мужчина средних лет, дородный, даже тучный, в расшитом золотом и увитом лентами роскошном камзоле; в его мясистом, с желтоватым оттенком лице, украшенном закрученными книзу усами, не было ничего привлекательного.

Облокотясь на релинги, он невозмутимо наблюдал, как она поднимается по трапу. Наклонясь вперед, он помог ей взойти на палубу. Затем он отступил на один шаг назад и с восхищением принялся ее рассматривать. За его спиной стояли в ряд двадцать матросов, вооруженных мушкетами, а в двух шагах от них — молоденький с виду офицер. При виде девушки, когда та уже была на верхней площадке трапа, их глаза тоже округлились от изумления.

— Да хранит нас Господь! Что это за явление? — спросил полный мужчина. — Во имя неба, кто вы, сударыня?

Девушка пристально посмотрела на него и сказала:

— Я Присцилла Харрадин, дочь сэра Джона Харрадина, покойного генерал-губернатора Наветренных островов.

Потом она прибавила:

— А вы сэр Генри Морган?

Мужчина снял украшенную перьями шляпу и отвесил ей низкий поклон. В его подчеркнuto изысканных манерах угадывалось что-то сардоническое, говорившее о том, что в этом оплывшем с годами теле, где-то в самой глубине, еще теплится огонь счастливой романтической юности.

— Ваш покорный слуга, сударыня. Но что связало мисс Присциллу Харрадин с разбойниками Тома Лича? Странную, однако, компанию подобрала себе дочь генерал-губернатора!

— Я прибыла с поручением, сэр Генри.

— От этих головорезов? Гореть мне адским пламенем, сударыня! Но как вы попали к ним?

В это время на борт взобрался майор; остановившись на мгновение, он спрыгнул на палубу и, довольный и счастливый, подошел к ним. Наконец-то он оказался среди тех, кто по достоинству оценит его чин и звание. Он тотчас отрекомендовался:

— Я майор Сэндз. Майор Бартоломью Сэндз, заместитель покойного сэра Джона Харрадина, губернатора Антигуа.

Морган окинул его суровым взглядом, от которого майору стало не по себе. В его глазах он заметил странную, недоброжелательную усмешку. Массивное лицо с нахмуренными бровями вразлет, крупный нос, как у большой хищной птицы, — ничто в его облике не внушало уважения, как ожидал майор.

— Если сэра Джона не стало, какого дьявола вас занесло так далеко от места службы? Ну-ка, признавайтесь, может, вас обоих ненароком похитили прямо с Антигуа? Однако ни о чем подобном мне вроде бы не приходилось слышать.

— Мы плыли в Англию на корабле под названием «Кентавр», вон на том, — сказал майор, указав туда, где стоял корабль. — С нами был еще один мерзавец француз — кажется, он служил при вас адъютантом.

— Ого! — вдруг оживилось угрюмое желтоватое лицо адмирала, что еще пуще подчеркнуло его презрительно-насмешливое выражение. — Этот шельмец де Берни, а? Так-так. Прошу вас, продолжайте.

Мисс Присцилла хотела было прервать майора, однако тот и слышать ничего не желал. Набывчив голову, он пустился рассказывать о том, как Том Лич взял «Кентавр» на бордаж, как де Берни предстал перед пиратами. Склоняя имя француза на все лады всякий раз, когда речь заходила о нем, он собрался продолжить свой рассказ и дальше, но сэр Генри, стоявший с гордым, надменным видом, неожиданно остановил его.

— Если вы говорите правду, — заметил он, — тогда, получается, этот Берни спас вам жизнь и даже больше того.

— Если я говорю правду? — вызывающе воскликнул майор. — Если я говорю правду, сказали вы, сэр Генри? Выходит, вы берете мои слова под сомнение, сударь?

— Оставьте, к чертям, свой гонор, сударь! — повысил голос Морган. — А если так? Раз вы не лжете, значит, вы самый отъявленный негодяй из всех, каких я когда-либо встречал.

Майор, чье лицо то краснело, то бледнело, встал навтыяжку:

— Сэр Генри, я имею честь быть уполномоченным Его величеством и...

— Ну и что? Я тоже, сударь. Я тоже имею такую честь, хотя ее удостоено и немало мошенников. Но что это доказывает? (При этом он сделал широкий жест рукой, сверкавшей позолотой.) Мы теряем время. Мне бы очень хотелось узнать, как вы попали ко мне на борт и зачем?

Повернувшись к девушке, он улыбнулся ей и поклонился:

— Может, теперь вы расскажете, сударыня...

Мисс Присцилла поспешила удовлетворить его просьбу, обрадовавшись, что майор наконец-то закрыл свой рот.

— Сэр Генри, мы прибыли к вам с поручением от де Берни.

— Ого! — воскликнул Морган и весь превратился в слух, забыв про майора, который, кусая губы, бледный от злости, отошел в сторону.

— Он просил передать вам свои условия, сэр Генри.

— Условия? (Его полные щеки от удивления округлились еще больше.) Условия?

И, повернувшись к офицеру, стоявшему за его спиной, он сказал:

— Какая наглость! Мы держим их под прицелом, а они еще ставят нам условия. Ну и ну, черт побери! И что же это за условия?

Мисс Присцилла принялась объяснять, как и учил ее де Берни, что буканьерам совсем не страшны их пушки и ружья: они укроются в зарослях, и Моргану придется пожертвовать жизнью не одного человека, прежде чем ему удастся выкурить их оттуда...

Морган резко и надменно прервал ее:

— Да-да. Оставим это. Вернемся к условиям! К условиям!

И девушка поведала ему следующее: де Берни отдает ему Тома Лича, живого или мертвого, снимает с кораблей все пушки и бросает их в море в том случае, если буханьярам будут предложены приемлемые условия сдачи и если им позволят беспрепятственно покинуть остров, когда им заблагорассудится. Таковы их условия. Однако мисс Присцилла не просто перечисляла их, а просила — всем своим видом и голосом, — чтобы они были приняты, как будто она выступала в роли защитника де Берни.

— Приемлемые условия сдачи! — медленно и на удивление насмешливо проговорил сэр Генри.

Девушке пришлось еще раз повторить, что, если условия буханьяров будут отклонены, они сумеют за себя постоять. На сей раз адмирал выслушал ее внимательно, но недобрая и вместе с тем довольная улыбка, осенившая его лоснящееся лицо, ввергла ее в отчаяние. И все же, преодолев робость, невзирая на его презрительные усмешки, она стояла перед ним с гордо поднятой головой.

— Ого! — проговорил адмирал, когда она закончила. — Наконец-то вы в безопасности, сударыня, и вы тоже, майор. Я поздравляю вас обоих. Сударыня, меня несколько не удивляет, что вы так горячо хлопчете за этого каналью. Я понимаю вас и ценю чувство благодарности, кое движет вами.

Взглянув на нее с улыбкой, он вновь принял нарочито учтивый вид. Затем его взгляд перекинулся на майора.

— А вам, сударь, как я погляжу, не очень-то хочется, чтоб я вступал с ними в сделку?

— Рискую снова быть неправильно понятым, — важно ответил майор, — я, однако, считаю своим долгом сказать «нет». Добро есть добро, а зло есть зло. Что касается благодарности, то я не вижу причин для нее. Этот хват использовал нас как инструмент для осуществления своих замыслов, вот и все. Я не буду настаивать на том, что вы ошибаетесь относительно меня. Однако должен сказать вам начистоту, что среди всей этой шайки головорезов не нашлось ни одного храбреца, который отважился бы выполнить это поручение.

Грузное тело сэра Генри вдруг содрогнулось от смеха.

— Ого! Черт побери! Я верю вам! К моим реям они относятся с большим почтением! Быть может, вы и в самом деле правы, майор, как знать...

Он резко повернулся к молодому офицеру, стоявшему во главе вооруженных матросов.

— Возьми-ка человек двенадцать, Шарпл, и отправляйся на берег с белым флагом. Да передай этим сукиным сынам, что, прежде чем обсуждать их условия, я требую, чтобы они выдали мне не только Тома Лича, но и этого шельмеца де Берни. Как только оба этих мерзавца будут у меня на борту, я решу, что делать дальше. Но не раньше. И напомни им, что мои пушки нацелены на берег, так что пусть только попробуют сунуться в заросли, тут же отправлю их к чертям в преисподнюю. Ясно? Теперь ступай.

Козырнув в ответ, красавчик лейтенант дал понять, что приказ ему ясен. Мальчишеским голосом он отдал короткое распоряжение. Бросившись выполнять команду, матросы один за другим устремились к трапу.

Майор ликовал. За этот приказ он готов был все простить Моргану. Хотя этот дородный молодец и был когда-то отъявленным злодеем и пиратом, сейчас он знает свое дело.

Мисс Присцилла, у которой побелели даже губы, дрожа всем телом, приблизилась к сэру Генри и робко коснулась его могучей, как у настоящего моряка, руки.

— Сударь... сударь! — проговорила она умоляющим голосом. — Сударь, все, что сказал вам майор, едва ли можно назвать правдой. Я уверена, отправив нас сюда, де Берни прежде всего помышлял о нашем избавлении. Я стольким... стольким обязана ему. Он такой благородный, такой благородный...

Из груди сэра Генри вырвался смех, от которого он даже содрогнулся. Потом он нахмурил брови, и от этого у него на переносице образовалась глубокая недобрая складка.

— Ох-ох! Конечно-конечно! Они прекрасные кавалеры, эти французы, но куда им тягаться с Берни! Ох-ох! Могу поручиться, что он и впрямь переплюнул всех рыцарей на свете!

— Сударь, вы не поняли меня! — воскликнула мисс Присцилла.

— Да, сударыня, да. Этот плут де Берни никогда не упустит своего. Я прекрасно вас понимаю. Пусть с меня живьем сдерут шкуру, если это не так! Это он молодец! Я стал старый, сударыня, раздобрел вот, но под этим слоем жира еще бьется юное сердце.

Его слова показались девушке ужасными, а от его игривого взгляда у нее по телу пробежала дрожь. Но она с достоинством справилась с охватившим ее чувством неприязни и сказала:

— Сэр Генри, прошу вас, выслушайте меня... Я вас умоляю.

— Поверьте, сударыня, Генри Морган всегда отступал перед женской красотой...

Морган, казалось, радовался душой, вспоминая о своих былых приключениях.

— Так что вы хотели сказать, сударыня?

— Речь идет о де Берни. Я обязана ему жизнью, и даже больше, чем жизнью.

— Честное слово, я это уже понял.

Его мрачные глаза подмигнули ей, что больно задело ее. Но она сделала вид, будто этого не заметила.

— Мой отец был верным и достойным слугой Его величества. И разумеется, сударь... разумеется, услуга, оказанная господином де Берни его дочери, должна быть зачтена в его пользу в случае, если ему будет суждено предстать перед правосудием!

Сэр Генри посмотрел на нее с нарочитой серьезностью. Затем его вновь охватила безудержная веселость, причинявшая ей столько душевных мук.

— Э, сударыня! В своей жизни я успел оказать столько услуг дочерям достойнейших отцов, что и не счесть! Но какой благодарностью они отплатили мне за мою доброту! Увы, я не нуждаюсь в вашей защите.

И он отвернул от нее глаза.

— Сэр Генри, — снова начала девушка в отчаянии...

Однако сэр Генри и слышать ничего не хотел.

— Не стоит больше ничего говорить, сударыня.

С этими словами он бесцеремонно повернулся и тяжелой поступью направился к комендорам, выкрикивая направо и налево какие-то команды.

Глава XXI

КАПИТУЛЯЦИЯ

Мисс Присцилла с тяжелым сердцем наблюдала, как отдалялась шлюпка, которой командовал лейтенант Шарпл и где вместе с вооруженными мушкетами матросами сидел Пьер.

К ней подошел офицер и от имени сэра Генри пригласил ее и майора Сэндза разделить общество адмирала в кают-компанин.

Майор охотно принял приглашение; сейчас у него на смену раздражению, от которого последние дни он не мог избавиться, хотя знал, что проку в нем нет никакого, пришло чувство отеческой заботы.

— В кают-компанин вам станет лучше, Присцилла, — сказал он.

— Благодарю вас, — холодно ответила девушка. — Мне и здесь хорошо.

— Как вам будет угодно, сударыня.

Офицер поклонился и покинул их. А она так и осталась стоять, опершись на релинги, и все смотрела вслед шлюпке, быстро приближавшейся к берегу, где ее уже поджидали буканьеры. Она отчетливо видела, что впереди всех возвышалась величественная фигура де Берни. Рядом с ним стояли Бандри, Холлиуэл и Эллис — все четверо составляли отдельную группу.

Майор Сэндз снова подошел к мисс Присцилле.

— Дорогая девочка, наше приключение закончилось, и у нас есть все основания поблагодарить за это небо... Самые серьезные основания.

— Да, — проговорила она. — Поблагодарим лучше Шарля де Берни.

Майор ждал от нее совсем другого ответа. Однако он понимал, что нет смысла спорить с женщиной, ставшей жертвой какой-то навязчивой идеи и своего упрямства. Наверное, надо быть с нею повеликодушнее. От кошмара, начавшегося месяц тому назад, постепенно наступало пробуждение. Скоро этому задаваке-пирату воздастся по заслугам, и они наконец спокойно продолжат свой путь в Англию, этот жуткий сон будет далеко позади, а пройдет немного времени, и в их памяти от него не останется и следа. Мисс Присцилла найдет успокоение. А майор великодушно забудет все недоброе, что было между ними. Коротко говоря, все образуется.

Майор продолжал тешить себя подобными надеждами, а мисс Присцилла все следила за шлюпкой — она должна была вот-вот уткнуться носом в берег.

И вот ее днище со скрежетом проползло по прибрежной гальке; из нее высадился только лейтенант Шарпл в сопровождении Пьера, а матросы, держа пальцы на спусковых крючках мушкетов, остались в шлюпке.

Мисс Присцилла видела, как офицер в красном камзоле с высоко поднятой головой приблизился к де Берни и трем главарям буканьеров. Вся остальная шайка стояла немного позади и, казалось, внимательно наблюдала за тем, что происходит между их главарями и парламентаром сэра Генри Моргана.

Судя по всему, послание адмирала произвело среди главарей оживление. Бандри и Холлиуэл заговорили в один голос, сопровождая свои слова бурными жесты. Покуда решалась его участь, де Берни стоял чуть в стороне. Только один раз попробовал он вступить в разговор — когда лейтенант Шарпл выдвинул условие о его выдаче. Он принялся горячо возражать, да и понятно — ведь речь шла о его жизни или смерти.

— Возвращайтесь к Моргану, — сказал он, не дав парламентару вымолвить и слова, — и передайте ему, что, если он и дальше будет настаивать на этом, мы уйдем в заросли и...

Однако Холлиуэл резко оборвал его:

— Клянусь преисподней, — проворчал он. — Это черт знает что. Морган может пустить «Кентавр» на дно, а «Черный Лебедь» расстреляет из пушек — разобьет в мелкие дребезги, и тогда все мы здесь сгнием, но сперва передохнем с голоду.

— Полегче! Полегче! — вставил Бандри. — Нас не так-то просто одолеть. Кругом лес, так что построить новый корабль для нас раз плюнуть.

— Прошу запомнить, сэр Генри человек решительный, — с твердостью ответил лейтенант. — И вам нелегко будет тягаться с ним. Если вы бросите ему вызов, будьте уверены, он оставит здесь один корабль, чтоб никто из вас не смог и носу показать на берег. У вас только один выход — подчиниться его приказу. Выдайте Лича и Берни. Тогда, быть может, к остальным сэра Генри проявит милость. Но если вы будете упорствовать и дальше, уж он-то придумает, как взять Лича, Берни и всех вас.

Завязался спор. Уоган, заскулив, поддержал послание сэра Генри.

— Угу, черт возьми! А что нам еще остается делать? Паршиво, конечно, сдавать Чарли... Но что поделать, раз вопрос стоит так: либо он, либо мы все?

— Эвон как хреново все вышло! — откровенно признался Холлиуэл.

Однако Бандри, видевший дальше всех, настаивал на неподчинении. Если де Берни будет с ними, а их корабли останутся целы и невредимы, пускай и без пушек, они еще смогут за себя постоять. Поэтому он попросил передать Моргану, что с него хватит и одного Лича. Но лейтенант твердо стоял на своем. Он коротко ответил, что не уполномочен обсуждать другие вопросы — ему велено просто передать условия сэра Генри. К тому же, заметил он, в их положении вряд ли можно рассчитывать на более великодушные условия. Так что напрасно Бандри и Эллис просят его передать Моргану их новые предложения. Лейтенант Шарпл заявил, что это бесполезно. А отсутствие согласия между ними сделало его еще более непреклонным. В конце концов он попросил их принять решение не мешкая.

Бандри повернул рябое лицо к де Берни.

— Я сделал все, что мог, Чарли, — сказал он и безрадостно пожал плечами. — Ты ведь слышал?

Де Берни стоял гордый и непреклонный.

— Я-то слышал. И все понял. Выходит, прощай... (Он также пожал плечами.) Прощай, победа и удача!

С этими словами он снял инкрустированную серебром португую и, передав шпагу Шарплу, сдался ему в руки.

Лейтенант, кивнув, принял шпагу и бросил ее матросу, стоявшему на носу шлюпки.

— А теперь Том Лич, если угодно! — сказал он, ища его глазами и явно недоумевая, оттого что грозного пирата среди них нет.

— Ах да! — угрюмо буркнул Бандри. — Конечно, Том Лич...

На мгновение заколебавшись, Бандри задумчиво уставился на красавчика Шарпла.

— Живого или мертвого — таковы, кажется, были условия, — проговорил он то ли вопрошая, то ли утверждая.

Лейтенант широко раскрыл глаза:

— Что? Он мертв? Значит, вы хотите отдать его тело? Ладно, мертвого, так мертвого! Раз уж таковы условия.

Бандри кивнул, сделал пол-оборота и направился вверх по берегу к буканьерам, столпившимся в стороне.

Де Берни бросился следом за ним и, остановив его за плечо, что-то шепнул ему — от его слов бесстрастное лицо пирата вдруг оживилось. Покачав головой и усмехнувшись, Бандри сделал вид, что все понял. Потом, после того как его окликнул Шарпл, де Берни не спеша побрел назад и поднялся в поджидавшую его шлюпку.

Мисс Присцилла, которая по-прежнему стояла у самого борта «Королевы Мэри», облокотившись на релинги, все видела и все поняла. Из груди у нее вырвался слабый стон.

— Труссы! Предатели! — воскликнула она. — Они выдали его... Чтобы спасти свои паршивые шкуры.

От сковавшего ее ужаса и боли она едва не лишилась сознания.

К действительности ее вернула тяжелая, величественная поступь адмирала, который в сопровождении двух человек поднимался на палубу. Словно во сне — так, во всяком случае, ей показалось, — она услышала, как кто-то возвестил о возвращении Шарпла, потом она увидела, как к релингам приблизился сэр Генри, и вслед за тем до нее донесся его грозный окрик:

— Ну, а где этот чертов Лич? Почему Шарпл не взял его? Простофиля проклятый! Спускайтесь вниз, Олдерсли. Передайте Бенджамину, чтоб комендоры были готовы. Скоро придет их час. Я всех их отправлю в преисподнюю! Сейчас я покажу этим собакам! Или они думают, с Генри Морганом можно в бирюльки играть?

Сильно перегнувшись через релинги, он крикнул вниз:

— Что это, черт побери, значит, Шарпл? Где Том Лич?

— Подождите минуту, сэр Генри! — слышался в ответ голос лейтенанта.

Ударившись со скрежетом о борт корабля, шлюпка остановилась у откидного трапа. Потом наступило короткое затишье, и вслед за тем широко раскрытые, испуганные глаза мисс Присциллы заметили силуэт де Берни: француз неспешно поднимался по релингам и наконец достиг верхней части трапа. Невозмутимый и улыбающийся, сейчас он предстал перед нею таким, каким она привыкла видеть его в минуты опасности. Отвага, с какой он шел навстречу судьбе, казалась невероятной.

Сэр Генри, стоявший чуть поодаль, поднял глаза и сурово посмотрел на улыбающегося француза; в это время из-за борта показалась голова и плечи Пьера, он поднимался следом за своим господином.

— Проклятье! Где Лич? — прогремел сэр Генри. — Что это значит?

Де Берни сделал пол-оборота в сторону Пьера и протянул левую руку. Метис передал ему окровавленный парусиновый мешок. Де Берни потряс им, как бы взвешивая, и швырнул его перед собой. Мешок с хлюпающим звуком шлепнулся к ногам сэра Генри.

— Здесь все, что вы требовали, — сказал де Берни. — Голова, которую вы оценили в пять сотен ливров.

Сэр Генри громко вздохнул.

— Боже правый!

На лице у него выступила краска, он еще раз взглянул на зловещий мешок: под ним, на желтой палубе, образовалась лужа крови. Потом он пнул его башмаком, украшенным большим бантом. Нет, сначала он осторожно прикоснулся к нему ногой, а затем сильным пинком отшвырнул в сторону.

— Уберите это! — приказал он одному из сопровождавших его людей и устремил пристальный взгляд на де Берни.

— Ты, черт побери, все понимаешь буквально, — сказал он.

Де Берни легко спрыгнул на палубу.

— Иными словами, если хотите, я с лихвой исполнил то, что обещал, чем и спешу похвалиться. Вор у вора дубинку украл, как, по словам майора Сэндза, сказали бы те, кто назначил вас губернатором Ямайки.

Сэр Генри бросил косой взгляд на майора Сэндза, который, оторопев, застыл рядом с мисс Присциллой. Девушка осталась сидеть с широко раскрытыми глазами, с трудом веря в происходящее, ибо для нее все это едва ли походило на правду.

— О, неужели? — произнес сэр Генри. — Он в самом деле так полагает? Вот оно что! Однако у нас есть дела поважнее. Нам еще многое предстоит объяснить друг другу.

— Я вам все объясню тотчас же, как только получу обещанные вами пять сотен ливров и еще

пятьсот — те, что вы мне проспорили.

— Ах да, ты же всегда знал себе цену, Шарль.

— Раньше у меня не было случая доказать это. Зато в вас я уже стал сомневаться — начиная с позавчерашнего дня. Вы опоздали на целых три дня, и все это время я жил в смертельной тревоге, так как мне постоянно приходилось сносить оскорбления от этого пса, теперь уже дохлого... Но, как только вы показались на горизонте, я отомстил ему за все... Впрочем, так было нужно — ведь, как вы сами изволили выразиться, я все понимаю буквально.

— Ладно, мы с тобой квиты, — проворчал Морган. — Однако не забывай, тебе пришлось бы и вовсе худо, не придумай я, как вырвать тебя из их лап. Где бы ты сейчас был, если б я не потребовал, чтоб они выдали тебя?

— Там, где мне суждено было быть, — но это лишь в том случае, если бы я полагался на глупца, ибо только глупец не способен все предусмотреть заранее.

— Черт возьми! Надо ж быть таким самоуверенным?

— А разве моя самоуверенность не была оправдана? Или я не справился с порученным мне заданием?

— Признаться, нет, плут ты несчастный! Тебе просто повезло.

— Было немного. Слава Богу, мне не пришлось долго гоняться за Томом Личем — он сам нашел меня, на свою беду. И эта случайность сэкономила Его величеству расходы по найму и оснастке корабля, которым мне пришлось бы воспользоваться, чтобы вести охоту по всем правилам военного искусства.

— Пошли вниз, — сказал Морган. — Мне нужен подробный отчет о всех твоих похождениях.

Глава XXII

БЕЗРАССУДСТВО МИСС ПРИСЦИЛЛЫ

Мисс Присцилла сидела в кают-компании «Королевы Мэри» вместе с де Берни, сэром Генри Морганом и майором Сэндзом. Девушка и майор спустились туда по просьбе француза, теперь пришло время им узнать всю правду обо всем, что с ними приключилось.

Все устроились за круглым столом, к ним присоединился и капитан Олдридж, приземистый мужчина средних лет, со впалыми бледными щеками, он командовал «Королевой Мэри» и служил под началом адмирала сэра Генри Моргана.

Де Берни бесстрастно и очень подробно поведал о своих приключениях и о том, как ему удалось заполучить голову Тома Лича.

Мисс Присцилла, наконец освободившись от страхов, но все еще переживавшая потрясения, которые обрушились на нее нынче утром, не смела верить своим ушам и глазам. Майор выглядел довольно мрачным и несколько встревоженным. Один лишь Морган был весел, несмотря на то, что проиграл пари в пятьсот ливров. Угроза со стороны английских властей, висевшая над ним, пока был жив Том Лич, наконец миновала, и теперь он радовался без удержу: то и дело перебивал рассказ француза взрывами смеха и веселыми прибаутками,

которые он произносил нараспев, что выдавало в нем уроженца Уэльса.

Когда же де Берни рассказал про то, как «Кентавр» был взят на абордаж и какой прием он оказал главарю пиратов, радость Моргана перешла все границы.

— Черт возьми! Если и есть на свете шельмец, которому любая беда на руку, так это ты, Шарль! Ну и мастак же ты сочинять сказки, дружище! Этого у тебя не отнять!

— Да, но ты не думай. — сказал де Берни, — что сказку про испанский караван я придумал с ходу. Я обдумал все заранее. Мне с самого начала казалось, что Лич непременно клюнет на эту приманку, — так я и заманил его на Мальдиту. Я верно рассчитал, что его корыто нуждается в основательном ремонте, ведь он всегда был никудышным моряком.

Когда рассказ был закончен, сэр Генри распорядился подать ромового пуншу с лимонами. Капитан Олдридж, заерзав на стуле, спросил:

— Вы все так здорово объяснили, но одного я никак не возьму в толк: зачем вам понадобилось драться с Личем, когда мы были уже на подходе к Мальдите? Вы же знали, стоило нам потянуть за веревочку, как ловушка тут же бы захлопнулась, — зачем было рисковать своей жизнью?

— Рисковать жизнью? — гордо усмехнулся де Берни. — А я вовсе не рисковал ею. Лич мог сойти за мастера шпаги только перед пиратами — перед любым же мастером шпаги он мог сойти только за пирата.

— Тебе следовало бы придумать что-нибудь получше, мой мальчик! — заметил Морган с укоризной.

Де Берни, казалось, пришел в легкое замешательство — такое случилось с ним впервые. После короткого колебания он пожал плечами и произнес:

— Нет, у меня были причины лично покарать этого разбойника...

Его посуровевший взгляд невольно упал на мисс Присциллу, сидевшую прямо напротив, потом снова остановился на желтоватом лице Моргана.

— К тому же, Морган, будь Лич жив, когда вы легли в дрейф, думаю, он непременно дал бы вам жару.

— Ну и что ж! Куда бы он делся — сети-то уже были расставлены?

— Затаился бы с людьми в зарослях, а может, и того хуже.

— Как прикажешь тебя понимать, черт возьми? Какую гадость он еще мог выкинуть? — настаивал Морган.

Де Берни опять замешкался. Потом резким жестом указал на майора Сэндза и мисс Присциллу.

— Вздумай он упорствовать, и этот господин, и эта дама остались бы у него в заложниках.

Взглянув на майора, Морган нахмурил брови, как бы недоумевая, отчего это де Берни рисковал своей жизнью из-за какого-то болвана, притом первостатейного, но тут его взгляд остановился на мисс Присцилле. Он громко рассмеялся — ему все стало ясно. И, сильно хлопнув рукой по

столу, он сказал:

— О-хо-хо! Теперь я понял! Выходит, вы были соперниками! Черт меня побери! Да, ведь мисс говорила — ты же вел себя как заправский кавалер...

От его раскатистого смеха сотрясалось не только его тело, но и вся кают-компания. Майор кашлянул, выразив тем самым свое недовольство. Лицо мисс Присциллы зарделось, и она, задетая циничным смехом адмирала, в смущении опустила голову. Худощавое, обветренное лицо Олдриджа расплылось в улыбке.

Только де Берни оставался невозмутимым. Он терпеливо подождал, пока адмирал перестанет хохотать и успокоится. После чего ледяным голосом он произнес:

— Хоть король и произвел вас в кавалеры и даже сделал губернатором Ямайки, однако вы, Морган, остались таким, каким сотворил вас Господь. И мне до сих пор непонятно, зачем он это сделал. Прошу вас, мисс, не обращайтесь на него внимания. Ума не приложу, и что он делает здесь, в адмиральской каюте, когда ему с его замашками самое место на полубаке.

— У тебя чертовски злой язык! — прямо ответил Морган, все еще сотрясаясь от смеха. Затем он поднял бокал за здоровье юной мисс.

— Не серчайте, сударыня... Мое почтение. Я пью за ваше счастливое избавление. И за ваше тоже, господин Сухопутный [53] майор.

— Майор Сэндз, сударь, — сухо поправил его наш вояка.

— А это одно и то же, — заявил Морган и снова расхохотался.

Капитан Олдридж откашлялся и, сжав руки в кулаки, положил их на стол.

— Давайте вернемся к делу, сэр Генри. Что будем делать с теми орлами — там, на берегу?

Сэр Генри обратился к де Берни:

— Как думаешь, Шарль?

Де Берни ответил не мешкая:

— Прежде всего надо послать людей на «Кентавр» и привести в порядок все, что вы там понакрушили. Затем снять с «Черного Лебедя» пушки, поднять на скалу и сбросить в море. А «Черный Лебедь» расстрелять из наших орудий — превратить в решето. Ну а уж потом убраться восвояси.

— Что? И оставить этих злодеев на свободе? — с негодованием воскликнул Олдридж.

Негодовал не только он один. Майор, затрясшись от возмущения, отважился высказать свое слово:

— Это предложение достойно пирата! Да, клянусь честью! Так мог сказать только пират! Господин де Берни грудью стоит за своих бывших дружков — это ж ясно как божий день.

После его злобного замечания воцарилась глубокая тишина. Сэр Генри Морган медленно поднял глаза на дерзкого выскочку и, приняв надменный вид, посмотрел ему прямо в лицо:

Игра слов, основанная на английском написании фамилии майора — Sands, что в переводе на русский означает «песок», «песчаный берег». В устах сэра Генри Моргана, бывалого моряка, в прошлом знаменитого буканьера, морского волка, «сухопутный» звучит как оскорбление и означает «сделанный из песка», или «трухлявый».

— А кого, черт бы вас побрал, интересует ваше мнение?

Майор встал вне себя от гнева: как смел этот невежа говорить с ним в подобном тоне!

— Похоже, сударь, вы забыли — я имею полномочия короля и...

— Подите вы к дьяволу с вашими полномочиями, сударь! — прогремел Морган. — Это дело вас совершенно не касается.

— Еще раз говорю вам, сударь, я имею полномочия короля.

— Я питаю безмерное уважение к Его величеству, черт возьми! Сядьте, любезнейший. Вы нам мешаете. Да садитесь же!

— Нет, вы выслушайте меня, сударь, — не унимался майор, ничуть не испугавшись хмурого взгляда сэра Генри. — Я вправе заставить вас слушать меня. Да, это мое право. Как офицер Британской короны, я считаю своим долгом отвергнуть — категорически отвергнуть — предложение, которое наносит оскорбление Его королевскому величеству.

Бросив на него недобрый взгляд, сэр Генри дрожащими от смеха губами, которые не могли скрыть даже его усы, бесстрастным, угрожающим голосом проговорил:

— Вы закончили, сударь?

— Я еще и не начинал, — ответил майор и, прокашлявшись, собрался продолжить.

— Это всего лишь вступление, — вставил де Берни.

Тут Морган со всего размаху грохнул кулаком по столу:

— Должен вам напомнить, майор, вы младше меня по чину, которым вы так кичитесь, а значит, будьте любезны подчиняться мне! Я не имею привычки напоминать моим людям, что здесь команду я. И вы будете говорить тогда, когда вас попросят.

— Вы забываете, сударь... — попробовал возразить майор.

— Я ничего не забываю! — проревел сэр Генри и прибавил: — Я же сказал вам, сударь, сядьте. И оставьте, к чертям, вашу фанаберию, а не то велю заковать вас в кандалы! Садитесь!

Выпучив глаза, майор было принял вызывающий вид, однако повелительный взгляд адмирала живо поставил его на место, и он стоял и только мигал глазами. Потом, презрительно пожав плечами, он отставил стул от стола и сел, положив ногу на ногу.

Сэр Генри обратился к де Берни:

— Итак, Шарль?

— Капитан Олдридж полагает, что негоже даровать свободу команде «Черного Лебедя». Однако, на мой взгляд, в этом нет ничего страшного. Они крепко сели на мель: у них нет ни корабля, ни пушек, ни капитана — положеньице не позавидуешь. Если им когда и удастся выбраться отсюда, маловероятно, что они снова возьмутся за старое. Слишком хороший урок они получили.

— Клянусь честью, я такого же мнения, — сказал Морган, искоса взглянув на майора. — Хотя майор Суша наверняка думает иначе.

Майор раздраженно снял ногу с колена и, подавшись вперед, проговорил:

— Я уже говорил вам, сударь, меня зовут Сэндз.

— Да ну? — усмехнулся Морган. — Суша или песок — разве это не одно и то же? (Он поднялся.) Пошли, Олдридж. За работу. Последуем совету Шарля. В конце концов, это самое верное.

Олдридж встал и пошел следом за адмиралом. Однако, перед тем как уйти, адмирал повернулся к мисс Присцилле и сказал:

— Сейчас пришлю слугу, он приготовит вам каюту, а также вам, Шарль, и вам, майор.

Майор и де Берни поднялись одновременно. Майор холодно кивнул. Но де Берни хотел еще что-то сказать:

— Если позволите, Морган, я пойду на Ямайку на другом корабле. Может, мне самому заняться «Кентавром»?

Морган удивленно посмотрел на него, потом обвел взглядом остальных. У майора непроизвольно вырвался вздох облегчения, мисс Присцилла подняла глаза, исполненные недоумения и печали. Сэр Генри сжал губы, погладил длинные усы и призадумался.

— Какого дьявола!.. — начал он, потом пожал плечами и сказал: — Впрочем, как знаешь, Шарль, как знаешь! Пойдем, Олдридж.

Тяжело ступая, он вышел из кают-компании в сопровождении сухощавого капитана, оставив де Берни наедине с его спутниками. Мисс Присцилла тоже встала. Она была на редкость спокойна и чересчур бледна.

— Барт, — промолвила она, — поднимитесь на палубу и побудьте там немного, окажите любезность!

Майор устремился к ней и подал руку.

— Дорогая! — воскликнул он.

Девушка покачала головой.

— Нет-нет, я хотела сказать, чтобы вы оставили меня. Мне нужно переговорить с господином де Берни.

Лицо майора вытянулось.

— Вы хотите с ним говорить? Но о чем? С какой стати?

— Это касается только меня, Барт. Или вы полагаете, нам нечего сказать друг другу после всего, что произошло? Думаю, вам тоже есть, что ему сказать. Я считаю, что мы в долгу перед ним. А вы?

Майор смутился. Его терзали противоречивые чувства.

— Конечно, я многим обязан господину де Берни... Это вполне естественно. Клянусь честью — вполне естественно! Признаться, я ошибался в нем. По крайней мере, в некотором смысле. И...

— Ради Бога, ни слова больше! — остановил его де Берни. — Этим вы только все испортите.

— Вы скажете все потом, если хотите, — прибавила мисс Присцилла, — а покуда, прошу вас, Барт, оставьте нас.

— Но... (Терзаемый подозрениями, майор колебался.) Но неужели мне нельзя слышать то, о чем вы хотите говорить с господином де Берни? Неужто я не вправе присутствовать? Это даже вполне естественно, дорогая Присцилла, если я останусь и объясню...

— Барт, я собираюсь сказать ему то, что вам не следует слышать.

Красное одутловатое лицо майора, только что выразившее беспокойство, сделалось безразличным.

— Ну, разумеется, Присцилла...

— О, прошу вас, уйдите, уйдите! — нетерпеливо проговорила девушка.

Майор воздел руки к небу.

— Чудесно! Если вы настаиваете... Надеюсь, господин де Берни не станет злоупотреблять положением. И будет помнить...

На этот раз его прервал де Берни:

— Сударь, пока что только вы один злоупотребляете терпением дамы.

Несколько успокоенный его словами, но все еще недовольный, майор направился к двери.

— Если что — я рядом, Присцилла.

— Надеюсь, ничего такого не случится, — ответила она.

Когда майор наконец удалился, девушка отошла от стола и, подойдя к резного дерева рундуку, стоявшему под иллюминаторами, облокотилась на него. Лицо у нее было бледное и взволнованное. Она не смотрела на де Берни, а он, чтобы избежать ее взгляда, отвернулся в сторону и стал ждать, когда она заговорит.

Девушка села спиной к солнечному свету, игравшему яркими бликами в водах лагуны. И наконец спокойно подняла на него глаза.

— Шарль, — бесстрастно промолвила она, — скажите откровенно, почему вы хотите вернуться

на Ямайку на другом корабле?

— Хорошо, — ответил он. — Чтобы избавить вас от присутствия человека, который за целый месяц вам, должно быть, порядком надоел.

— И это вы называете откровенностью? Вы играете со мной или просто не хотите считаться с моими желаниями?

Ее вопрос озадачил француза. Опустив голову на кружевное жабо, он принялся ходить из угла в угол.

— Майор Сэндз достаточно ясно дал понять, какими должны быть ваши желания, когда речь идет обо мне.

— Майор Сэндз? — сказала она с легким недоумением в голосе. — Но при чем здесь майор Сэндз?

— Он ваше единственное зеркало.

— Понимаю... — проговорила она. (Потом наступило молчание, но он даже не попытался его нарушить.) — Неужели это имеет для вас какое-то значение? — спросила она наконец.

— Имеет, так как это, наверное, касается вас.

— Это не имеет ко мне ни малейшего отношения.

— Я сказал — наверное... (Он взглянул на нее и печально улыбнулся.) Знайте, Присцилла, майор Сэндз прав, называя меня пиратом.

— Пиратом? Вас?

— Я был им. И это клеймо осталось на мне и по сей час.

— Но я его не вижу. Но даже если бы и увидела, то не обратила бы внимание... Вы самый храбрый, самый благородный человек из всех, кого я когда-либо знала.

Лицо де Берни стало серьезным и печальным. Он покачал головой.

— Не мучайте меня, не искушайте! — простонал он.

Она встала и вплотную приблизилась к нему.

— Вы сможете избавиться от мук — если поддадитесь искушению.

— И что потом? — спросил он. — Если мы станем мужем и женой... вы и я... ваш мир...

Она поднесла руку к его губам, не желая слушать продолжения, и промолвила:

— Если мы станем мужем и женой, мой мир станет вашим, и тогда, наверное, мы оба будем счастливы...

— Какую страшную и милую ошибку я совершаю! — сказал он и заключил ее в свои объятия.